ОКТЯБРЬ
на Южном
УРАЛЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

ГК 545
О 413

ОКТЯБРЬ

НА ЮЖНОМ

УРАЛЕ.

1 экз.

1927

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОКТЯБРЬ
на Южном Урале.

Юбилейный сборник к 10-ти летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Под редакцией С. ШАПУРИНА.

Издание Златоустовского Истпарта
при Окружном Комитете ВКП (б.)
1 9 2 7.

12 К3

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.
1986

ГК 545
О 413 Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
7867 1399/27 726536

Златоустовский Окрлит № 603—10 сентября 1927 года.
Златоуст, типография Южно-Уральского треста.
Заказ № 2991. Тираж 3000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Сборник „Октябрь на Южном Урале“ имеет ввиду не только массового читателя — рабочего и крестьянина, но и массовика партийца.

Мы стремились дать в этом сборнике исторический материал не только в его исторической последовательности, но и по возможности, в живой, популярной и разнообразной форме.

Поэтому основные части сборника — „На путях к Октябрю“ и „Октябрь и гражданская война“, помимо общих исторических очерков, содержат ряд воспоминаний участников Октябрьского переворота и гражданской войны на Южном Урале.

Вместе с тем, при составлении сборника преследовалась цель дать исторический материал в таком порядке, чтобы читатель мог сосредоточить свое внимание на основных и важнейших моментах того или иного события или периода. Вследствии этого большинство имевшихся в нашем распоряжении исторических материалов, в виде воспоминаний отдельных участников движения, использованы не полностью, а частично, чтобы избежать загромождения сборника многочисленными личными эпизодами, обилие которых неизбежно затруднило бы четкость в освещении общего хода событий и их смысла.

Также думается, что наш читатель с интересом ознакомится с некоторыми историческими документами описываемого периода, почему и приводится как в тексте сборника, так и в приложениях его — ряд наиболее ценных исторических документов; таковы: „Покаянное слово“ эс'еров и меньшевиков, подпольное издание РСДРП о Златоустовском побоище и ряд других документов.

Помещен в сборнике ряд статей, появившихся в более ранних изданиях, которых нет на массовом книжном рынке теперь; таковы: статья главнокомандующего в годы гражданской войны Красной Рабоче-Крестьянской армией т. С. С. Каменева („Привет назаровцам“) и статьи тов. И. Н. Смирнова и некоторые другие.

В сборнике мы не ограничивались только описанием геройства погибших бойцов, но считаем целесообразным говорить и об оставшихся в живых. Не только потому, что люди проводники истории, — нельзя без этого составного элемента истории подводить итоги даже такого промежутка, как одно-два десятилетия,—это имеет и практическое значение, очень удачно выраженное т. Калининым:

„Организационный талант — одно из самых ценнейших свойств человека. Эти организационные способности мы должны развивать среди широких масс населения".

Как же поэтому, как не на живых конкретных примерах и людях учиться сложнейшему искусству организации людей.

Весь живой, конкретный, близкий и понятный современнику материал по истории и работе местной своей родной организации не только не изучается, а и не собран, тлеется в памяти десятка-двух партработников и в значительной мере теряется, забывается. Да и вообще у нас, кажется, нет истории низовых парторганизаций. А между тем есть низовые районы, значение и работа которых в истории партии дожна стоять значительно выше какого либо провинциального, административного центра, история которого тем не менее пишется во множестве книг.

К числу таких низовых районов надо с полным правом и вполне об'ективно отнести Миньярский район.

Как в этой части сборника, так и в других, мы наряду с описанием хода событий, стремились отразить организаторский и пропагандистский опыт прошлого.

Нельзя не оговориться, что спешность и трудность работ, как по собиранию, так и редактированию материала, не могли не отразиться на некоторых технических сторонах сборника. Это последнее обстоятельство, надеемся, не послужит препятствием к широкому ознакомлению со сборником для читательской аудитории — рабочих, крестьян и партийцев.

РЕДАКЦИЯ.

I. Экономика Южного Урала.*)

1. Заводы.

Нынешний Златоустовский округ включает в себя основную промышленную часть бывшей Уфимской губернии.

В состав округа входят три крупнейших, бывших самостоятельными по административно-производственному управлению промышленных округов, это: 1) Симский с заводами — Аша-Балашовским, Миньярским и Симским; 2) Катав-Ивановский с заводами: Юрюзанским, Катав-Ивановским и Усть-Катавским и 3) Златоустовский с Златоустовскими, Кусинским, Саткинским и Миасским заводами.

Основной богатейший источник железной руды, питающий эти заводы, — Бакал, также входит в состав Златоустовского округа.

Перечисленные группы заводов и являются Южно-Уральским горно-заводским промышленным районом.

Не случайно возникли на этой территории южно-уральские заводы. Запасы богатейших руд лежали почти на поверхности земли. Девственные леса давали в распоряжение первым заводчикам более чем достаточное обеспечение древесным топливом. Наконец, многочисленные горные реки предоставляли заводам запасы гидравлической силы. В общих чертах, эти естественные условия были учтены первыми заводчиками. Заводы строились на реках, которые с одной стороны использовались для доставки горючего, а с другой стороны — давали бесплатную энергию для действия заводов.

---

*) Ст. „Заводы“ написана по указанным в последующих примечаниях источникам; некоторые из этих источников требуют особых оговорок; так, в отношении ст. „Промышленность в. Уфимской губернии“ редакция Уфимского Юбилейного сборника оговорилась, что она не вполне согласна с автором; точно также книга И. Подшивалова „Гражданская борьба на Урале“ в ряде ее выводов (о классовой идеологии рабочих Урала, о боевых дружинах и т. д.) встретила возражение со стороны Башистпарта (см. „Юбил. сборник 1905 г.“, Уфа, 1925 г. — ст. „Материалы к истории боевых дружин“); нуждается также в некоторых замечаниях и книга „Из прошлого Южно-Уральских заводов“.

Поэтому мы оговариваемся, что использование этих источников не означает признания полной их авторитетности, они использованы с соответствующей проверкой.

Данное замечание относится и к последующим ссылкам.

Статьи „Рабочий вопрос“ и „Сельское хозяйство“ печатаются по материалам, собранным и подготовленным к печати т. К. Петровым.

Заводы по своему назначению распадались на две большие группы: Симская группа с Симским доменным заводом (основан в 1761 году) и Миньярским передельным, Катавская группа — с доменными заводами: Катав-Ивановским (основан в 1775 г.), Юрюзань-Ивановским (основан в 1758 г.) с его цехом Минским заводом и передельным — Усть-Катавским.

Подавляющее большинство заводов Южного Урала на протяжении почти полутораста лет своего существования (до 1900-х годов), — вместе с заводами Северного Урала являлись почти единственными поставщиками чугуна и железа в стране. Качество этих продуктов было исключительно высокое, благодаря редкой чистоте рудных залежей Бакала и древесному углю, на котором производилась выплавка чугуна. [1])

Проведение в 1889 году Самаро-Златоустовской железной дороги оказало решающее влияние, как на развитие деятельности южно-уральских заводов, так и, в известной степени, на изменение характера их производства. Катавские заводы получили заказы на рельсы. Усть-Катавский завод начинает терять прежнее значение железоделательного завода, специализируясь на производстве железно-дорожных костылей и скреплений, затем, в Усть-Катавском заводе в компании с бельгийскими капиталистами устанавливается вагонное производство. Катав-Ивановский завод превратился исключительно в рельсо-прокатный, а остальные производства в нем получили побочный и вспомогательный характер. Миньярский завод специализировался в то время на листовой прокатке; его кровельное железо пользовалось заслуженной известностью. [2])

В начале 20-го века южно-уральские железоделательные заводы оказались в полосе тяжелого промышленного кризиса; основная и первая причина кризиса заключалась в том, что к этому времени быстро выросла и развернулась металлургическая промышленность юга России, построенная на более высокой технической базе; так, домна Урала на древесном угле давала 5—8 тысяч пудов чугуна, а в Донбассе на коксе—40 тысяч пудов — с другой стороны, доморощенный, отсталый тип южно-уральского завода, занятого выработкой одного продукта, — был крайне невыгоден и неэкономен. [3])

Заводы же юга России в большинстве были комбинатами, занимавшимися в своих многообразных отделениях и мастерских полной обработкой продукта и эксплоатации различных горнозаводских остатков. [4])

---

[1]) Уфимский октябрьский сборник — „1917—1920“ — ст. „Промышленность Уфимской губернии“.

[2]) В. Швецов и К. Петров. „Из прошлого Юж.-Ур. заводов“.

[3]) И. Подшивалов. „Гражданская борьба на Урале“.

[4]) И. Подшивалов. „Гражданская борьба на Урале“.

По мере быстрого роста металлургической промышленности юга России, где каждая домна выбрасывала в год чуть-ли не столько-же чугуна, сколько заводы Южного Урала вместе взятые, и каждый стан прокатных цехов юга в день пропускал больше болванок, чем какая либо прокатная того же Урала в месяц, — значение Южного Урала резко отступало на задний план. На рынке спрос на продукцию этих заводов сохранился лишь потому, что потребители привыкли к специальным свойствам уральского железа (мягкость, ковкость и сваримость).

Но все же заводам удар был нанесен значительный. Два округа — Белорецкий и Катав-Ивановский совершенно замерли; население, обреченное на голодную смерть, стало разбегаться, а дома заколачивались. И только, находившиеся в исключительных условиях заботы казенные заводы Златоустовского округа были несколько устойчивее.

Исключительное место в процессе разложения старого Урала занял завод Усть-Катавский. В конце 90-х г. г. Усть-Катавский завод был приобретен Бельгийским акционерным о-вом, сохранив то небольшое пудлингово-прокатное производство, которое там существовало. Бельгийцы построили здесь вагоно-строительный завод с целью производства американских вагонов „Гольдфеллоу и Бушман". Это производство потерпело неудачу, т. к. с одной стороны наши товарные станции не были приспособлены к обращению вагонов большой грузоподъемности, а с другой, — конструкция этих вагонов требовала целого ряда запасных частей из особого сорта чугуна. После 2-х летнего выпуска этих вагонов министерство путей сообщения отказалось от дальнейших заказов на них, и Усть-Катавский завод перешел на производство товарных вагонов нормального типа русских железных дорог. Сокращение казенных заказов после Японской войны, сильно ударило и по этому заводу.

Если не считать старинного чисто-военного Златоустовского завода,—Усть-Катавский завод был, собственно, первым металло-и дерево-обрабатывающим заводом на Южном Урале. И его появление отмечает в крае новую полосу развития промышленности. Предпринимательская инициатива юж.-уральских промышленников обратила внимание в сторону металло и дерево-обрабатывающей промышленности. Так возникли Симский завод сельско-хозяйственных машин и орудий, Злоказовская Никольская фабрика с/х машин и орудий и ряд более мелких предприятий того же типа.

В Катав-Ивановском заводе возникает крупный цементный завод, на порогах Ая—первый в России завод металлургических сплавов, в Саткинском заводе также первый в России и до сих пор единственный—магнезитный. Несколько

раньше на Саткинской пристани возникла фабрика искусственных жерновов.

Таким образом характерной чертой развития промышленности Южного Урала в период после революции 1905 г., является замедление металлургического железоделательного производства и возникновение химических и металло и деревообрабатывающих предприятий.

Так дело шло до того момента, когда гроза империалистической войны потрясла Европу...[1]).

Война снова пред'явила южно-уральской промышленности спрос на металлургические изделия и заводчики, осыпаемые кредитами государства и прибыльными военными заказами, оживили замиравшие металлургические заводы Южного Урала.

Однако, это временное военное оживление южно-уральской металлургии в перспективе, по окончании войны, не сулило ничего хорошего ни заводам, ни рабочим-металлистам.

„Все станки, машины и двигатели работали беспрерывно день и ночь, без надлежащего ремонта, без своевременной смены срабатывающихся механизмов и быстрый износ орудий производства неуклонно, но верно подготовлял агонию... южно-уральской промышленности..." [2]).

А кроме того прекращение войны означало для железоделательных заводов Южного Урала или их сокращение, или полный возврат на прежний довоенный путь упадка и замирания.

Довоенная и военная история „развития" южно-уральских заводов лучше всего показывает рабочим сущность капиталистического производства с его анархией, конкуренцией, безработицей и хищническими приемами.

Советскому хозяйству досталось на Южном Урале незавидное наследство: за последние два десятка лет, до революции, капиталисты чрезвычайно мало тратили денежных сумм на расширение и развитие предприятий... Вот Миньярский завод. Вековые стены огромных сооружений искривились. Встречаются широкие трещины. Нижние части разрушаются... Арки держатся с помощью подпорок... Машины и станки изношены до последней крайности...

Юрюзанский завод—изувечен на смерть. В 1908 г. завод был остановлен... В течение 1909—1910 г.г. владелец продает на слом все железные части завода... На глазах недоумевающего населения началось варварское насилие над живым организмом промышенной жизни. Чтобы достать один—два

---

[1]) Уфимский октябрьский сборник „1917—1920" — ст. „Промышленность Уфимской губернии".

[2]) Уфимский октябрьский сборник „1917—1920"—ст. „Промышленность Уфимской губернии".

Златоуст.

пуда железа, хищники разламывали стены зданий, снимали кровлю с корпусов. В общем потоке и разграблении погибла совсем новая мартеновская печь...[1]).

К моменту великой Октябрьской революции Урал переживал тяжелый кризис. Еще дымились домны, поглощая последние запасы угля, с'еденные долгой войной, работали мартены и прокатные станы, но уже чувствовался скорый конец. Заводы, оставленные владельцами без всяких оборотных средств, с изношенным оборудованием и истощенными запасами топлива и материалов, работающие на нужды войны, нуждались в большом переоборудовании и ремонте.

В конце октября 1917 года в Екатеринбурге, на собрании заводского совещания, было признано необходимым взять руководство промышленностью в руки самого рабочего класса...[2]). Только Октябрьская революция, установив плановость хозяйства и социалистические начала в вопросах труда, — обеспечила действительную прочную будущность южно-уральской металлургии.

Застывшие в развалинах трупы обреченных историей металлургических заводов Южного Урала ожили после октябрьских побед и укрепления советской власти,—ожили потому, что они на смерть были обречены историей капиталистической анархии производства,—а с Октября началась новая история, история социалистического планового хозяйства в стране диктатуры пролетариата.

Шли годы советской власти. Южно-уральские заводы возродились и смело глядит в будущее южно-уральский пролетарий-металлист.

Это будущее теперь есть у него и у его заводов.

Восстановлен и расширен Юрюзанский завод. Новые домны запылали в Златоусте и в Кусе. Златоуст обогатился новой мощной силовой станцией. Миньяр соорудил новый прокатный цех американского типа. Так пролетарской рукой возрождаются заводы, обреченные на гибель анархией капиталистического строя.

2. Рабочий вопрос.

Судьбу уральских заводов делили рабочие полностью. На заводах юга России жилось лучше, заработная плата значительно превышала уральскую.

Если туго приходилось с заработной платой на западе и юге, то тем хуже обстояло дело на уральских заводах, где останавливались производства, закрывались заводы. Хозяйство и бюджет уральских рабочих страдали от кризиса несравненно сильнее, чем на западе, а тем более юге.

---

[1]) В. Швецов и К. Петров „Из прошлого Южно-Уральск. заводов".
[2]) Златоуст. октябрьский рабочий журнал—1917—1922,—ст. Заикина.

Против высказанной мысли имеются возражения,—говорят, что положение уральского рабочего лучше, т. к. он имеет земельные наделы и ведет сельское хозяйство. Следовательно, у него два источника средств к существованию: заработная плата и доходы от сельского хозяйства.

Так-ли это? Правда, земельные участки уральские рабочие имеют. По реформе 1861 г. царское правительство на казенных заводах выделило рабочим незначительные земельные участки. Частные горнозаводчики также обязывались, в зависимости от местных условий, или дать рабочим земельные участки, либо предоставить рабочим право пользоваться лесами и сенокосами в заводских угодьях. Отсюда получилась иллюзия, что рабочие могут получать доходы от собственного сельского хозяйства. Однако реформа строилась в интересах горнозаводчиков, а не рабочих. Усадебными участками правами на землю заводчика реформа вновь прикрепила рабочих к заводам. Не будучи фактически обеспечены землей, рабочие вынуждены были итти работать на завод—к старому (заводчику) хозяину.

По крайней мере в отношении южно-уральских рабочих определение—„полукрестьянин, полурабочий“ совершенно неприменимо. Заводское население Катавских и Симских заводов, например, по правилам 8 марта 1861 г. получило в надел одну только усадебную землю. Все прочие угодья заводчики предусмотрительно сохранили за собою. Для пользования рабочих лесные и сенокосные угодья отводились по усмотрению администрации. При чем, администрация прилагала все усилия, чтобы извлечь возможно больше пользы для заводчика из этой по существу кабальной системы прикрепления рабочих к заводам. Бесплатное пользование рабочими от завода землею, лесами и т. п. В. И. Ленин оценивает так: „само собою разумеется, что это бесплатное пользование на деле стоит очень дорого, ибо благодаря сему чрезвычайно понижается заработная плата, заводы получают „своих“ привязанных к заводу и дешевых рабочих“ [1]). Таков единственно правильный смысл, таково конкретное содержание формулы „полукрестьянин, полурабочий“.

По данным статистики б. Уфимского губернского земства, на одну душу всего земли приходилось в среднем 0,73, а пашни только 0,16 дес. [2]). По вычислениям Пермского земства минимум земельного надела, необходимого для обеспечения крестьянского хозяйства, получался в 6—5 дес. на каждую душу мужского пола. Есть-ли серьезное основание говорить, что при таком ничтожном землевладении южно-

[1]) Ленин — „Развитие капитализма в России“. Собрание сочинений, стр. 394.

[2]) „Историко-статистические таблицы деятельности Уфимских земств“, стр. 163, 215 и др.

уральский рабочий—рабочий на половину, а на половину крестьянин и что заводский заработок служит только „хорошим подспорьем в хозяйстве“—очевидно нет.

Но говорить о характере сельского хозяйства на основании одних данных о надельной земле нельзя: надо учесть землепользование путем арендных договоров. При чем, конечно, лучше всего учесть в этом случае полеводство, как основную отрасль сельского хозяйства.

О величине посевов в районах с преобладающим рабочим населением, мы черпаем сведения из материалов Златоустовского окрплана [1]).

Площадь посевов рабочих в 1913 г.

Районы	Число хозяйств	Посевная площ. в дес.	
		Всего	На 1 хоз.
Кусинский	2720	1215,00	0,44
Миньярский	3689	6515,69	1,77
Саткинский	5147	10754,87	2,09
Катавский	7841	18356,07	1,70

Таким образом, если учесть и аренду земли под посевы, мы все-таки должны будем наглядно убедиться в их ничтожности. В действительности размеры посевов рабочих окажутся еще меньше, чем указано в таблице, если мы вспомним, что данные взяты по районам, в которых имелось и нерабочее население. Затем надо учесть тот факт, что 1913 г. по урожаю на Южном Урале считался весьма удачным.

По другим дачным (Рунгис—„Крестьянское хозяйство Златоустовского уезда“) получим такие любопытные выводы. В Златоустовской волости из 75 дес. посева 61 дес. засевалась под картофель; в Кусинской—под картофель отводилась площадь в 213 десятин из 602, в Рудничной волости—вся площадь посева шла под картофель, в Саткинской—209 дес. из 732 под картофель и другие породные растения и т. д.

Подведем итоги. К февральской революции южно-уральские рабочие владели ничтожными участками земли. Полеводство в районах и волостях с преобладающим рабочим, но

[1]) Материалы к изучению Златоустовского округа, стр. 98.

не чисто рабочим населением, характеризуется крайне незначительной площадью посевов. При наличии нормы в 0,68 дес. посева на наличную душу, хозяйство едва, едва поддерживается. Между тем посевы 1913 г. едва превышают эту площадь (не на едока, а на всю семью).

По характеру культур сельское хозяйство рабочих носит определенный уклон к огородничеству и, конечно, не в промышленных целях, а для личных надобностей. Смело можно утверждать, что земледелие в рабочем хозяйстве играло во много раз меньшую роль, чем, например, такого рода побочные занятия, как полеводство в Миньярском районе или кустарничество по металлу в Златоусте, Юрюзане, Кусе.

Кроме того, надо иметь в виду различие в отношении к производству в самой среде уральских рабочих. Одни из них работают на самом производстве, в цехах — это основные рабочие. По экономическому положению они являются почти такими же пролетариями, как рабочие Москвы, Ленинграда, которые, по крайней мере до революции, еще не порывали последних связей с деревней. Эта группа рабочих преобладала по численности. Вторую категорию составляли вспомогательные рабочие, занятые на лесозаготовительных работах, на подвозке разных грузов и проч. Именно она то и получила в 1861 году земельные наделы, кроме усадебных участков. О сельском хозяйстве этих рабочих мы и говорили выше.

Стало быть, определение „полукрестьянин, полурабочий“ не нашло себе подтверждения ни в истории, ни на фактах последнего десятилетия перед революцией, даже для характеристики вспомогательных рабочих.

Добавим к этому, что ни в годы революции, ни после нее жизнь не выдвинула ни одного факта, который свидетельствовал бы о непосредственной заинтересованности южноуральских рабочих в расширении, например, имеющихся земельных угодий.

Кстати сказать, за последние годы отмечены два любопытных явления, подтверждающих вышесказанное положение: первое, это — сокращение летних остановов „на страду“ определенно не встречали возражений со стороны массы рабочих и второе — категория вспомогательных рабочих быстро теряет свойства „временных“ и „вновь сезонных“. Будучи вовлеченными в заводскую обстановку, за окончанием одних работ, они переходят на другие. Чередование работ без перерывов тянется в течении всего года. И в результате „временные“ рабочие превращаются в постоянно занятых.

Таким образом, ни по условиям хозяйства, ни по своим политическим стремлениям южно-уральский рабочий не может быть назван одновременно мелким хозяином — крестьянином. Лозунг экспроприации казенной и частно-владельческой земли, в форме национализации ее, воспринимался южно-

уральским рабочим, как требование общей политической программы, наконец, как требование в интересах их союзника в борьбе — крестьянства. Правильно отмечают это обстоятельство составители сборника „Металлист Урала накануне и в период 1905 г.“. „...И большинство уральских рабочих все надежды на лучшее будущее, естественно не могло связывать с борьбой за землю.

Единственным выходом для них из создавшегося положения зародилась борьба за улучшение своего экономического положения, как работающих на заводе. Аграрные требования, поскольку они выдвигались, играли для них второстепенное значение, и являлись строго побочными их общим чисто рабочим требованиям. В первую очередь уральский рабочий стремился стать настоящим рабочим, жившим заработком от завода“.

Теперь станет ясным, что по существу дела заработная плата являлась основной, а в значительной доле и единственной статьею дохода в бюджете южно-уральского рабочего. Заработки на заводе служили определяющим источником существования рабочего и его семьи. Мы увидим, как тяжело пришлось рабочим переживать долгие годы промышленного кризиса на Южном Урале. Чем ужаснее становились условия существования, тем острее чувствовала масса единство своих интересов и противоречие их с интересами заводовладельцев. В течении долгих лет безостановочно и настойчиво воспринимал рабочий механику отношений к капиталистам и всем существом инстинктивно воспринял тайны бухгалтерской калькуляции.

В эти тяжелые годы южно-уральские рабочие в главной своей массе осознали себя, как класс, воспитали в себе железную волю и научились бороться.

С конца XIX столетия вплоть до 1912 г. частные заводы частью сокращали производство, а частью совсем закрывались их владельцами. Число рабочих на казенных заводах возросло, а на заводах Симской и Катавской группы за 12 лет уменьшилось почти в 3 раза.

В период упадка промышленности капиталисты обычно сводят старые счеты с рабочими. Прежние завоевания рабочих последовательно отнимаются, условия труда ухудшаются до невозможных пределов. Политику зажима рабочих частные заводы знали по прежнему опыту. Весьма часто приходилось страдать и рабочим казенных заводов. Введение новых расчетных книжек на Златоустовском заводе ознаменовало значительное ухудшение условий труда по сравнению со старыми правилами. Огромное исключительное по энергии движение златоустовских рабочих в марте 1903 г. начало в истории рабочего движения России одну из первых

страниц. Тем не менее рабочие на казенных заводах, благодаря более устойчивому положению заводов,—перенесли кризис легче, чем на частных заводах; и на частных заводах за „заработком“ приходилось буквально гоняться.

Бельгийское общество в 1899 г. снизило оплату рабочих на пудлинговых печах в Усть-Катавском заводе. Прежде рабочая смена доставляла в день 110 пуд. 15 фун. железа. За каждый пуд выделанного железа выплачивалось приблизительно $4^{3}/_{4}$ коп. По новым правилам, какие ввела Бельгийская компания, каждая смена за 12 часов работы обязывалась представить 183 пуда железа. За каждый выделанный пуд рабочим причиталось уже только $^{1}/_{3}$ к. Рабочие отказались принять новые условия. Заводоуправление отчасти уступило. А в результате все-таки остался 12 час. рабочий день и расценка за пуд снизилась с $4^{3}/_{4}$ к. до $2^{9}/_{10}$ к.

Жандармский ротмистр Вонсяцкий, который обследовал причины забастовки рабочих на Усть-Катавском заводе, отмечает: „И так работать 12 часов тяжело. Долго человек нести такого труда не может, особенно в летнее, без того жаркое время“; в донесении начальству тот-же ротмистр признается, что „во многих случаях заявления рабочих, бастующих от безработицы, справедливы, но побудить бельгийцев к удовлетворению рабочих нет законного основания; последние категорически заявляют, что они фабриканты, а не „содержатели богадельни“ [1]).

Еще документ об Усть-Катавском заводе. Уфимский окружной инженер пишет: „Забастовка на этом заводе, по моему мнению, в значительной степени может быть названа отголоском и вызвана примером беспорядков в Катавском заводе, и естественно, что при малости заводского заработка здесь, главным образом, возник вопрос о прибавке платы [2]).

Как видим, самые ретивые агенты правительства и злостные враги рабочего единодушно констатируют „малость заводского заработка“ и признают, что работать 12 часов „тяжело“.

На Юрюзанском заводе у князя Белосельского-Белозерского установился такой порядок приема на завод: прежде чем получить работу, желающий должен был предварительно за определенную плату нарубить дров и вывезти к заводу. Правило распространялось одинаково, как на лошадных рабочих, так и на безлошадных.

Уфимский губернатор Лонгвинов доносит в департамент полиции: „так, что многие, чтоб иметь летом работу на за-

[1]) В. Галанов. „Подпольная организация Катав-Ивановского, Юрюзанского и Усть-Катавского заводов с 1888 г. до 1904 г. (по жандармским материалам)“. „Былое Урала“ книга 4, стр. 42 и 43.

[2]) Из рапорта Уфимского окружного инженера главному начальнику Уральских заводов от 10 мая 1897 г. № 331. „Металлист Урала до и в период 1905 г.“.

воде, не имея лошади, нанимают за себя других и получают за доставленные на заводы дрова, например, 4 рубля, платят от себя 5 руб., а иногда и больше...“ [1]).

„Такая-же кабальная система снабжения завода древесным топливом практиковалась в Катав-Ивановском заводе,— пишет Уфимский окружной инженер:—заводоуправленне заставляет рабочих, когда им неудобно или нельзя, возить дрова на завод, или рельсы на станцию и неисполнившим этого не дают очереди в фабричной работе“... [2]).

Казалось бы дальше итти некуда: рабочий был вынужден платить капиталисту за право отдать себя в эксплоатацию на завод.

Официальные документы рисуют целую систему обсчитывания и грабежа рабочих среди белого дня. Рабочим на личном опыте приходилось близко знакомиться не только с техническими калькуляциями работ, но также с бухгалтерскими счетами.

Уфимский окружной инженер доносит о делах в Катав-Ивановском заводе: „по вопросу о ненормальности расчета в апреле месяце убиральщиков рельс я придерживаюсь того мнения, что они имели основание считать себя расчитанными неправильно, т. к. получили премию за передел, т. е. за излишнюю прокатку, вместо 4 коп. со штуки всего лишь 2,6 к.“ [3]).

Главный начальник Уральских заводов пишет окружным инженерам и горным начальникам: „Неправильная приемка заводом руды, недомерка коробов угля и т. п. не редко влекут за собою споры и недоразумения“. Но неправильная приемка заводами работы оказалась столь частым явлением, что по сообщению того же горного начальника, недоразумения могли „служить и предметом стачек“, массовых заявлений и неудовольствий. Наконец, он указывает на беззаконные действия заводчиков при всех расчетах с рабочими; такие-же примеры можно привести из специально заводской деятельности рабочих и расчетов с ними за сдельную работу: невыдачу платы за брак и несходное железо, вычеты и т. п. [4]).

В дополнение к сказанному о безработице и сжатии бюджета рабочего надлежит добавить о крайней изнашиваемости самой рабочей силы. Тяжелые условия труда с 12 часовым рабочим днем на „огневых“ работах влекли за собою постоянные несчастные случаи.

[1]) Донесение Уфимского губернатора Логвинова в департамент полиции от 3-го апреля 1896 г. за № 1759.

[2]) Из рапорта окружного Уфимского инженера главному начальнику Уральских горных заводов от 10-го мая 1897 г. за № 331. „Металлисты Урала до и в период 1905 г.“.

[3]) Из отношения Уфимского окружного инженера в присутствие по горнозаводским делам при Уральском горном управлении от 12-го мая 1897 года № 332. „Металлисты Урала до и в период 1905 г.“.

[4]) „Металлисты Урала до и в период 1905 года“-

Свои впечатления от поездки по заводам, Уфимский губернатор описывает так: „ни на одном заводе на Урале ко мне не явилось столько искалеченных людей, с жалобами на заводоуправление, как на Усть-Катавском. Все мольбы сводились к тому, что увечья, полученные на заводе во время работы, мешают возможности работать, а та страховая премия, которая выдается рабочим, совершенно не обеспечивает самого скромного существования".

Искалеченные рабочие жаловались на отсутствие предохранительных мер на производстве и просили лишь самого скромного обеспечения и охраны труда в пределах законов, существовавших на этот счет. Однако и эта ничтожная страховка существовала для рабочего только формально, на бумаге, „так как премия выдается по степени калечения и не пригодности к труду, засвидетельствованной единичным актом врача, находящегося на службе заводоуправления и вполне от него зависимого".

Таким образом, в основу определения нетрудоспособности, по раз'яснению Уфимского окружного инженера, надлежало принимать акт, составленный одним заводским врачем. Врач состоя на службе завода, не мог, конечно, не быть непристрастным в этом деле. Если врач не будет соблюдать интересов капиталиста, которые всегда идут в ущерб рабочим, значит он лишится выгодной должности в заводском госпитале. Понятно, что степень повреждения устанавливалась не в зависимости от об'ектов условий, а под диктовку заводоуправления. Таков был „закон жизни" не только для врача, но для всей заводской администрации в целом.

При чем, конечно, при освидетельствовании увечий ставились безчисленные рогатки. В каждом конкретном случае волокита тянулась месяцами, чтобы время изгладило из памяти свежесть впечатления от несчастного случая. То же высокопоставленное лицо пишет: „до какой степени равнодушия к рабочему люду довело свое отношение заводоуправление, Ваше высокородие может усмотреть из жалобы того мастерового, который изувечен еще на празднике Св. Пасхи и до сего времени еще не выяснено его положение". Письмо губернатора окружному инженеру датировано 30 июня, т. е. по меньшей мере писано через два-три месяца после несчастного случая.

Усть-Катавский завод не представлял исключения из ряда других южно уральских заводах. Просто администрация критиковала Бельгийское общество, больше чем, например, господ Балашевых: с последними ссориться было не выгодно и опасно.

Д я характеристики положения рабочих на частных заводах, мы сознательно предпочли „секретную", „совершенно секретную", переписку высших должностных лиц. Эти доку-

менты исходят от врагов рабочего класса и следовательно не могут преувеличивать произвола заводчиков, а должны наоборот скрашивать произвол. Стало быть, в действительности положение рабочих было еще ужаснее, чем рисуется в приведенных циркулярах и письмах.

Нам хорошо известно, как трудно было в царское время рабочему и крестьянину подать жалобу хотя бы губернатору. Значит факты произвола и стеснения не могли считаться единичными, если они привлекали к себе внимание высших властей, включительно до министерства. Значит в действительности факты обсчитывания рабочих, всяческого обмана, притеснения, жестокого обращения были массовым явлением.

В этой то обстановке безудержной эксплоатации жили десятки лет рабочие Симской и Катавской группы заводов. Всем своим существом в повседневной работе они изо-дня в день ощущали, что интересы их одинаковы и что они прямо противоположны интересам капиталистов.

3. Сельское хозяйство.

К северу от горнозаводского района лежит земледельческая полоса. Здесь располагались земледельческие волости б. Златоустовского уезда.

Одну часть района занимало русское население, другую—башкирское. По грубой ориентировке русские волости занимали северо-западную половину земледельческой полосы, а на юго-востоке ее, располагались башкирские волости.

Не останавливаясь пока на особенностях сельского хозяйства башкир и русских, попытаемся дать общую оценку **крестьянского хозяйства** в целом. Для сравнения воспользуемся статистическим материалом о крестьянском хозяйстве, по всей б. Уфимской губернии. Это последнее само по себе считалось значительно сильнее и крепче, чем хозяйство центральной России. И Уфимская губерния в целом относилась к числу губерний, вывозящий свой хлеб за пределы.

На основании статистических материалов того-же Уфимского земства получаем таблицу о среднем количестве засеянной земли, которое приходится на одно крестьянское хозяйство по отдельным уездам б. Уфимской губернии [1]).

---

[1]) Историко-статистическая таблица деятельности Уфимских земств, (стр. 21 и 27).

Крестьянское землевладение.

Уезды	Число хозяйств	Количество земли в десятинах	На одно хозяйство
Златоустовский	39124	955700	24,43
По губернии . . .	470570	7641266	16,24

Еще интереснее получится картина, когда возьмем сведения об обеспечении землею различных групп крестьянского хозяйства.

Крестьянское обеспечение.

(Истор. стат. таблица, стр. 27).

Уезды	Хозяйств без земли	Хозяйств, имеющих земли: До 3-х десятин	От 3 до 5 десят.	От 5 до 10 дес.	0,01 до 15 дес.	15,01 до 20 дес.	20,01 до 30 дес.	30,01 до 40 дес.	Свыше 40 дес.	Всех
Златоустовский	7,98	6,16	9,67	18,14	11,96	10,41	12,77	6,26	16,64	100
По всей губернии	6,80	5,66	10,25	28,06	16,97	10,86	10,33	4,31	6,76	100

По обследованию Уфимского земства, при существовавшей в губернии сельско-хозяйственной технике обеспечение крестьянского двора землею не должно быть меньше 16 десятин[1]).

Исходя из этих норм обеспечения землею, получаем вывод: в 1912 г., к которому относятся сведения, крестьянских хозяйств обеспеченных землею свыше 15 десятин по всей губернии насчитывалось 32,26% от общего числа хозяйств, а по Златоустовскому уезду—46,08%, т. е. больше, чем по всей губернии почти на 12%.

Особенно интересным является удельный вес самых крупных крестьянских хозяйств, имеющих земли свыше 40 дес. По Златоустовскому уезду такие хозяйства составляют 16,64%. Иными словами—приблизительно 1/6 часть всех крестьянских хозяйств относится к числу крупнейших. Т. о. крупнейших хозяйств по Златоустовскому уезду почти

[1]) „Историко-статистическая таблица деятельности Уфимских земств", стр. 29. Подшивалов—„Гражданская борьба на Урале", (стр. 16).

в три раза больше чем в других уездах Уфимской губернии, откуда заключаем, что влияние этой группы наиболее зажиточных крестьян в общественной жизни, здесь должно было сказаться особенно сильно.

В Златоустовском же уезде хозяйства без земли и с участками до 3-х десятин в 1912 г. составляли 14,14%, а в среднем по губернии 12,46%.

Хозяйств имеющих земли свыше 3,01 дес. до 15 дес. в среднем по губернии 55,28%. Хозяйство такого типа для губернии в целом является господствующим. В Златоустовском уезде крестьянских хозяйств с таким же обеспечением землею насчитывалось 39,78%, таким образом, прослойка между крупнейшими хозяйствами и наиболее мелкими, здесь была значительно тоньше, чем по всей губернии. Казалось бы, что аграрное движение в Златоустовском уезде должно было выразиться особенно ярко. Однако аграрное движение 1905 г. вылилось в резкие формы, главным образом в Стерлитамакском и Мензелинском уездах.

В Златоустовском же уезде, насколько известно, существовавшие противоречия интересов беднейшего крестьянства к кулаческим слоям к открытым столкновениям не привели. Столкновение обоих враждующих сторон ограничилось спорами и раздорами на почве арендных отношений, может быть более частыми и острыми, чем обыкновенно, но во всяком случае далекими от революционных форм крестьянского движения.

Об'ясняется это тем обстоятельством, что в Мензелинском, например, уезде крестьянство вело борьбу против помещиков, исконных врагов крестьянских крепостнических времен. В Златоустовском же уезде помещиков почти не было совсем. В Златоустовском уезде всего было 5 крупных землевладельцев. При чем крупных весьма относительно: размеры земельных участков не превышали 750 дес. („Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии".)

Революционное движение 1905—1906 г. г. обладало более, чем достаточной силой, чтоб толкнуть деревенскую бедноту к поджогу помещичьих усадьб. Но этой силы не хватило, чтоб пробудить в бедноте сознание противоположности своих жизненных интересов с богатым кулачеством. Не настало еще время поднять руку на деревенского богатея — кулака.

Безземельных хозяйств переписью 1917 г. зарегистрировано всего 7400, что составляет 16,6% от общего числа крестьянских хозяйств. Цифра 16,6% безземельных хозяйств велика сама по себе. Кроме того, она свидетельствует о бурном

процессе обеднения деревни, за 5 лет с 1912 г процент безземельных поднялся с 7,98% (таблица 2). [1])

Башкирское население издавно делилось на вотчинников — исконных владельцев земли и припущенников.

Число дворов припущенников за 17 лет до Октябрьской революции уже приближалось к числу дворов вотчинников: первых было 4258, а вторых—5850. Тоже взаимоотношение получается и по наличным душам: вотчинников — 33151 чел., а припущенников — 25920. Надо думать, что к началу революции числа дворов и наличных душ вотчинников и припущенников, сблизились еще более.

Земли надельной у вотчинников и припущенников.

ВОЛОСТИ	Земли в десятинах		На 1 двор	На 1 двор
	Вотчинник.	Припущен.	вотчинник.	припущен.
Мурзаларская	162,497	5070	186,34	9,56
Насибашевская	47,499	2942	116,41	11,22
Тарноклинская	56,724	17446	108,68	9,96

На один двор вотчинника в среднем приходились огромные участки земли, часто свыше 100 дес, а в Мурзаларской волости даже по 186,34 дес. Мурзаларские вотчинники имели земли больше, чем 33% помещичьих хозяйств упомянутого выше Мензелинского уезда, где в 1905 году происходило крупное аграрное движение („Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии“).

Что касается земельных владений припущенников, то обеспечение их землею надлежит признать недостаточным для средней крестьянской семьи.

В силу многих исторических условий, земледельческое хозяйство у башкир развивалось крайне слабо.

Сдачу земли в наем башкиры-вотчинники находили для себя наиболее удобным способом извлечения дохода из земельных богатств. Аренда в Златоустовском уезде получила самое широкое распространение [2]).

---

[1]) „Историко-статистические таблицы деятельности Уфимских земств“ стр. 30—32.

[2]) „Историко-статистические таблицы“, стр. 29.

В качестве скупщиков башкирских земель, в Златоустовском уезде являлись зажиточные, крепкие русские крестьяне, арендовали же землю наряду с последними также многочисленные группы припущенников.

Противоречия жизненных интересов в башкирском хозяйстве шли по двум линиям: по главной линии шли противоречия вотчинников с бедняками-припущенниками. Эти почти главные по численности группы вечно враждовали друг с другом. По второй линии противоречия создавались в отношениях с русским зажиточным населением, которое скупало башкирские земли и арендовало их. В последнем случае противоречия не носили такой острой формы, как в первом, т. ч. башкиры-вотчинники и кулаческое русское население по сути являлись крупными землевладельцами и в качестве таковых имели один общий интерес — сохранение земельных владений от каких бы то ни было посягательств со стороны.

Для характеристики крупного крестьянского хозяйства к его многоземелью надлежит добавить еще некоторые особенности и, прежде всего, сравнительно высокую степень интенсификации. По данным Златоустовского уездного земства, Златоустовское крестьянство владело большим количеством сельско-хозяйственного инвентаря, чем крестьянство других уездов губернии.

Второй отличительной чертой крупного крестьянского хозяйства надлежит признать применение батрацкого труда. По всей Уфимской губернии число хозяйств, пользующихся наемным трудом, составляло, приблизительно, 3% всего количества крестьянских хозяйств. Применение наемного труда в северо-западной части Златоустовского уезда получило широкое распространение.

Батрачество существовало и в башкирских волостях.

Число дворов с батраками в Бирском уезде составляло 1,6%, Мензелинском—1,8%, в Златоустовском 13,3%.

С юга и юго-востока рабочий район находился в обхвате казачьих станиц. 7400 дворов составлявших **казачье население**, владели 4967 тысячами десятин земли, что в среднем на один двор составляет 67,4 десятины. При чем $^2/_3$ части земли сосредоточилось в руках дворов с владением землею от 50 дес. до 100 дес.; число таких многоземельных дворов составляло приблизительно $^2/_3$ всех дворов [1]).

С проведением в Оренбургской губернии железных дорог, давших возможность населению производить хлеб на рынок, посевная площадь в казачьих хозяйствах начинает быстро

[1]) Огановский — „Статистико-экономический очерк", в словаре Гранат.

увеличиваться. Увеличение площади посевов за период времени с 1895 г. по 1910 г. значительно обогнало рост населения в трех уездах Оренбургской губернии: население увеличилось на 33,4%, а посевные площади на 104,7%.

В многоземельных хозяйствах у казаков машинная уборка вытеснила ручную. Наибольшее распространение получили сенокосилки, жнейки приходились по одной на 2—3 хозяйства. Пользовали землю в своих собственных хозяйствах с применением наемного труда. Частью казаки сдавали свою землю в аренду крестьянам. Недалеко от Медведевской станицы Миасского района, например, находился крестьянский поселок Казанский, жители которого постоянно арендовали землю у казаков. Своей земли эти „разночинцы", как окрестили их казаки, не имели совсем [1]).

Вблизи богатых станиц поселков безземельного крестьянства было много. Из этих поселков выходили не только арендаторы казачьих земель, но также и, пожалуй в большей мере, батраки, которые продавали свою рабочую силу зажиточным казакам.

Таким образом **заводское население** находилось в обхвате многоземельных крестьянских хозяйств—башкирских, русских, в том числе и казацких. Часть этих хозяйств сдавала землю в аренду, а другая вела собственные земледельческие работы с применением усовершенствованных орудий и наемного труда. Основной интерес этой и другой группы крестьянских хозяйств лежал в сохранении земельной собственности. Экономически неизбежно эта группа становилась противником революции.

Но контр-революционная активность этой группы также экономически неизбежно должна была столкнуться с революционной активностью других значительных групп крестьянства.

Значительная группа безземельных крестьянских хозяйств по дворовой переписи 1917 г.=16,6% против 7,98% 1912 года (батрачество), свыше 13% дворов Златоустовского уезда группа припущенников, малоземельное крестьянство, многочисленные поселки „разночинцев" в казачьих районах,—все это обеспечивало революционному пролетариату Южного Урала, при умелом подходе, надежного союзника в деревне.

Однако, будучи довольно значительными, кулацкие группы в первый период пролетарской революции могли создать (и создали) широкое крестьянское противосоветское движение.

---

[1]) Златоустовский Испарт, воспоминания т. т. Савельева и Богдановского „Из жизни Медведевского района в 1917 и 1918 г.г."

Ряд причин способствовали этому,— полное незнание крестьянством важнейших мероприятий советской власти или полное извращение кулаками этих мероприятий в представлении всего крестьянства, экономическая повседневная зависимость беднейшего крестьянства, батрачества, „припущенников“ и „разночинцев“ от кулаков, продовольственные затруднения Советской России,—таковы главнейшие причины.

Только успешное развитие революции в рабочих районах и укрепление при их помощи Советской власти в деревнях,—обеспечивало деревенский Октябрь на Южном Урале и выводило из экономической кабалы на новый путь многочисленные группы батрачества, безземельного и малоземельного крестьянства, „припущенников“ и „разночинцев“.

II. На путях к Октябрю.

Путь к Октябрю.

(Большевизм и рабочее движение на Южном Урале до революции 1917 г.).

Первые шаги.

Зачатки массового рабочего движения на Южном Урале относятся к началу 90-х годов прошлого столетия.

В марте 1896 года на Юрюзанском чугуно-плавильном заводе произошли волнения рабочих на экономической почве.

„Причина недовольства со стороны рабочих замечается, главным образом“,—писал Уфимский губернатор в своем донесении в департамент полиции,—„в сокращении заводоуправлением работ на Юрюзанском заводе“. На волнения рабочих также влияли кабальные условия получения работы и дерзкое обращение управителя завода с рабочими.

В апреле 1897 года возникла забастовка на Катав-Ивановском заводе, при чем рабочие предъявили в качестве основного требования: удалить инженера Гринберга, который притеснял рабочих, обращаясь с ними грубо, сгоняя с работы без предупреждения и т. д.; окружной инженер об этой забастовке доносил: „хотя никаких безпорядков не было, но упорство и возбуждение были велики“...

В апреле 1897 года возникла забастовка на Усть-Катавском заводе; „главная причина неудовольствия“—писал окружной инженер в своем донесении,—„заключается в недостатке заработка и—что, вообще, заводоуправление и отдельные лица заводского управления, якобы притесняют рабочих“...

Весной 1896 года и 1897 года бастовали рабочие Златоустовского завода (прокатные фабрики), недовольные низкими расценками и малыми заработками, при чем бросив работу рабочие потребовали увеличения заработной платы и 8-ми часовых рабочих смен вместо 12-ти часовых. В результате этих забастовок, златоустовские рабочие добились некоторого улучшения: была введена 8-ми часовая смена рабочих.

Большинство этих первых выступлений южно-уральских рабочих кончилось неудачно, а там, где удавалось рабочим добиться частичных улучшений,—администрация стремилась при первом удобном случае эти улучшения ликвидировать и восстановить прежнее положение.

Но эти первые шаги рабочего движения характерны тем, что, как сами рабочие, так и заводская администрация видели в выступлениях что-то совершенно необычное; так, когда бы-

ли прекращены работы на Катав-Ивановском заводе (в 1897 году), то окружной инженер запросил горное управление о том, как считать данный поступок рабочих—забастовкой или нет; когда после соответствующих раз'яснений окружной инженер об'явил рабочим, что если они не встанут на работу, то он принужден будет признать их поступок стачкой...—рабочие решили возобновить работу.

Уже в эти годы намечается основной прием администрации и царских чиновников в борьбе с рабочим движением: угроза, полицейская расправа; например, главный начальник Уральских заводов Баклевский, встревоженный развивающимся рабочим движением, писал: „было-бы особенно желательно иметь в Златоусте сотню казаков...“; окружной инженер Зеленцов в связи с забастовкой на Усть-Катавском заводе доносил, что из числа усть-катавских рабочих три человека замечены, как наиболее деятельные участники. Они по распоряжению г. губернатора были арестованы ночью на 29-е число и отправлены в г. Уфу.

Вместе с тем, в жандармских донесениях того времени отмечается разлагающее действие на рабочих таких брошюр, как „о штрафях“, „8-ми часовой рабочий день“ и др.

В 1903 году златоустовские рабочие получили от представителей царской власти наглядный кровавый урок,—показавший им сущность царского режима. 13-го марта 1903 г. (ст. ст.) администрация Златоустовских заводов при выдаче расчетных книжек предложила рабочим подписаться в них под рядом пунктов, которые стесняли рабочих. Рабочие отказавшись подписаться, послали выборных для переговоров с администрацией; выборные были арестованы и, когда рабочие пошли с коллективным требованием к губернатору об освобождении своих представителей,—они были встречены залпами; оказалось в результате убитых около 100 человек и раненых до 190 чел.

Это было южно-уральское „9-е января“.

С 1905 года рабочее движение Южного Урала, носившее до этого исключительно экономический характер, вступает в новую полосу своего развития; — рабочие начинают придавать своим выступлениям все больший политический оттенок. Этот период рабочего движения целиком связывается с возникновением и развитием на заводах подпольных большевистских организаций.

Партийный период рабочего движения.

Деятельность партийных большевистских организаций на Южном Урале началась впервые в Симском горном округе в 1904 году.

До этого времени, как уже было сказано выше, — рабочее движение носило исключительно экономический характер,

а в ряде случаев даже ограничивалось очень робкими попытками „подать прошение", „пожаловаться барину на управителя" и т. п.

Например, рабочий кузнечного цеха Симского завода тов. К. Горбунов рассказывает в своих воспоминаниях: „Весной 1903 года мы уже группой собирались и ходили к управителю завода просить пятачек добавки, — но, как еще плохо организованные, мы с первого грубого слова управителя завода разбегались по сторонам, оставляя с управителем более стойкого, который мог резко говорить... этого рабочего брали на заметку и он в цехе подвергался всяким лишениям вплоть до увольнения с завода. После таких неудач собирались в цехе, обсуждали, что таким способом борьбы мы ничего не добьемся..." .

Симским рабочим не долго пришлось искать новых более верных способов борьбы.

Уже весною 1904 года молодая учительница Е. П. Хорткевич (соц.-рев.) организовала из группы симских рабочих первый подпольный политический кружок. Через несколько месяцев после этого приехал из Екатеринбурга рабочий слесарь тов. Павлов, который, познакомившись с наиболее передовыми рабочими механического цеха, (куда он поступил на работу) — начал проводить среди них линию Р.С.Д.Р.П.

Между Хорткевич и Павловым началась борьба за влияние. Рабочие эс-эровского кружка, инстинктивно чувствуя, что идеи социал-демократической партии, которые проповедует среди них т. Павлов им „ближе и роднее"—начали переходить в кружок Павлова... [1]).

До 1905 года работали оба кружка, вербуя новых членов, собирались на маленькие собрания, читали нелегальную литературу (иногда совместно обоих направлений) и т. д. Жандармы, кое-что пронюхав, услыхав обрывки песен „Нагаечка" и „По пыльной дороге", — стали придираться, навещать рабочие квартиры, но они ничего не находили, и работа продолжалась.

В 1905 году летом в Симский завод приехал из Питера на практику кончивший институт инженер А. П. Малоземов,— член РСДРП.

Долго он не проявлял себя, как партиец, присматриваясь к рабочим, но когда познакомился с передовыми рабочими и их подпольной организацией, — то принял деятельное участие в подпольной работе.

Работа пошла быстрее и к маю 1905 года уже начали устанавливаться связи с группами передовых рабочих других заводов: Миньярского, Усть-Катавского, Аша-Балашевского и Катав-Ивановского. К этому времени относится и окончатель-

[1]) Материалы Окристпарта.

ный распад эс-эровской ячейки, при чем сама Хорткевич и рабочие—члены ее кружка влились в социал-демократическую организацию. Симский горный климат оказался неподходящим для „тепличного эс-эровского растеньица".

„Малоземов высказался",—рапортовал жандармский полковник Уфимскому губернатору 28/XI—1905 года,—„что рабочим необходимо вооружиться против черной сотни, могущей появиться на заводах... Выдал рабочим главарям 21 револьвер... В селе Илек Малоземов крестьянам говорил на сходе, что земля Балашева будет отобрана и разделена между крестьянами..." [1].

Удачно проведенные подпольной организацией Симского завода в 1905 году — „маевка" и политическая демонстрация 26-го октября, подняли еще больше энергию к политической борьбе и организация приступила уже к созданию цеховых ячеек; ячейки образовались в цехах: механическом, литейном, кузнечном, доменном и мартеновском, — всего в них насчитывалось до 30-ти человек.

За весну и лето 1905 года укрепились подпольные организации симская и миньярская. К этому же, примерно, времени, относится и зарождение ячеек РСДРП в группе заводов Катав-Ивановского округа. Здесь старейшей организацией является усть-катавская, возникновение которой катавцы относят к 1903 году. Первые сведения о массовой работе этой подпольной ячейки, об установлении ею связи с Миньяром, Симом и руководящими комитетами партии (Уфа, Екатеринбург) относятся к более позднему времени, — лето и осень 1905 года.

Начало этой организации было положено усть-катавскими рабочими, вернувшимися по отбытии наказания из 2-х летней административной ссылки.

Ценно отметить, что уже в 1905 году эта организация пыталась распространить свое влияние не только на заводских рабочих, но и на ближайших к заводу крестьян; так, однажды, осенью 1905 года подпольщики повезли в деревню Наубайкино литературу татарам — на их языке; правда, это первая попытка „смычки" кончилась неудачно: товарищи передавшие литературу неуспели от'ехать от деревни 3-х верст, как за ними погнались татары, вооруженные дробовиками.

В самом городе Златоусте возникновение подпольной ячейки относится к началу 1900-х годов; уже в 1898 году группой революционной молодежи была установлена связь с екатеринбургской группой социал-демократов и с уфимской организацией: получалась литература, организовались библиотеки и т. д.

---

[1]) Материалы Окристпарта.

С 1901 года создавались кружки и проводились массовки. Путем агитации добились открытия „воскресной школы“ для взрослых рабочих; (но школа пользы не принесла, т. к. преподавательский состав усердно фильтровался жандармами).

Самой сильной подпольной организацией РСДРП на южном урале являлась миньярская, возникшая в 1900 году.

С первых же шагов своей деятельности южно-уральские подпольные ячейки РСДРП нашли поддержку Уфимского и Екатеринбургского партийных комитетов; оттуда получалась литература, инструкции, а также приезжали „революционеры-профессионалы“, как для отдельных докладов, по специальным заданиям, так и для продолжительной работы здесь. Здесь бывали: „Потап“ (С к в о р ц о в), „Леонид“ (Е. П. П р е о б р а ж е н с к и й) и др.

Большевистские посевы приезжающих революционеров-профессионалов нашли на Южном Урале хорошую почву. За редкими исключениями (Куса, Сатка) революционные ячейки Южного Урала выростали быстро, как боевые большевистские организации. И даже в Златоустовском заводском округе, отмечая особенно город Златоуст, большевистское влияние росло несмотря на то, что эс-эры здесь укрепились значительно раньше и создали себе известный авторитет в кругах рабочих удачной местью виновнику расстрела златоустовских рабочих в 1903-м году — губернатору Богдановичу и рядом других удачных террористических актов.

Правда, некоторые, чисто местные специфически златоустовские особенности затрудняли здесь большевизацию рабочих, облегчая в тоже время работу меньшевикам и эсэрам (заводы — „казенные“, рабочие — большинство местные, связанные с домашностью и сельским хозяйством).

Но все же, эс-эровское меньшевистское влияние здесь было временным, преходящим, (так-же, как оказалось преходящим увлечение рабочих г. Златоуста в 1908 году — анархизмом).

В основном же, и в целом, рабочие Южного Урала уже в этот период осознали себя как один из отрядов революционного пролетариата и отдали лучшие кадры передовиков в ряды большевистских организаций.

Каждая, вновь возникшая организация, прежде всего, ставила перед собой задачу самоорганизации и развитие самоосознания — как ячейки боевого авангарда революционного пролетариата.

Собранные Окристпартом материалы (документы и воспоминания участников этой работы) помогают нам восстановить ряд интереснейших фактов, на опыте которых еще и сейчас, после 9-ти летней легальной работы ВКП (б), полезно коечему поучиться, как выходящему на смену партийному молод-

няку, так и нашим теперешним организаторам, пропагандистам, библиотекарям и т. д.

Вот ряд примеров:

„Златоустовской организацией вербовка новых членов в подполье производилась таким образом: товарищей, которые заслуживали доверия, несколько партийцев сначала приглашали на митинги, массовки, затем втягивали в кружки и позднее, постановлениями районных комитетов, принимали членами партии; каждый вступающий был обязан пройти кружковые занятия, где выяснялись цели и программа партии". [1])

„В октябре 1906 года, по прослушании в кружке лекций мне было предложено вступить в члены РСДРП и по рекомендации И. Галдина и П. Пудовкина я был принят в златоустовскую организацию; с момента моего первого знакомства с партийными работниками по день вступления в партию прошло около 6-ти месяцев; прежде всего по вступлении в партию на меня была возложена работа по сбору средств по талонам, как членских взносов с членов района, так и пожертвований сочувствующих граждан; иногда приходилось распространять полученные уездным комитетом прокламации, в дальнейшем я был избран членом районного комитета, будучи где — тоже собирал средства, оповещал о собраниях, приглашал некоторых беспартийных граждан на массовки, митинги, устраиваемые в лесах, бывал на постах вблизи мест митингов". [2])

„Зимой, в феврале 1906 года был назначен реферат, на котором присутствовало приблизительно 20 человек, по вопросу о методах дальнейшей борьбы; первым выступил эс эр, который в своей речи начал указывать, что нужно сейчас вести борьбу против царизма посредством применения террора. После эс-эра выступил социал-демократ т. Никита, который характерно обрисовал дальнейшую борьбу маленьким практическим примером, что, мол наше правительство можно представить ввиде старого дуба; эс-эры, мол, предлагают посредством террора налетать на него и срывать ветки, но от этого дуб не погибнет, вместо сломанной ветки вырастет новая, вместо убитого какого нибудь жандарма ставят другого и более злейшего. Мы же, социал-демократы, хотим уничтожить этот дуб посредством подрыва корней, чтобы он свалился, а для этого нам надо набрать силы и уменья и воспитать массу. На слова тов. Никиты все присутствовавшие рабочие ответили дружным возгласом: этот путь СД для нас будет верным". [3])

---

[1]) Материалы Окристпарта, воспоминания т. Мохова.
[2]) Материалы Окристпарта, воспоминания т. Мохова.
[3]) Материалы Истпарта.

„Бывало, чтобы затянуть сомневающегося, колеблющегося товарища или тяжелого на под'ем, — дашь ему сначала какую нибудь брошюрку в роде „Паукй и мухи“ В. Либкнехта, затем на подобие таких, как „Овод“ Войнича, „Конек-горбунок“ Верхоянского; потом — беллетристику из времен великой французской революции, дальше, переходя от беллетристики к теоритическому познанию, — первым кирпичем его была книжка Бах „Политическая экономня“ и т. д. [1])

Приведенные примеры говорят нам о том, что и в условиях подпольной работы организатор-партиец умел находить время для 6-ти месячной работы и наблюдения над вновь вступающим в члены партии рабочим, прежде чем его рекомендовать и провести в боевые ряды партии. Рядовой партиец и член районного комитета умел вести незаметную маленькую работу (сбор членских взносов, расклейка прокламаций и т. д.); библиотекарь работал внимательно над новым читателем; и все это в то время, когда организатору каждый работник нужен „до зарезу“, когда пропагандист пропагандирует ночью, когда рядового партийца манит „героическая“ работа в боевой дружине и т. п., когда каждый урядник стремится у себя на месте проявить инициативу жестокости в деле борьбы с „крамольниками“, когда могло казаться, что „история движется слишком медленно“.

В этом проявлялась выдержка и дисциплинированность большевистской партии, уверенной в своей будущей победе и, неуклонно закаляющей своих работников в упорной повседневной работе.

В 1899 году тов. Ленин в статье „Насущный вопрос“ писал: „Необходимо, чтобы отдельные члены партии или отдельные группы членов специализировались на отдельных сторонах партийной работы; одни—на воспроизведении литературы, другие—на перевозке из-за границы, третьи—на развозке по России, четвертые—на разноске в городах, пятые—на устройстве конспиративных квартир, шестые—на сборе денег, седьмые—на организации доставки корреспонденции и всех сведений о движении, восьмые—на ведении сношений и пр. пр. Такая специализация требует, мы знаем это, гораздо большей выдержки, гораздо большего уменья,—сосредоточиться на скромной, невидной, черной работе, гораздо больше истинного героизма, чем обыкновенная кружковая работа.

Трудно сказать, знал-ли каждый из рядовых участников подпольного периода рабочего движения эти слова тов. Ленина,—но ясно, что каждый упорно и решительно проводил их в жизнь.

Так росли и крепли на Южном Урале ячейки большевистской дисциплинированной партии.

---

[1]) Материалы Окрисгпарта, из воспоминаний А. А. Недоспасова.

Деятельность подпольных ячеек РСДРП с первых же шагов выливалась за пределы самоорганизации и самосознания; она даже неограничивалась на ряду с этим и задачами пропагандирования рабочих и вербовки новых членов; подпольные ячейки сразу же становились во главе рабочего движения, создавали его, руководили им и первые, – сплошь и рядом единственные,—отвечали за него, когда самодержавный строй брался за виновников—„зачинщиков".

С момента организации подпольных ячеек рабочее движение Южного Урала неотделимо от деятельности партии.

События этого периода на Южном Урале совершенно невозможно разложить на две главы или на две полочки:—„партийная работа", „рабочее движение"; без первой не было бы второго в том виде, как оно проявилось, и наоборот. И в этом факте мы видим отчетливое осуществление ленинского принципа: партия—боевой авангард революционного пролетариата.

Особенно интересны в этом отношении события Симского горного округа.

С момента организации подпольной ячейки на Симском заводе и по мере развертывания ее деятельности, – особенно, после первых удач, когда и ячейка и масса рабочих осознали значение своей самоорганизации,—быстро начинает улетучиваться та робость рабочих выступлений, которая характеризовала первые шаги рабочего движения до 1905 года.

Приведем для сопоставления две „встречи" устроенные рабочими Аша-Балашевского и Симского заводов своему хозяину—владельцу Симского округа полковнику Балашеву; Балашев, в июне месяце 1905 года возвращаясь с японской войны, пожелал осмотреть свои промышленные владения; в Ашинском заводе в то время подпольной парторганизации еще не было и „встреча" была организована подобающая: „Балашев был встречен церковным колокольным звоном и благодарственным всевышнему молебном, где он молился вместе с целой свитой начальства округа; после молебна, выйдя из церкви он наткнулся на толпу, стоявшую на коленях, а впереди стояла делегация рабочих с прошением на руках..." [1]).

Совершенно иную встречу устроили своему хозяину Балашеву рабочие Симского завода, где к этому времени уже существовала и вела массовую работу среди рабочих крепкая подпольно-болшевистская ячейка. Узнав, что для „хозяина" готовится специальный роскошный пассажирский вагон, на который были потрачены большие средства и организуется торжественная встреча, — подпольная организация постановила никакого особого внимания его приезду не при-

[1]) „1905-й год"—Уфимский юбилейный сборник.

давать, торжественной встречи, как прежде, с попом и иконами не делать, чтобы дать почувствовать, что рабочие уже не те рабские холопы, какими были раньше; постановление организации было полностью выполнено, никто из рабочих не вышел встречать Балашева, а когда он проходил по цехам, рабочие гордо, без отвешивания низких поклонов встречали и провожали его..." [1].

Забастовочное движение 1905 года на Южном Урале, продолжая в основе все еще носить экономический характер, в ряде случаев уже выливаются в политические требования, а также самое руководство движением все больше переходит к партийным работникам. Так, во время апрельской забастовки 1905 года катав ивановские рабочие наряду с требованиями 8-ми часового рабочего дня и др. пред'являют требования „свободы рабочих союзов и собраний, неприкосновенность личности и жилища". Все чаще повторяются требования об удалении с завода тех или иных лиц из административного состава. Златоустовская забастовка в декабре 1905 г. сопровождалась манифестацией по городу с красными флагами, на которых было написано: „долой царское правительство" и т. п.

Рабочие выступают все дружнее, все увереннее и вместе с этим их движение все больше, наряду с экономическими требованиями, принимает классовый политический характер.

В 1905 году была устроена 1-я маевка в Симском горном округе. Миньярцы и симцы собрались в лесу на Малоюзовской горе, провели митинг, где говорились речи о революционном движении рабочего класса, при чем выступали не только „профессионалы" — докладчики, но и сами рабочие. Маевка (неожиданно для урядника) закончилась массовой демонстрацией по улицам Симского завода.

26-го октября 1905 года в связи с об'явлением манифеста „17-го Октября" симцы устроили демонстрацию около церкви, встретив выходящих из церкви после богослужения криками: „Долой манархию", „Да здравствует политическая свобода". Последний лозунг был написан на выброшенном во время демонстрации красном флаге; от церкви демонстранты прошли в народный дом, где и провели собрание с политическими речами.

Под руководством партийных ячеек ряд заводов Южного Урала в 1905-м году добивается частичных улучшений своего материального положения. Так, симские рабочие в конце 1905 года впервые добиваются введения 9-ти часового рабочего дня, вместо 11-ти часового и частичного увеличения зарплаты.

---

[1]) Материалы Окрисптарта, из воспоминаний В. А. Чевардина.

Одна из вершин горы Таганай (близь Златоуста), — место подпольных сходок.

Годы реакции, под'ема и войны.

Восстание рабочих 1905 года было разбито и затоплено в крови. Страна покрылась виселицами, тюрьмы переполнились рабочими — революционерами.

Началась мрачная полоса черной реакции.

Зверская расправа обрушилась и на рабочих — революционеров Южного Урала.

„Симский урядник Чижик-Чечек со своим отрядом шпиков энергично принялся за работу. В 1905-м году, когда волны революции всколыхнули рабочих,—жандармерия пользовалась случаем и выявляла активных революционеров; жандармерия обнаружила почти все подпольные организации в заводах Симского округа, переписала всех участников подпольной работы. В Симу в один „прекрасный" день был поставлен ряд виселиц, вынесен портрет Николая II-го, собран сход, на который были призваны и подпольники. Это было устроено с той целью, чтобы запугать подпольников, заставить их раскаяться, попросить прощения у портрета государя и поцеловать крест. Но из этой комедии ничего не вышло. Из подпольников явилось только несколько человек наиболее убежденных и сильных; они, разбившись по группам обратились к сходу с речами, разнесли в прах затеянную жандармерией авантюру и многолюдный сход закончился криком: „Верно! верно! Да здравствуют наши товарищи! Да здравствует политическая свобода!" Чижик-Чечек потерпев поражение, — приступил к арестам и в результате 15 активных работников из симской организации в январе 1906 года были отправлены в Уфимскую тюрьму, где и встретились с миньярцами, усть-катавцами, катав-ивановцами и товарищами из других заводов.

По возвращении из тюрьмы (выпускали их в разные сроки) они не могли уже начинать работу снова и вести ее широко, т. к. всюду зорко следила за ними полиция.

В октябре 1906 года Сим еще раз вспыхнул яркой искрой революционного гнева. 26-го октября симские рабочие, возмущенные зверством полиции, поднялись всем заводом, во главе с боевой дружиной подпольной организации РСДРП, вооруженным способом расправились с зарвавшимися истязателями—жандармами.

После этой вспышки, которая была жестоко подавлена, симская подпольная организация окончательно обезкровилась и в дальнейший период с 1906 по 1912 год фактически не существовала.

„1909—1910 г.г.—годы сравнительного упадка деятельности партии; стихийный выход из партии стал обычным явлением миньярской организации, а симская и аша-балашевская организации 1910 г. уже не существовали, как таковые;

члены организации выходили механически, не платили членские взносы, не посещали собраний и даже не делая заявлений об уходе". [1])

В эти годы реакции наиболее крепкой и стойкой оказалась миньярская подпольная организация; она беспрерывно продолжала работу над воспитанием своих членов. „Наряду с этим деятельность организации выразилась в проведении на сельских сходах своих постановлений. Неоднократно, даже почти на каждом сходе происходили схватки, то с земским начальником, а то и с попами, желания которых ни на одном сходе не проходили. И конечно, после каждого схода Миньяр посещался ротмистром, производились обыски и аресты. В 1910-м году была устроена пробная забастовка, которая после 3-х дней окончилась простыми переговорами с окружным инженером. К этому времени подрастающая молодежь имела уже кружки, сначала просто общеобразовательного характера, впоследствии они вылились в социал-демократические кружки по изучению политической экономии, коммунистического манифеста, эрфуртской программы и т. д. В одном из этих кружков к концу 1911 года уже зародилась мысль вылиться в политическую организацию. Наступивший расцвет промышленности с одной стороны, возвращение из ссылки некоторых старых товарищей—с другой, подрастающая молодежь, уже воспитанная в кружках в конце 1911 года—с третьей, сразу усилили организацию, которая с начала 1912 года развила интенсивную деятельность. К 1-му мая 1912 года было выпущено воззвание с призывом демонстрации и забастовки. 1-го мая завод не работал и были попытки к демонстрации" [2]). Осенью 1912 года миньярцы провели общезаводскую забастовку (с 10-го ноября по 28/XII), которая закончилась победой рабочих; за время этой забастовки было устроено больше 100 нелегальных собраний, при чем „ни одного собрания полиции не удалось обнаружить"...

После окончания забастовки рабочие почувствовали очень сильную тягу к организации, создали нелегальный союз, который включал половину рабочих... Газеты, сначала „Звезда", а потом „Правда", пропаганда и агитация по вопросам страхования...,—подняли настроение и желание повести дальнейшую борьбу; это особенно укрепило социал-демократическую организацию, которая насчитывала к этому времени до 70-ти человек... В начале 1913 года был организован кооператив, который во всей последующей борьбе служил штабом, местом явок, местом агитации и пропаганды...

Наконец, в 1914 году миньярцами была проведена 9-ти месячная забастовка, которая ликвидирована военными методами. Разгром организации, произведенный полицией в пери-

[1]) Воспоминания М. Коковихина.
[2]) Уф. Окт. сборн.,—ст. В. Заикина.

од этой забастовки, отразился на дальнейшей работе и в годы войны миньярская подпольная организация работала значительно слабее, хотя работа все-же не прекращалась.

В ряде подпольных организаций других заводов Южного Урала в годы реакции также были попытки революционной работы; так, подпольная организация Ашинского завода 21 апреля (н. ст.) 1907 года отметила свой годовой юбилей массовкой, на которой присутствовало 30 человек партийцев, а всего на маевке было 97 человек из общего количества рабочих на заводе, примерно, в 300 человек; чтобы предупредить возможный налет полиции,—были выставлены дозоры из вооруженных боевиков.

„...Празднество происходило „на скале", всем ашинцам известной, находящейся против Ашинского поселка. Теплый солнечный день развертывающейся весны нам всецело содействовал. А красные знамена, счетом 8 штук приковывали и ласкали взоры всего населения завода, в особенности пассажиров проходящих пассажирских и переселенческих поездов; проезжающие пассажиры в этих поездах особенно горячо приветствовали нашу массовку, разуряженную развивающимися красными знаменами, влитыми в общую картину красавца седого Урала..." [1]).

В городе Златоусте в 1905 году преобладающее влияние над рабочими находилось в руках партии эс-эров; после расстрела рабочих 13 марта 1903 года и убийства в наказание за это эс-эрами Уфимского губернатора Богдановича, пылкая рабочая молодежь увлеклась партией эс-эров и террором, как наиболее геройским подвигом борьбы.

Город Златоуст превратился в гнездо эс-эров; 1905-й год и впоследствии прокатившаяся по Самаро-Златоустовской железной дороге карательная экспедиция одного из героев, проигравших японскую войну, генерала Меллер-Закомельского,—подлили масла в огонь и в ответ на них заработали пули и бомбы эс-эров. Их организации посещали „бабушка" Брешко-Брешковская и „сам" Виктор Чернов,—вливали в златоустовскую организацию хороших работников („Антон", „Абрам", „Нина" и т. д.). На ст. Златоуст упрочились большевики и оттуда, распространяя свое влияние и на город, — помогли городу в 1905 году сколотить небольшую, но крепкую влиятельную организацию РСДРП (большевиков); однако, 1905 год в г. Златоусте прошел под знаком преобладающего влияния партии эс-эров; а также и потому, что вследствие частых террористических выступлений эс-эров, систематическая работа подпольной большевистской организации нарушалась и жандармерия вырывала из ее рядов подпольных работников.

[1]) Материалы Окристпарта, воспоминания тов. Туманова.

В годы реакции, начиная с 1906—1907 г. златоустовская подпольная организация массовой работы почти не вела; тем не менее, летом 1906 г. профессионал-революционер „Потап“ (А. Скворцов) провел в гор. Златоусте ряд партсобраний, устраивая лекции по вопросам рабочего движения, истории СД, политической экономии, рефераты по вопросам программы и тактики борьбы; в конце 1907 г. внутри партийную работу в г. Златоусте начал вести т. „Леонид“ (Е. А. Преображенский). В этот период было несколько случаев широких массовых кампаний среди рабочих политического характера, как, напр., требование на рабочих собраниях об освобождении члена 1-й государственной думы Косоротова. В последующие годы после „провала“ организации (1907 год) и от'езда „Леонида“ (1909 г.) работа ослабела, так, в 1912 году всего было проведено 2 партийных собрания (в лесу).

В группе Катав-Ивановских заводов подпольная партийная организация—в период реакции, как массовая рабочая руководящая организация себя не проявила; не велось также и более или менее систематической внутри партийной организационной и воспитательной работы.

Большее значение в годы реакции приобрела печатная пропаганда: в г. Златоусте уже в 1906 г. работала подпольная типография (организованная „Потапом“), в которой печатались прокламации; в 1908 г. этой типографией печатался орган Златоустовского Окружного Комитета РСДРП „Красное знамя“; (в мае 1909 года типографию нашли жандармы и работа прекратилась; работа возобновилась вновь в 1912 г.); в Симу в начале войны (1915 г.) было выпущено подпольное издание „Правда о войне“, написанная В. П. Арцибушевым; это издание впоследствии распространялось через миньярских рабочих не только на Урале, но и в Сибири.

Интересно отметить, что в период реакции и на Южном Урале были попытки ликвидаторства подполья со стороны меньшевиков; но никакого сочувствия среди южно-уральских рабочих эти попытки не встретили; так, в 1911 году приехавший в Златоуст высланный из Питера меньшевик Евгений Трубицын на собрании группы революцион. рабочих (с.-д.) пытался провести предложение о ликвидации подполья и переходе на легальную культурную работу; собравшиеся рабочие, однако заявили, что против культурной легальной работы они возражают, но от подполья не отказываются. [1]).

Боевые дружины.

В конце мая 1906 г. под руководством т. Кадомцева организуется в Симу боевая рабочая дружина из 22-х человек; (Гузаковы М. и П., Зайцев Г., Лаптев В., Волков И.,

[1]) Материалы Окристпарта, воспоминания А. А. Недоспасова.

Марков И., Шыршов И., Осокин А., Теплов В., Салов А., Чевардин А. и др.). Дружина делилась на два разряда по роду оружия—бомбометчики и стрелки; во главе дружины стоял сотник (член комитета) и его помощник; сотник подчинялся инструктору; наиболее острым был вопрос приобретения оружия; боевики решили приступить к приготовлению бомб сами, что и удалось; в литейном отливали оболочки, растачивали в механическом и по указанию специалистов начиняли.

В это время симская боевая дружина была настроена очень революционно; „мы частенько доказывали товарищам приезжавшим из Уфы, что сейчас не время устраивать митинги, а нужно вооружать рабочих и обучать их, как владеть оружием; в это время в Симу знали, что есть боевая организация и жандармы, но ни разу полиции не удалось обнаружить собраний в лесу, она узнавала об этом уже на другой день; скрытию митингов много помогали рабочие, которые вообще ненавидели полицию". [1])

Симская боевая дружина принимала участие в экспроприации динамита с Усть-Катавского завода летом 1906 года совместно с Уфимской боевой дружиной; после восстания в Симу в октябре 1906 года боевики были арестованы и боевая организация замерла на долгое время.

В работе боевых дружин принимали так-же активное участие работницы, например: Ганя Хрущева (Златоуст), Лидия Огурцова (Миньяр). Хранение и передача оружия, денег, содержание явочных квартир и даже участие в эксах, все эти формы боевой работы велись и революционными работницами.

Дети подпольщиков воспитывались на работе взрослых.

„Малыши-подростки,—рассказывает в своих воспоминаниях М. Коковихин,—вместе с нами переживали невзгоды и страдания и внедряли в сердце свое жгучую ненависть к существующему строю.

Никто как они, не делал столько разведок в полиции или в других местах, которые нас интересовали.

Никогда не забуду я одной сцены, происшедшей между моим маленьким братом и мною. После экспроприации на Симской станции, каким-то образом ко мне пожаловала полиция с обыском и вот она была шагов за 20 от квартиры. Брат мой влетел в избу и дрожа говорит: „Давай скорее, что есть,—с обыском идут",—а у самого покатились слезы: он чувствовал себя виноватым,—не предупредив ранее, пока полиция была еще далеко".

С. Шапурин.

---

[1]) Материалы Окристпарта, воспоминания В. А. Чевардина и К. Горбунова.

Златоустовская бойня *).

Письмо очевидца.

С первых чисел января 1903 года на рабочих г. Златоуста, Уфимской губ., беспрерывно набегала беда за бедой. Первой из этих бед был пожар, уничтоживший механический и снарядный цеха. Громадны убытки, причиненные пожаром заводу. Впрочем, о них не очень говорят, так как пожар случился по причине неумелого проведения заводской администрацией печной железной трубы через деревянные стропила. В продолжение двух часов уничтожены были упомянутые цеха, пока администрация собирала к своим пожарным машинам рукава и гайки. Расплачиваться за пожар пришлось, конечно, рабочим, многим было об'явлено об увольнении.

Второй напастью явились книжки, содержащие условия найма. Оказалось, что каждый параграф новых правил налагает на рабочих новые цепи, или крепче сковывает старыми:

1) Наказание налагаемое заведующими цехами, не может быть обжаловано.

2) Если рабочий не является на работу в течение месяца 6 дней по неуважительной причине или 2 недели по уважительной, то договор может быть расторгнут.

3) За нарушение тишины и порядка—тюрьма от трех недель до полуторых лет и т. п.

Чувствуя на своих плечах достаточно тяжести, рабочие наотрез отказались принять эти правила, чем и возмутили отечески заботящееся о них начальство.

8 марта рабочие большого прокатного цеха без малейших беспорядков вызвали заводского полицейского Уманцева и попросили его передать начальству завода (начальнику Зеленцову и управителю Гертум) о том, что новых книжек они не примут и если начальство будет настаивать на своем, то 10 марта они бросят работу.

10 марта рабочие всех цехов оставили работу и чинно вышли на площадь пред домом начальника Зеленцова. Они об'явили Зеленцову, что решительно не желают принимать новых книжек.

11 марта переговоры продолжались. Рабочие отказывались от временной отсрочки принятия новых книжек. Для удобства переговоров начальство предложило выбрать депу-

---

*) Подпольное издание Уфимского Комитета РСДРП,—апрель 1903 г.

татов потолковее. Рабочие долго не соглашались на это, опасаясь за судьбу выборных. Только когда им дали слово, что выборным не грозит никакая опасность, рабочие выбрали трех депутатов, уполномочив их просить о вызове губернатора. Дождавшись конца переговоров, толпа с депутатами разошлась.

На другой день 12 марта рабочие узнали, что все три выбранные ими депутаты арестованы. Несмотря на такой возмутительный факт рабочие, что называется, тихо, смирно, хотя и всей толпой двигались от начальства к начальству, требуя освобождения арестованных. Но напрасно. Управитель говорил, что даже не знал об их аресте. Тогда рабочие пошли к квартире жандармского ротмистра, где были встречены жандармским унтер-офицером. На вопрос рабочих, где арестованные, он ответил. что они уже отвезены. Затем вышел ротмистр и на тот-же вопрос рабочих сказал: „они здесь, не безпокойтесь; как только дело расследую — их выпустят". Рабочие требовали немедленного освобождения арестованных и упрекали в сделанной подлости, и в ответ на что услышали: „служба, ничего не поделаешь, сегодня я выпущу, а завтра меня уволят". После отказа освободить арестованных, жены депутатов с плачем привели к нему своих детей, требуя, чтобы он содержал их до освобождения отцов. Многие при виде этого рыдали.

Отсюда толпа двинулась к полиции для переговоров с исправником К л ю ч н и к о в ы м. И здесь рабочие вели себя настолько благопристойно, что прогуливающаяся публика то и дело подходила к толпе послушать, что говорится. Только к вечеру какой-то офицер (солдаты местного баталиона все время сопровождали рабочих) оттолкнул фабричную женщину и та, при хохоте толпы отхлестала растерявшегося офицера по щекам.

От полиции рабочие пошли к дому начальника и терпеливо ждали приезда губернатора. Настроение толпы было спокойное, многие в ожидании пощелкивали семячки.

Когда губернатор приехал и вошел в дом начальника, рабочие то и дело вызывали швейцара и спрашивали: „Ну, где же он у тебя? Посылай скорее, ведь мы с утра ждем". Наконец, губернатор вышел и сказал, чтобы рабочие расходились и к утру выбрали кого нибудь из своей среды для переговоров. Рабочие ответили, что их выборные засажены уже, других выбирать не будут, просили освободить арестованных, говоря, что „послов не куют, не вяжут". Губернатор велел им расходиться, обещал завтра разобрать дело и ушел. Рабочие снова пытались вызвать его, но звонок отцепили и они вынуждены были ждать до утра.

Утром 13 марта чуть свет рабочие начали собираться на площади, но так как на площади рыскали полицейские и

разгоняли, то рабочие проходили в завод, как будто на работу и уже собравшись, высыпали все на площадь к дому начальника. Здесь на под'езд вышли к ним губернатор, начальники, управитель завода, прокурор.

Губернатор заявил, что вопрос о новых правилах послан для рассмотрения министру, а теперь до распоряжения министра, рабочие могут работать по старым правилам.

Рабочие удовлетворились этим, но требовали немедленного освобождения арестованных.

Мирная толпа рабочих, разговаривавшая с начальством, привлекла массу любопытных. Среди толпы много было женщин, жен рабочих и подростков, начинающих работать. Требование рабочих — освободить арестованных было настойчиво. В толпе то и дело слышалось: „Не расходись братцы, пока не выпустят; вы видите, сколько им можно верить. Если мы не выручим товарищей теперь, нам не видать их больше. Ведь не сгнили еще кости жертв 98 года". Но при этом не было не только буйства, но даже сильного движения. В магазинах, в погребах велась обычная торговля. Никому из купцов и в голову не приходило, что им может грозить какая нибудь опасность со стороны такой мирной толпы: купцы, то один, то другой пробирались в толпу, чтобы послушать, что говорят.

Губернатор все настойчивее требовал, чтобы толпа расходилась, говоря, что до расследования дела их товарищи не могут быть выпущены. Рабочие ответили, что не разойдутся. Тогда, губернатор, схватив одного рабочего за ворот, закричал: „Иди-ка, поговорим, ты давно здесь ораторствуешь". Рабочие мигом надвинулись и оттиснули товарища в толпу.

Губернатор заявил, что поедет в тюрьму для расследования, но рабочие просили его итти пешком. „А то вы, говорят, вместо тюрьмы на вокзал уедете". Губернатор ушел в дом и выслал рабочим печатные об'явления, в которых говорилось то-же, что и на словах: „расходитесь, дело будет расследовано, в противном случае будут приняты военные меры". А какие именно—сказано не было. Рабочие изорвали листки.

Тогда, не говоря худого слова, войско, все время выстроенное, заиграло наступление, которое никто не понял, да таковое-же игралось и накануне.

Через несколько минут, как говорят все бывшие на площади, вышел на балкон губернатор, махнул платком, и... мы глазом не успели моргнуть, как посыпались пули. Сначала мы нисколько не испугались, потому, что не думали, чтобы без всякой причины стали убивать людей, но вдруг видим, что народ валится, как подкошенный и кровь залила всю площадь... Кто валится тут-же, где застала пуля, кто бежит окровавленный, кто пытается ползти... По всей площади вой, стон, плач детей... Народ бросился искать в этой крови сво-

их... В это время еще залп и еще... после четырех залпов стрельба прекратилась.

Снова близкие и родные бросились между убитыми и ранеными отыскивать своих. Тут-же явились полицейские. Вот поднимают одного убитого. Карман пиджака его оттопырился—видно, чем-то набит... Как вороны, бросились полицейские к этому трупу, надеясь найти оружие... но вместо него вынимают из кармана кусок черного хлеба и две печеные картошки.

В несколько минут магический взмах платка превратил людей, искавших правды, в окровавленную массу, которой начали наполнять откуда-то явившиеся короба.

Больницы заполнились мертвыми и умирающими. Кровь, точно ведрами вылитая, покрыла пол больницы. В числе убитых и раненых оказались дети, женщины и лица, совершенно не причастные к делу. Был убит, например, крестьянин села Кувашей, который, продав сено на базаре, ехал домой через площадь, где и свалила его шальная пуля... Жена одного рабочего попросила мужа, пока он будет обедать, покачать ребенка, а сама пошла посмотреть, что делается на площади. Неуспел он кончить своего обеда, как товарищи крикнули ему в окно: „Поди убирай жену-то, готова". Бойня эта была так неожиданна, что отовсюду только и слышится: „Господи, да что-же это такое, как у них поднялись руки и совесть позволила проливать кровь? Неужели царь не знает об этом?"

Ужасная картина была у больницы: короба, наполненные телами раненых и убитых... кровь льется рекой... слышатся стоны умирающих, просьбы дать хоть каплю воды... рыданья женщины, спрашивающей: „не видали-ли моего сына или мужа... в сереньком пиджачке?". „Вот там, в коробке..." отвечают ей. И снова потрясающие душу рыданья.

Не смутились только совершившие это кровавое дело, столпы отечества... Офицер, возвращаясь с бойни, рассматривал внимательно, не сбивается-ли с рыси его иноходец, а заводская администрация позаботилась поливкой из пожарных машин (которые на этот раз были в полном порядке) площади и засыпкой ее песком и снегом.

Забыли только изверги, что для смывания крови с совести не изобретено еще машин.

Особенно зверски наслаждался ролью палача батальонный командир П о б ы в а н ц е в.

15 марта на место избиения было принесено около 40 гробов для отпевания. Такие процессии будут еще не раз, так как тяжело раненых в больницах еще много.

14 марта к вечеру рабочие стали на работу. Новые книжки пока не введены.

Две забастовки.

(Эпизоды из рабочего движения в Миньярском заводе).

Осенью 1912 года на Миньярском заводе, в крупносортном цехе было введено маленькое техническое улучшение, благодаря которому заводоуправление вместо 8 человек, работавших в смене, хотело оставить — 6, из которых 2 должны были быть мальчики-подростки. На этой почве возникла забастовка „правильщиков". Забастовка была утверждена с. д. организацией, как борьба против капиталистической рационализации и она взяла руководство забастовкой в свои руки. Забастовка „правильщиков", работа которых была связана с другими производственными процессами, не дала возможности продолжать работу другим рабочим. Администрация захотела использовать этот случай, чтобы натравить рабочих, которые благодаря этой забастовке остались без работы. Но натравить одну часть рабочих на другую администрации не удалось. Вместо этого все рабочие присоединились к „правильщикам", об'явив, что они поддерживают „правильщиков" и, если заводоуправлению удастся даже набрать других „правильщиков", то все же они не станут работать вместе с ними. Благодаря остановке самого главного заготовительного цеха, через несколько дней все остальные цеха остались без заготовки и вынуждены были остановиться. Администрация не замедлила опять использовать это с целью внести раскол и натравить одну часть рабочих на другую, вывешивая длинные об'явления, говоря, что из-за „легкомысленных мальчишек" рабочим придется шататься без заработка, призывая рабочих к работе в том цехе, в котором началась забастовка.

В результате администрация „добилась" того, что все рабочие присоединились к бастующим и, таким образом, забастовка превратилась в общезаводскую, при чем были попытки привлечь к забастовке рабочих Балашевского и Симского заводов, но это не удалось и больше, чем оказанием денежной помощи — рабочие Симского и Балашевского заводов ничем не могли пособить миньярцам в этой, нужно сказать, героической борьбе.

За время, с 10 ноября по 28 декабря, было устроено больше ста нелегальных собраний. Одновременно в 3-х или 4-х домах происходили эти собрания и ни одно из этих собраний не было провалено. Ни одного собрания полиции не удалось обнаружить. Никакие угрозы, ни-

какая провокация со стороны врагов не могли поколебать солидарность рабочих и хорошо организованная конспирация помогала ежедневно освещать создавшееся положение. Для того, чтобы созвать 2—3 собрания в вечер — стоило троим товарищам пойти в разные концы села, не заходя ни в один дом, а прямо идя по улице, встречая рабочего, говорить: „приходи сюда и передай товарищам". Собиралось по сотне человек.

Вся забастовка длилась 48 дней, израсходовано, поскольку мне не изменяет память, на помощь рабочим 402 рубля, причем, деньги 200 руб. были организацией заняты у двоих товарищей, а именно: у Ивана Ак. Горшкова и М. П. Заикина, которые из своих трудовых сбережений отдали все на общее дело, рискуя никогда не получить их обратно.

28 декабря управление округом пригласило представителей рабочих на переговоры в Сим. Было избрано 13 чел., которые поехали туда, зная, что стальная воля представителей капитала сломлена. Представители заводоуправления делали вид, что не считают себя еще побежденными, а просто, из „жалости" к рабочим хотят поговорить с ними. Рабочие это прекрасно понимали и отправляя делегатов говорили, чтобы никаких уступок не делать. На переговорах управляющий Умов только выбирал момент, когда можно бы удобнее крикнуть: „вот с этим то я согласен, а поэтому удовлетворяю ваши желания". Делегаты еще не поспели вернуться, как задымились фабричные трубы.

Эта забастовка дала понять рабочим, что только солидарность и организация служат залогом успешной борьбы и, что только сами рабочие смогут освободить себя. После этой забастовки рабочие почувствовали свою силу, которая очень долго сказывалась в дальнейшей борьбе. Заводоуправление долго чувствовало силу организованности рабочих, которые на самые малейшие нажимы со стороны „хозяев" отвечали ударом, перед которым администрации приходилось уступать.

В 1913 году рабочие, как известно, были заняты страховой кампанией по закону 20 июня 1912 года. Рабочие Миньярского завода сразу поставили страховую кампанию на правильные классовые рельсы. На этой почве велась усиленная борьба и агитация. Выборы уполномоченных показали еще раз, как сильна классовая спайка и как умело организация руководила движением. Представитель администрации, посетивший комиссию по подсчету голосов, сказал: „очевидно у вас было перевыборное собрание", на что представитель рабочих ответил: „а вы, что думаете, зря такие вещи устраиваются?" И удачно избранные уполномоченные, на окружном с'езде, при обсуждении устава, заняли классовую линию, отстояли классовый устав, который был отправлен в губернское страховое присутствие, в котором этот устав и пропал.

После окончания забастовки рабочие почувствовали очень сильную тягу к организации, создали нелегальный союз, который включал добрую половину рабочих, занятых на заводе. Газеты, сначала „Звезда“, а потом „Правда“, пропаганда и агитация по вопросам страхования, вокруг которого развелась слишком широкая агитация, а потом и раскол думской фракции, вокруг которой также были сильные дискуссии, — подняли настроение и желание повести дальнейшую борьбу. Это особенно укрепило социал-демократическую организацию, которая насчитывала к этому времени до 70 человек. Не было таких вопросов общественной жизни, на которые организация не реагировала бы. Не было постановления, которое не было бы воплощено в жизнь. Стоило организации собраться, постановить, как через несколько дней это уже проводилось через широкие массы рабочих в жизнь. В начале 1913 года был организован кооператив, который во всей последующей борьбе служил штабом, служил местом явок, местом агитации и пропаганды.

К середине же 1913 года заводоуправление начало подумывать о наступлении, дабы сокрушить организованность рабочих. Всякие мелкие придирки, ухудшение в оплате и общих условиях труда успешно отбивались рабочими. Но хозяева не унимались и начинали действовать все нахальнее. Поэтому у рабочих возникла мысль дать еще, что называется, генеральное сражение. Лето дало возможность собираться в лесу большими массами для широкого обсуждения вопросов борьбы. Собирались чуть ли не каждый день, при чем, организация всегда стремилась воспрепятствовать активным выступлениям, конечно, не по соображениям неприемлемости борьбы, а потому, что считала рабочих еще недостаточно организованными, чтобы дать генеральное сражение администрации и не быть в этом сражении разбитыми.

7-го мая, заводоуправление повесило об'явление, в котором урезывало заработки, удлиняло рабочий день и ухудшало общие условия труда. Вечером же рабочие собрались и постановили об'явить забастовку. Днем, 8 мая, были вручены заводоуправлению изложенные на бумаге требования, носившие характер не только защиты от посягательств заводоуправления, но и контр-наступления.

Завязалась борьба, принявшая острый длительный характер. Материально рабочие еще недостаточно оправились от полутора-месячной забастовки 12 года. Поэтому организации сразу пришлось прибегать к денежной помощи особенно нуждающимся товарищам. Пришлось сразу установить, что потребуются солидные средства. Обратились за средствами в Балашевский и Симский заводы. Но средств, которые могли дать эти два завода, было недостаточно. Бросились в Уфу, где также немного достали. Обещала оказать помощь через пи-

терских рабочих думская, в то время — с. д. рабочая фракция, но разразившаяся война и арест наших депутатов не позволили осуществиться этому. Борьба приняла действительно острый и затяжный характер. Устраивать собрания в лесу по вечерам становилось все труднее и труднее, ибо наряды полиции все увеличивались, заслоняли собой все выходы из села и рыскали по горам. Было поползновение „уложить" их в лесу, но организация этого не позволила, ибо это могло бы послужить на руку хозяевам и дало бы повод произвести аресты и т. д., что сильно затруднило бы борьбу. Когда становилось невозможным собираться по вечерам, стали собираться по утрам. Вы могли заметить, как по всем холмам шли рабочие, кто с обатью, кто с топором, а кто и с пилой, с узелками под мышкой. Это рабочие шли на собрание. Наконец—и это стало невозможным.

Однажды ночью полиции удалось напасть на толпу, только-что расходившихся с собрания рабочих. Поймать им удалось только одного самого деятельного товарища, который был арестован, но после 3-х дневного пребывания в тюрьме, отпущен; он вынужден был бежать в Сибирь. К концу лета пришлось также покинуть Миньяр и некоторым другим активным товарищам. Наконец, об'явленная мобилизация в конце июля вырвала нескольких лучших товарищей-руководителей. Забастовка начала переваливать за полгода. Рабочие, голодая подумывали об уступке. Администрация стала собираться привезти других рабочих со стороны. Слишком незначительная помощь деньгами, (рубль или два—больше не давали) все больше увеличивали голодовку.

Слухи, что из Нижнего везут рабочих, стали колебать рабочих. Продукты, которые были в кооперативе, почти все вышли. Наконец, были привезены несколько десятков человек из Юрюзанского завода, поместили их в бараке, окружили охраной, не выпуская в село ни на минуту, боясь, что они будут распропагандированы. Организации удалось одно время узнать, что послан агент для найма рабочих в Нязе-Петровский завод, на котором с пасхи велась забастовка из-за больничной кассы; забастовка вылилась в форму убийства нескольких полицейских и красноуфимского полицеймейстера. По пятам этого агента был послан агент организации. К моменту приезда нашего агента там было записалось около 300 человек, которые нанимались, не зная, что в Миньяре забастовка. Приезд нашего делегата разрушил и этот план. Ему удалось у одного старика, у которого три сына записались, чтоб уехать, устроить маленькое собрание, на котором он рассказал в чем дело и куда их везут. На другой день большинство ехать отказались и агенту хозяев удалось уговорить ехать только несколько десятков. Это случилось к концу 6 месячной борьбы. Привезенные рабочие и призы-

ваемое на войну ополчение (которое через заводскую работу избавлялось от мобилизации) при всем своем нежелании вредить рабочим, все же шло на работу. Заводоуправлению удалось пустить один цех, что внесло некоторое разложение в спаянные ряды рабочих, к тому-же—опытных стойких руководителей стало меньше, вследствии чего было почти невозможно созывать собрания.

22 декабря 1914 года указом Уфимского губернатора были высланы последние 6 человек руководителей. Таким образом, в самый разгар борьбы, в самый решительный момонт, рабочие остались под слабым руководством. И все же, еще не сразу все решились пойти на работу: поступали одиночками. Многие квалифицированные рабочие вынуждены были раз'ехаться по другим уральским заводам. Многие долгое время шатались без работы. И только летом 15 года заводоуправлению удалось пустить завод как следует в ход.

В. Заикин.

Зачатки рабочего движения в Катав-Ивановских заводах.

Металлургические Катав-Ивановский завод и Юрюзанский, закрытый около 1907 года, и вагоно-строительный Усть-Катавский составляют по своему географическому расположению отдельную группу Уральских заводов, расположенных треугольником. Эта группа старинных заводов, находящихся на расстоянии 20—25 верст друг от друга, принадлежала генералу царской свиты князю Белосельскому-Белозерскому, пользовавшемуся ими на посессионных началах. Владетельный князь был человек чрезвычайно ограниченный — большой руки кутила и расточитель.

В начале 1905 года я часто бывал на этих заводах, как земский статистик, а в конце 1905 года, как партиец, и тогда для меня было уже ясно, что Юрюзанский завод, видевший на своем веку крепостное право, как и Катавский завод, уже одряхлел и умирает.

Расточитель — Белозерский не заботился об техническом улучшении заводов и они не в состоянии были конкурировать с новыми, технически оборудованными, заводами юга. Правительство Александра III-го и Николая II-го видело забавы проказника — князя и, как члену свиты „величества", шло навстречу, выдавая миллионные ссуды под флагом восстановления умирающих заводов. Но дамский „генерал-забавник" полученные миллионы вкладывал не в заводы на их улучшение, не на улучшение быта рабочих, а пропивал в Монте-Карло, Венеции и Париже. Наконец, над князем, по настоянию родственников, была установлена опека, как над расточителем, и во главе высшей администрации встало Опекунское Управление, которое, конечно, тоже не сумело удержать от падения одряхлевшие заводы. В конце-концов, Юрюзанский металлургический завод около 1907 года встал навсегда, а Катавские заводы еще задолго до этого были проданы Бельгийскому Акционерному Обществу.

За 1899 год в жандармских делах имеется документ, который с полной откровенностью характеризует экономическое положение рабочих за целый период. Про Усть-Катавский завод жандармский ротмистр Вонсяцкий, производивший обследование завода, сообщает, что с переходом заводов в руки Бельгийского Об-ва среди всех рабочих вообще появилось недовольство к иностранцам, которые во многих отрас-

лях работы стали вводить новые порядки и режим, направленные явно к тому, чтобы заработную плату снизить и, переведя рабочих на сдельную плату, при нестерпимой жаре и 12 часовом рабочем дне, увеличить производительность завода, исключительно, за счет интенсивнейшей эксплоатации труда рабочих.

Бельгийцы, чтобы разбить трудовую спайку и солидарность коренных рабочих Усть-Катавского завода, вызвали искусственный прилив рабочих из других местностей России: Сормова, Екатеринослава, Воткинского завода и др. Пришлый элемент рабочих стал конкурировать с местными рабочими. Администрация бельгийского завода, заполучив посессионный завод, не стала совершенно считаться с правами местных рабочих, как бывших крепостных крестьян посессионного завода.

В прежнее время при недостатке на заводе работ таковая распределялась равномерно между всеми коренными рабочими завода, с той целью, чтобы не было безработных. Тогда рабочие работали по 5—6 часов в день и только за эти часы получали плату. Бельгийцы же заявили, что частые перемены состава рабочих им неудобны, т. к. усложняют делопроизводство.

На основании существующего прежде порядка на заводах можно сделать определенное заключение, что Белосельский, владея лесными дачами при своих заводах на посессионных началах и остановив пришедшие в упадок заводы, обязан был наделить рабочих земельными угодьями по установленным нормам.

Между тем, если заводы Белосельскому не давали доходов, то лесные дачи, которые он вырубал на уголь, ему давали доход и князь крепко держался за них.

Но чтобы удержать в своих руках лесные дачи, князь должен был предсмертную агонию заводов во что бы то ни стало продлить. И он искусственно делил работу между всеми рабочими, давая им возможность работать по 5—6 часов, оплачивая труд за 5—6 часов из расчета 12-ти часового рабочего дня. Жалкие гроши за 5—6 часовую работы давали рабочему возможность продлить голодную жизнь, а князю — возможность пользоваться и рубить на уголь ценные лесные участки.

Ротмистр Вонсяцкий в своем донесении с полной откровенностью пишет: „Во многих случаях заявления рабочих, бедствующих от безработицы, справедливы, но побудить бельгийцев к удовлетворению рабочих нет законного основания; последние категорически заявляют, что они фабриканты, а не „содержатели богадельни".

Бельгийцы, имея изготовленные, но не сданные казне вагоны и не имея лишнего капитала, умышленно тянули по

некоторым цехам очередной ремонт. Например, ремонт пудлинговых печей, начавшийся в 1899 г. по окончании страды, за окчен был лишь к 15 ноября. Рабочие при этом голодали, томимые искусственно вызванной безработицей. Ремонт в конце-концов был закончен, рабочие было вздохнули свободнее, но опять беда: бельгийцы об'явили рабочим пудлингового цеха свои новые условия, причем рабочие должны были подписать в конторе особые договора.

Тот-же ротмистр Вонсяцкий писал: „Новые условия, сообразуясь с обстановкой и платой на Златоустовском и Юрюзанском заводах, предложенные рабочим — действительно тяжелы для последних и невыгодны". Даже жандарм заговорил о тяжести условий...

Вследствие пред'явления администрацией новых условий, крайне невыгодных для рабочих, последние стали требовать от администрации прежних условий, которые хотя и были невыгодны для рабочих, но все же давали рабочим полуголодное существование. Администрация категорически отказалась платить по старым условиям и рабочие вынуждены были встать на работу на новых „драконских" условиях; но проработав день, рабочие стихийно бросили работу и ушли. Заводоуправление же, желая настоять на своем, пригласило на работу юрюзанцев, но последние отказались, тоже подчеркнув всю тяжесть и невыгодность новых условий.

Жандарм Вонсяцкий, исследуя факты насилия над рабочими Усть-Катава, приходит к заключению, что администрация вела линию закабаления и эксплуатации рабочих, потому что сама в этот момент не имела денежного капитала, а, наоборот, имела массу выработанных и вполне отделанных, но не сданных казне вагонов, чему виной был приемщик-казнокрад инженер Александров, который получил взятку от администрации 6500 руб., но ему казалась взятка мала и он медлил с приемом вагонов. Жандарм Вонсяцкий, раз'узнав об этой „субсидии" — как он сам выражался — принял меры против Александрова, который и был благополучно отозван в Петроград.

Как характерное явление того времени, следует отметить, что жандармерия тогда старалась относиться к рабочим снисходительно. Она не нащупала тогда политической борьбы среди рабочих и стремилась встать в центре рабочего внимания и казаться для них благодетельницей, которая умеет защищать интересы рабочих „дозволенными законом способами".

Само рабочее движение, правда, без всяких признаков политической борьбы, на Катавских и Юрюзанских заводах начинает резко выявляться с июня 1901 года. В это время в деле экономической борьбы все три завода имели тесную связь и даже обменивались делегациями.

12-го июня 1901 г. в Катав-Ивановском заводе в цехах: механическом, котельном, кузнечном и столярном — заводская администрация распорядилась отпирать ящик с контрольными номерами после свистка „на шабаш“, а не за 5 минут до выхода рабочих в проходную, как это было раньше. Против такового нововведения рабочие запротестовали, т. к. это обстоятельство создавало давку в проходной и рабочие фактически должны были выходить с работы позже. В действительности же заводская администрация стремилась к тому, чтобы и последние 5 минут пред „шабашем“ рабочие были за работой. В конце концов рабочие совсем отказались брать контрольные номера, а когда один мальчик (Верин) попытался взять номер, то рабочий Тимофей Карпов его ударил, за что и был директором Горовским совсем уволен с завода. Рабочие всей массой пошли к директору и настояли т. Карпова принять обратно, а пятиминутное нововведение отменить.

В сентябре месяце 1901 года рабочие Катав-Ивановского завода рельсоотделочного цеха в количестве 120 чел. отказались от работы, т. к. директором Горовским была об'явлена новая расценка работы „попудно“, вместо прежней „поштучно“, что снижало заработок рабочих. После ухода забастовавших рабочих директор пригласил рабочих других цехов, но последние оказались непригодными к работе в рельсоотделочном цехе и Горовский вынужден был вернуть забастовавших рабочих, оставив им старые условия заработка.

Итак, катав-ивановцы в приведенных случаях — сумели отстоять свои права исключительно благодаря своей рабочей спайке. Но усть-катавцы около того же времени (31 октября 1901 г.) проявили полную инертность, когда бельгийская администрация в литейном цехе уволила 35 человек, об'явив, что к 15 ноября уволит еще 20 человек и пустила при этом слух о замене русских поляками, как более квалифицированными. Пои всем этом расценка работ в литейном цехе была понижена на 20 проц., с намерением с 15 ноября еще ее снизить.

Усть-катавцы на подобное издевательство ничем не отвечали и многие из полуголодных сделались голодными в полном смысле этого слова. Но около 27 ноября 1901 г. усть-катавцы, поддерживаемые катав-ивановцами и юрюзанцами, действуют уже сообща в единой рабочей солидарности. Дело было так: в обоих Катавских заводах после передачи этих заводов Бельгийской компании, был установлен новый способ контроля рабочих. Каждый рабочий по приходе на завод должен был один номер отдать учетчику работ, а другой иметь на видном месте груди так, чтобы не опрашивая рабочего, можно было узнать, какого он цеха (в каждом цехе особые знаки).

За снятие знака во время работ рабочий подвергался жесткому штрафу.

За самовольную отлучку по своим надобностям в другой цех, он также подвергался штрафу по усмотрению управляющего заводом. Если рабочий являлся на работу несвоевременно, то у него производился вычет из рабочих часов и, наконец, если рабочий приходил на работу преждевременно, то его не пускали в стены завода.

В Юрюзанском же заводе опека Белосельского в то время хотя и преследовала за несвоевременную явку на работы и переход из одного цеха в другой, но все же двойных контрольных номеров пока не вводила. При таком положении вещей катав-ивановцы, увлекая за собой усть-катавцев, стали действовать на юрюзанцев, говоря: „Если вы ребята устоите и не возьмете номеров, то и мы побросаем их. В настоящее время мы только и работаем на штрафы". Юрюзанцам администрация об'явила, что контрольные номера окончательно будут введены с 1-го декабря. После второго нажима на Катавских заводах администрация установила окончательный срок приема контрольных номеров 1-го декабря 1901 г.

Но рабочие обоих заводов крепко спаялись и в один голос на обоих заводах заявили: „Знаков не примем, а если нас уволят и пригласят рабочих со стороны, то мы их вышибем".

Далее из секретного жандармского донесения (я беру все излагаемые факты из жандармского архива за 1901 г., дело № 12, от 3-го декабря 1901 г.), видно, что 1-го декабря ни один из заводов контрольных номеров не принял и окружной инженер Кихлер отложил для юрюзанцев день приема номеров до 15 декабря, при чем, это было сделано для того, чтобы разбить солидарность рабочих трех спаянных заводов. Администрация заводов, жандармерия и полиция к 15 декабря мобилизовала все силы, решив действовать на юрюзанцев приемами ласковых уговоров, обещаний мелких подачек, увещеванием попа и, наконец, спаиванием рабочих водкой.

Кроме этого юрюзанская администрация придумала и другой план...

Дело в том, что юрюзанские рабочие, как бывшие крепостные и освобожденные на посессионных заводах, получали все время даром дрова и луга. Рабочие привыкли смотреть на угодья, как на свою собственность, но Белозерский (вот точная выписка из жандармского документа) „боясь, чтобы рабочие не возбудили дела о наделении их землей и лесами (из владений князька) за давностью владения (свыше 10 л.) и на случай приостановления действия завода (он естественно умирал) потребовал с рабочих плату, хотя самую ничтожную".

Опека Белозерского стремилась нарушить десятилетнюю давность владения рабочими лесом и лугами, т. к. это обстоятельство давало по закону рабочим право укрепить за

собой владение в собственность на основании 10 л. давности, а потому опека просила ничтожную арендную плату с рабочих, чтобы тем самым нарушить приобретательную для рабочих давность и поставить рабочих в положение арендатора, но не будущих собственников...

Губернатор к этому же времени прислал на Юрюзанский завод за своею подписью для рабочих об'явление, где говорилось, что заводская администрация права, что не принявшие номеров рабочие не могут расчитывать на поддержку со стороны начальства.

К этому же времени на Юрюзанский завод приезжает жандармский ротмистр Шебанов. Действия всех этих скорпионов были направлены на рабочих.

Наконец, к рабочим является Златоустовский исправник и поп Разумов. Вся компания с попом и заводской администрацией пели в один голос: „примите, ребята, контрольные номера, а главное—вы почти дарма, без тяжбы, без судов получите и луга, и лес, и дрова. Все к вашим услугам и почти даром". Рабочие не понимали тогда, что заводская администрация одним выстрелом хотела убить двух зайцев:

Это: сделать рабочих арендаторами (за гроши) и лишить их приобретательной давности на угодья.

А отсюда: почти даровой, безхлопотливой дачей лугов и леса принудить взять контрольные номера и тем самым разбить солидарность рабочих трех заводов.

Юрюзановцы начали сдаваться: они заявили, что согласны взять номера, но с тем, чтобы с них не взыскивали платы за луга и леса и не штрафовали за опоздание до получаса.

Жандармерия и администрация поняли, что рабочие сдаются и на выручку пригласили попа. У памятника Александра II-го был отслужен молебен, управитель дал денег на церковь, на водку рабочим, городовым и урядникам.

Так юрюзановцы приняли контрольные номера на условиях заводской администрации, после этого катав-ивановцы и усть-катавцы были сломлены.

Юрюзановцы еще ранее описываемого факта, именно около 17 апреля 1901 г., в лице рабочих сварочного цеха заявили протест заводской администрации и отказались работать на две смены, требуя третью. Но этот протест не был поддержан рабочими других цехов и рабочие сварочного цеха были вынуждены встать на работу на прежних условиях.

По делу 17 апреля 1901 года жандармы привлекли к ответственности рабочих: Зайцева, Тихона Тюнина, Василия Шикунова, Кирилла Смолина. Но сами жандармы признаются, что за названными лицами не было установлено „вредного влияния" на заводское население, а потому дело о них было производством прекращено.

Такой же безрезультатный протест был у рабочих литейного цеха Усть-Катавского завода из-за того, что им была сбавлена заработная плата. Рабочие других цехов также не поддержали литейщиков и забастовка была сорвана (см. донесение 11 августа 1901 г).

Вообще следует отметить, что до 1902 г. на всех трех заводах борьба рабочих была исключительно экономической, жандармерия относилась к рабочим снисходительно, часто заигрывала, а заводская администрация, видя отсутствие у рабочих классовой солидарности, с каждым днем закабаляла рабочих все более и более.

Администрация усть-катавской дачи через своего помощника лесничего Шляпникова (см. д. № 14, стр. 5) стала взыскивать с рабочего населения по 12 рублей в год с трубы. Рабочие — старики вспомнили про грамоту, которую им читали в 1861 году про „освобождение" горнозаводского населения, где было сказано: „усадебные места по околицу, огороды, конопляники и занимаемые луга поступают в их собственность". Тогда под постройками было занято 170 десятин, в настоящее время в устной грамоте Белосельского значится только 72 дес. Этот самый лес был вырублен лесничеством по околицу. Жалоба Серпиевского общества земскому начальнику Шаховскому на незаконный поруб была оставлена без движения.

Наряду с этим нужно отметить совершенно безнаказанный произвол полиции: после сильного пожара в начале августа 1901 года пристав 5-го стана Колесников делил пожертвованные деньги погорельцам по своему усмотрению. Выдано было 30-ти погорельцам кому 15 руб., кому 30 руб. Денег было всего роздано до 600 руб., а пожертвовано было не менее 3000 руб. Остальные деньги, нужно полагать, прилипли к рукам пристава и жандармерия, зная этот факт, дело прикрыла.

В январе 1902 года администрация Усть-Катавского завода остановила прокатный цех, мотивируя тем, что нет чугуна и в пруду мало воды. Рабочие более 100 человек остались без куска хлеба, но и тут они безропотно переносили издевательство администрации.

15 января 1902 г. в Катав-Ивановском заводе литейщики были сокращены на 100 человек, в Усть-Катавском заводе 18 марта литейщики были сокращены на 82 человека и жандармерия в своем документе от 21 марта 1902 г. (стр. 27) об'ясняет, что заводоуправление расчитывает рабочих по уменьшенной расценке. Рабочие молчали и не протестовали.

Заводская администрация, издеваясь над рабочими, обязала последних доставить на завод дрова. Эта возка продолжалась, по сведениям жандармерии, с января по 15 марта. Все обложенные цеховые рабочие около половины своих

уроков выполнили: многие рабочие за себя нанимали крестьян, переплачивая сверх положенной платы по два рубля за сажень. В том же документе (см. стр. 29) жандармы сообщают, что те рабочие, которые выполнили урок, пользуются преимуществом и поступают на работу первыми.

Ни жандармерия, ни фабричная инспекция на это издевательство ничем не ответила, молчали и сами рабочие.

Условия, на которых рабочие должны были возить для завода куренные дрова, следующие: кто зарабатывает 10 руб. в месяц, тот должен был вывезти 1/2 сажени, кто зарабатывает 20 руб. — 1 сажень, а далее на каждые 5 рублей заработка добавляется 1/4 сажени. Цена за вывозку сажени 10 и 11 руб. Рабочие — не выполнившие урока, подлежали увольнению.

Около 21 марта 1902 г. у всех заводов не хватило топлива (кокса) и около 1000 рабочих было назначено к увольнению, при чем окружной горный инженер Кихлер прислал такую телеграмму (см. стр. 32): „По случаю недоставки железными дорогами горючего, увольнение рабочих может быть произведено и без предупреждения за 15 дней".

Недоставка же к сроку горючего материала, как сами жандармы по секрету об'ясняли, произошла потому, что заводоуправление не надеялось на то, что у них будут вновь заказы.

Между тем, до увольнения рабочих в сборном цехе плата рабочим была понижена на половину. Однако вопрос с топливом был налажен, заказы поступили и рабочие уволены не были.

Около 6 июня 1902 г. (см. стр. 50) рабочие прокатного цеха Катав-Ивановского завода в числе 70 человек пред'явили требование заменить 12 часовой рабочий день 8-ми часовым. Администрация отказала в требовании и рабочие прокатного цеха забастовали, заявляя, что в летнее жаркое время они не в состоянии работать 12 часов. Однако, тут дело было не в жаре, а в том, что к июню месяцу 1902 г. в Катав-Ивановском заводе была уже марксистская организация, которая перед 1 мая выпустила прокламацию.

Указанная забастовка была проиграна и рабочие 14 июня встали на работу.

31 августа 1902 г. во всех трех заводах появились нелегальные брошюры: „Стачка лжи", „Рабочий день" и др.

Эти же самые брошюры появляются и в Белорецком заводе.

Здесь кончается стихийная, экономическая борьба трех заводов и начинается борьба политическая и организационная.

В. Галанов.

Восстание в симу.

Страничка из жизни Михаила Гузакова, 1906 год.

„Мишка Гузаков" — так у нас в заводе называли и старые и малые Михаила Васильевича Гузакова, долгое время скрывающегося от полиции, которая должна была его представить в тюрьму, как одного из самых активных участников в событиях 1905 г.

Полиция гонялась за Мишей уже несколько месяцев, но все ее старания оставались тщетными.

Мишу любило не только население нашего Симского завода, но его не меньше любили и в других соседних заводах, селах и деревнях. Своей тактичностью, смелостью, выдержкой, Гузаков быстро завоевывал симпатии как у рабочих, так и у крестьян.

Жил Миша с товарищами в лесу, как братья лесные и связи со всеми рабочими завода он не терял. Пищу ему тайком носили, да и он украдкой приходил в завод повидаться с рабочими. Он также был сотником боевой дружины Симского завода и держал связь с Уфимской боевой дружиной. Скрываясь от полиции, он частенько перед носом у полиции появлялся, то в одной деревне, то в другой, и был совершенно неуловим, так как все население его слишком любило и не выдавало полиции.

В свою очередь Гузаков Михаил, как мог и умел, помогал беднейшим из населения.

По мере того, как реакция крепла, Михаил все более и более дерзкие делал налеты, не теряя связи с рабочими. Полиция принимала все меры, чтобы его поймать в свои руки. И вот однажды, узнав, что отец Гузакова — Василий Иванович приехал в Сим по делам службы, полиция решила, что сын обязательно придет повидаться к отцу и в 11 часов ночи она постучалась в ворота дома Гузакова: „Именем его императорского величества приказываем отворить". Войдя в дом и перерыв все углы, полиция обратилась к Василию Ивановичу:

— Зажигайте фонари! Пойдем искать! А ты, старик, иди впереди, чтобы первая пуля твоего сына попала в тебя, а не в нас!.

Миша Гузаков всегда был вооружен хорошо и живьем в руки ни в коем случае не дался бы. Это полицейские знали и они Миши боялись.

— Куда же я пойду раздетый? Подождите минуту, хотя я оденусь. На дворе, ведь, дождь и ветер" — ответил старик полицейским.

— Ничего, мы не долго тебя задержим. Иди вперед!

И Василий Иванович, как был в нижнем белье после бани и чаю, так и пошел впереди полицейских ищеек туда, куда они ему указывали. Заставили его спуститься и в подвал, и в погреб, обшарили сени и поднялись на подловку. Этого показалось мало: вывели отца Гузакова на двор и осмотрели все хлевы и сеновал. Не забыли сходить и в огород, в баню. И везде отец Миши шел впереди. Обыск продолжался часа три и Василий Иванович продрог, что называется, до костей. На утро у него открылся сильный жар. Позвали доктора, но все усилия были напрасны. Сильнейшее воспаление легких на третий день унесло его в могилу.

Василий Иванович умер...

Похороны были назначены на 26-е сентября. День был холодный, пасмурный. На улицах была страшная грязь. Но несмотря ни на грязь, ни на холод народу на похороны пришло очень много. Позади гроба до самого кладбища шла конная и пешая полиция. Шла она позади на некотором расстоянии от рабочих, чтобы в случае появления на похоронах Михаила, непременно его арестовать. Миша Гузаков хотя и пришел в завод на похороны отца, но подойти к покойному отцу, чтоб проститься, ему не удалось. Ему пришлось удовольствоваться тем, что из одного дома, стоящего на пути следования покойника, Миша, подвязавшись платком, смотрел в окно, как мимо несли прах его дорогого, ни за что пострадавшего отца.

Что он пережил в эту минуту? Трудно сказать...

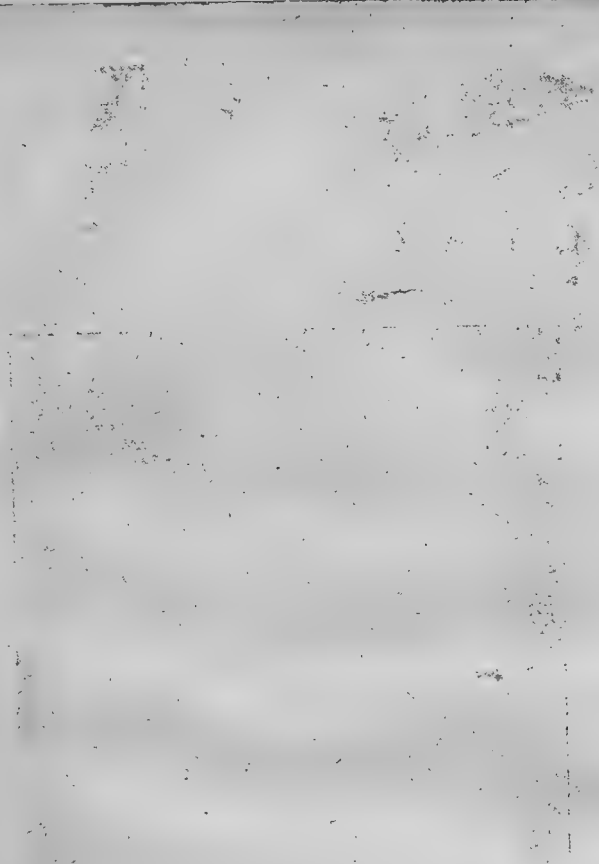
Когда тело было опущено в могилу и уже стали засыпать землей ее, то многие из провожатых товарищей отошли от кладбища приблизительно на версту и, собравшись в кружок, запели похоронный марш: „Вы жертвою пали".

Когда процессия приближалась к кладбищу, брат Михаила Гузакова—Петр примчался в тарантасе к дому Субботина, где был Михаил, чтобы увезти его обратно в лес. По дороге в заводский двор, откуда Михаил намеревался через плотину уйти в лес, возле почтовой конторы, неожиданно заупрямилась лошадь и дальше не пошла. Навстречу ехали с заводской кузницы казаки, но без оружия. Михаил Гузаков слез с тарантаса и направился в завод, будучи вооружен японской винтовкой и браунингом.

Казаки поспешили донести в полицию о встрече с Гузаковым и пешая стража по следам его направилась в завод. Гузаков был уже в литейном цехе и собирался отправиться в лес, но рабочие посоветовали ему остаться в заводе, так

Группа Симских боевиков в Тобольской каторге, осужденных за вооруженное восстание в Симском заводе 26 сентября 1906 года.

1. Зайцев Г. А.
2. Салов А. Ф.
3. Харьков В. Я.
4. Чевардин А. А.
5. Ширшов И. П.
6. Марков И. П.
7. Гузаков П. В.



как выпал небольшой снег и по следам полиция могла настичь его. Рабочие были рады его появлению.

Над заводом навис человеческий говор. В это самое время Алеша Чевардин закричал своим зычным голосом: „Никуда, Миша, не пойдешь! Мы тебя не дадим царским прихвостням! Это они уморили твоего отца, а теперь гоняются за тобой. Пусть полиция попробует прийти сюда и брать тебя, мы ей покажем рабочую встряску".

Целыми толпами подходили рабочие из других цехов, чтобы послушать, что говорил Миша Гузаков.

— Мне лучше сейчас незаметно скрыться, иначе я на вас накликаю беду. Время для открытого столкновения с полицией не пришло и поэтому мне лучше убежать в свое лесное логовое...—говорил Миша Гузаков.

Но не успел он докончить своей речи, как полиция уже бежала от проходной к литейному цеху прямо на толпу и, не добежавши несколько сажен, стала кричать Мише Гузакову: „Сдавайся, без сопротивления, а то будем стрелять!"... Все рабочие, возбужденно закричали, как один: „Стреляйте! Гузакова вы не получиие!" Стражники не долго думая, дали залп, другой... Первый залп был дан вверх, а вторым был смертельно ранен т. Егор Лаптев.

Кто-то из рабочих бросился в литейную прятаться, но большинство осталось на месте и стали кидать в полицию кто чем попало. А особенно полиция пришла в замешательство, когда ей в головы полетели кирпичи сверху, где находились рабочие, каменьщики. Они-то оттуда сверху и начали бомбардировать кирпичами полицейские головы.

Полиция увидев, что рабочие не только разбежались, а наоборот, стали ближе подбираться к ней вооруженные и учтя, что она находится в заводе, а не в селении, повернувшись, бежала из завода быстрее, чем бежала в завод для поимки Гузакова.

В этот момент, кто-то закричал, что надо дать тревожный гудок. Гудок был дан и Алеша Чевардин, вооруженный большущим „смитом", побежал в контору предупредить телефонистов, чтобы они не соединяли полицию ни с Миньяром, ни со станцией железной дороги, а также ни с почтовым отделением.

На гудок сбежалось все население завода. В это время выяснилось, что кроме Егора Лаптева есть еще убитый рабочий, который шел на работу. Он встретился с полицией. когда она бежала с завода и был подстрелен ею умышленно из-за злобы.

Собравшийся народ гудел, как пчелы в потревоженном улье.

В это время на опоках появляется Миша Гузаков. Народ, хотя и не сразу, но замолчал, прислушиваясь к разда-

вавшемуся голосу любимого всеми товарища. Говорил Михаил Васильевич долго.

После него выступил управитель. В народе то и дело раздавались голоса об отмщении за убитых рабочих. Рабочие кричали:

— Идем все к полицейскому дому и расправимся!

Михаил Гузаков советовал рабочим успокоиться, во избежание лишних жертв, предоставив самой организации ночью расправиться со стражниками. Но рабочие требовали немедленного возмездия царским разбойникам за убийство двух рабочих.

Первым долгом выработали план действия. Поставили караулы рабочих на почте и заводской телефонной станции. Миньярской организации сообщили об убийстве полицией двух рабочих и звали к себе на помощь миньярскую дружину, на что та ответила согласием. У заводской администрации было отобрано оружие, а рабочие сами сдали оружие организации. Рабочие избрали депутацию и направили к земскому начальнику Менкаржевскому. Когда они пришли к нему и об'явили, что полиция убивает невинных рабочих, он зарычал на них: „Так вам и надо“,—а сам уехал на станцию Кропачево.

Возвратившиеся депутаты рассказали рабочим о приеме их земским начальником и рабочие заволновались еще больше и решили дать полиции бой.

Прежде чем идти в бой, Михаил Гузаков еще раз напомнил рабочим, что восставших ожидают расстрелы, виселицы и каторга, но рабочие ответили ему: „Никто не узнает, кто убивал полицию, мы не выдадим участников этого дела, а кто скажет, тому тоже не поздоровиться от нас“!..

Страсти разгорались сильно и до того были неимоверно возбуждены рабочие, что не стали ждать каких-нибудь час-два до прихода из Миньярского завода (в 15 верстах от Симского завода) боевой дружины, а приступили к осаде дома полицейских.

Рабочие призвали А. Ларионова, владельца дома, где жили стражники и об'явили ему о своем намерении сжечь дом вместе с полицией, если те добровольно не сдадутся и обещали выстроить обществом новый дом, с чем он и согласился. В соседние переулки подвезли пожарные машины для охраны других домов от огня. Возле дома собралось не менее тысячи рабочих с женами и детьми.

Было предложено полицейским сдать оружие, а Миша Гузаков дал слово, что сдавшиеся останутся в живых. На предложение Миши Гузакова из дома вышел урядник Чижек-Чечик и его тотчас-же обезоружили, после чего он направился вдоль улицы. Скоро он был убит бабами на огороде, которые его задолбили коромыслами. Остальные полицейские

под командой другого урядника остались в дому и отказались сдавать оружие.

После неудачных переговоров о сдаче, осаждаемые обложили дом соломой и облили керосином. Когда дом воспламенился, стражники разбили стекла винтовками и открыли стрельбу. Дружинники стреляли из винтовок, дробовиков и револьверов, но вскоре запасы патронов иссякли. Кроме того, солома сгорела и стражники под прикрытием своей стрельбы заливали из окон огонь. Рабочие подожгли надворные постройки. Сеновал воспламенился и стражникам стало душно. Тогда они видя, что внимание рабочих отвлечено двором, попрыгали в окна и скрылись в близ лежащий лес.

В это время пришли из Миньярского завода хорошо вооруженные рабочие и узнав, что уже все кончено, весьма раздосадованные нетерпеливостью симских рабочих, повлекшую за собой неудачное восстание, ушли в Миньярский завод.

После восстания. Настала темная ночь... Никого не было видно на улицах и в домах, как в обычное время, в окнах не светились огоньки. Казалось — это вымершее и никому ненужное селение, не может привлечь ни чье внимание. А между тем, сюда мчались с карательными отрядами поезда, во главе с их „превосходительствами“ и „благородиями“, готовя возмездие бунтарям по законам коронованного разбойника — его величества.

С утра все рабочие приступили к выполнению работ на заводе, временами собирались в кучки и толкуя о предстоящем приезде царских разбойников.

Вечером 27 сентября из Уфы прибыли в завод исправник, пристав, судебные следователи, рота пехоты, эскадрон драгун, 300 пеших и конных стражников, во главе с приставом Бамбуровым и теми стражниками, которые бежали из завода.

Собравшихся по просьбе управляющего горным округом Умова возле волости рабочих окружили со всех сторон стражниками. Исправник приказал сдать оружие властям, в случае наличия его, и указать участников вооруженного восстания и тех, кто убил стражника и урядника. Рабочие ворчали и заявили, что оружия у них нет, а также не видели убийц урядника и стражника, после чего начали расходиться по домам. Исправник не препятствовал уходу рабочих.

Войска с лихими песнями раз'езжали по улицам завода, нагоняя страх на рабочих.

28, 29 и 30 сентября, по указанию провокатора пивника В. Лаптева, о чем мы узнали при чтении следователем в Уфимской тюрьме следственного материала, были арестованы и отправлены в Уфимскую тюрьму следующие товарищи: Петр Гузаков — 15 лет, А. Лаптев — 15 лет, Ив. Ширшов, Ив. Марков, Ан. Салов, В. Харьков, А. Китаев, А. Ларио-

нов, Ив. Мызгин, Д. Л. Зайцев, Г. Зайцев, П. Головяшкин, Ив. Булыкин, Илья Салов, В. Кирсанов, М. Шепелев, Ив. Дранник, И. Пупков, Ив. Чевардин—15 лет, П. Лебедев, Ив. Афонин, А. Решетов, Павел Гузаков, П. Чевардин, И. Ф. Салов и Г. Мартынов.

При арестах и предварительных опросах некоторые товарищи были избиты приставом Бамбуровым, которого в 1907 году убили в Уфе.

После вооруженного восстания голова Миши Гузакова была оценена в десять тысяч рублей, т. е. десять тысяч выдавалось тому, кто предал бы Мишу, а Миша по-прежнему жил в трущобах уральских лесов, по-прежнему держал связь с рабочими южно-уральских заводов. Миша изредка делал экспроприации для нужд своей организации, а иногда приезжал в Уфу в совет боевых дружин за оружием и для того, чтобы не порывать связи с Уфимской боевой дружиной.

Через год, приблизительно, после симского восстания, Мишу Гузакова в Уфе, недалеко от угла скрещивания Центральной ул. и Егора Сазонова повстречали две дамы в ротондах. Миша вежливо дал им дорогу, но дамы неожиданно сзади набросились на Мишу и на его охранителя партийца Тимофея Шаширина. Сбитый с ног Миша упал на правый бок и был так придавлен набежавшими со двора стражниками, что не в состоянии был достать из кармана револьвер. Тимофей Шаширин успел дать только один выстрел и тотчас был обезоружен сворой стражников. Эти две великосветские проститутки получили за голову Миши хорошую плату.

Мишу судили в Уфе и на суде он принял на себя вину многих товарищей. Когда председательствующий на суде хихикающим голоском задал Мише вопрос: „Так вы, подсудимый, говорите, что именно вы принуждали своих товарищей делать экспроприации, именно вы подчиняли себе их волю, делая их безвольными марионетками?“

Миша выпрямился, как струна, — стукнул о барьер кулаком и, прозвенев кандалами, властным голосом сказал: „Я тоже с большим бы интересом посмотрел на вас, ваше превосходительство, как бы вы посмели в условиях моей свободы не послушаться меня, раз я вам отдал бы приказ“. В зале воцарилась гробовая тишина, а по телу „его превосходительства“ пробежали мурашки и он растерянными, мигающими глазами глядел на грозную фигуру Миши Гузакова.

Миша, Дмитрий Кущнецов и Василий Лаптев были приговорены к смертной казни через повешание; приговор они выслушали героически; Тимофей Шаширин получил административную ссылку.

Здесь мы не будем говорить о тех кошмарных, но исторических минутах, когда Миша, шагая к месту казни, вдруг властно остановился около „красного корпуса“ и начал говорить последнее слово несовершеннолетнему своему брату Петру, который должен был по приговору суда долгие годы томиться в тюрьме.

„Брат, помни борьбу за рабочее дело! Если нужно, отдай за идею рабочей диктатуры свою жизнь“.

Растерявшаяся стража подчинилась настроению великих минут. Они врезывались в душу каждого, как каленое железо.

Скоро брякнула выбитая из-под ног Михаила табуретка.

Его последние слова были: „Да здравствует социализм!.“

Вся тюрьма, политическая, встав на ноги, запела: „Вы жертвою пали в борьбе роковой“.

Рабочий **Илья Кручинин, И. Салов.**

III. Октябрь и гражданская война.

Годы борьбы.

(Исторический очерк).

Кое-где на Южно-Уральских заводах наиболее передовые рабочие, уцелевшие от жандармского разгрома в годы прошлой борьбы, вернувшиеся из тюрем и ссылок, ожидали февральскую революцию 1917 г., подготовлялись к ней, но никакой широкой массовой подготовки рабочих к ней не велось. Это и понятно, т. к. почти во всех заводах Южного Урала подпольные организации РСДРП (большевиков) к этому времени были окончательно разгромлены жандармерией, лучшие передовые товарищи или погибли в предыдущих схватках с царизмом, или сидели по тюрьмам и находились в ссылках; а те, которые были на лицо, находились под строжайшим полицейским надзором.

По докладам с мест на 1-й Уральской Областной конференции РСДРП, состоявшейся в г. Екатеринбурге 27 апреля 1917 года [1]),—положение легальных партийных организаций Южного Урала рисуется в следующем виде:

„В Златоусте социал-демократическая ячейка окончательно „провалилась“ месяцев за 5 до революции и только к 25-му марта 1917 года партийная группа большевиков в с.-д. ячейке окончательно вновь оформилась; в Усть-Катаве—до революции организации не существовало фактически; в Аша-Балашевском заводе—„по получении первых известий о перевороте были предприняты шаги к созданию партийной организации“; лишь при помощи миньярцев аша-балашевцам удалось организовать партийную ячейку, т. к. „первое время работа налаживалась плохо за отсутствием партработников“; в Симском заводе—„с.-д. ячейка организовалась в самом начале революции“; в Миньяре—„партийная группа с'организовалась в первые-же дни революции“.

Та-же картина рисуется и по материалам Окристпарта: в Юрюзани—„когда пришли вести о февральской революции, никаких парторганизаций не было, завод стоял“; в Катав-Ивановском заводе—„на 1-е партийное собрание после февральского переворота явилось лишь 6-ть человек“; в Кусе—

---

[1]) Материалы Урал. Обл. Истпарта, протоколы названной конференции, доклады с мест т. т. Галдина, Мельникова, Постникова, Копылова.

„старых подпольных большевистских организаций к моменту революции не было". [1], [3]).

Отсутствие в большинстве заводов партийных организаций к началу революции 1917 года,—естественно отразилось как на характере информации о происходящих событиях, так и на самом понимании значения и смысла этих событий рабочими, а следовательно и на их первых шагах.

В ряде случаев информация о случившемся получалась рабочими из рук „начальства"—заводской администрации, которая информировала, соответственным образом извращая смысл событий; так, рабочие Никольского завода (Куса), выслушав сообщение о февральских событиях в начале марта, послали делегатов в управление завода для выяснения. Между делегатами и управителем завода произошел такой разговор:

— „Вы ко мне, товарищи?".

— „Мы,—говорим—к тебе",—(и удивились, откуда он нам стал товарищ!).

Он спрашивает:

— „Слышали новость?".

— „Какую?".

— „А царь-то отрекся от престола"...

Мы отвечаем:

— „Слышали, что его с в е р г л и"...

— „Нет, он о т р е к с я"... [2])

Управители заводов, административный персонал, торгаши, попы, кулаки, жандармы,—все вперегонку старались высказать перед рабочими свою революционность, сохраняя под новой шкурой прежнюю волчью сущность; в Златоусте даже жандармский ротмистр пытался информировать население о сущности происходящих событий и „признал" революцию; в Кусе местный поп 13-го марта 1917 года, в день расстрела Златоустовских рабочих (в 1903 году), совершил торжественно демонстративное поминовение „по убиенным рабам божьим",—а в то-же время продолжал молиться „о здравии государя императора и всего царствующего дома". [4]) Молебствовали и в Сатке. [5])

В ряде заводов, на первых порах после февральской ре-

---

[1]) Материалы Окристпарта, воспоминания т.т.: Путилина, Андронова и др.

[2]) Материалы Окристпарта, воспоминания т. Шатрова Д. С.

[3]) Та-же картина рисуется по докладам с мест на 2-й Златоустовской Уездной конференции РСДРП (большевиков), — февраль 1918 года: „Миасский завод—организацию создали латыши почти с самого начала революции;... Бакальский рудник—организация только создалась..." и т. д. — Материалы Окристпарта.

[4]) Материалы Окристпарта, воспоминания т. Е. И. Назарова.

[5]) Воспоминания т. Булатова.

волюции, руководство движением оказалось в руках эс-эровских и меньшевистских групп.

На общем фоне неподготовленности на первых порах партийных организаций резко выделялась своей более быстро развернувшейся активностью группа заводов Симского горного округа.

Миньярская подпольная организация, легально оформившись после февральской революции,—вступила в эту революцию, как нелегальная организация в полной боевой готовности и в первые-же недели после февральского переворота выросла в массовую революционную организацию с количеством членов свыше 500 человек; в этом быстром росте организации лучше всего отразилась та большая работа, которая Миньярской подпольной ячейкой была проделана в предыдущие годы; первый совет рабочих депутатов Миньяра состоял „почти весь из социал-демократов"; развернулась районная партийная библиотека в 200 экз. книг, был избран партийный комитет, повелась широкая массовая работа не только на заводе, но и по окрестным деревням; на Симском заводе группа подпольщиков, сохранившаяся к моменту революции, сразу-же взяла руководство общественной жизнью в свои руки, основала временный исполнительный комитет, затем был избран Совет Рабочих Депутатов, в котором все без исключения депутаты были с.-д.; парторганизация в первые-же недели после переворота выросла до 150 человек; слабее обстояло дело в Аша-Балашевском заводе за отсутствием в наличии партийных работников, но и здесь при помощи миньярцев работа развернулась быстро; к апрелю 1917 года уже существовал Совет Рабочих Депутатов (из 20-ти человек—11 с.-д.), парторганизация выросла до 150 человек. [1])

Но и в других заводах, где на первых порах руководство общественной жизнью оказалось в руках эс-эров и меньшевиков,—отрезвление началось, за редкими исключениями, довольно быстро.

„В Катав-Ивановском заводе рабочие, получив известие о февральской революции, — обезоружили полицию; последующие дни сопровождались целым рядом митингов, собраний и манифестаций, на которых эс-эры много кричали и обещали народу дать свободу, равенство и братство; рабочие с сияющими лицами шли за ними, не подозревая всей измены, которая таилась в этих лозунгах и обещаниях; после же этого все пошло „обычным" порядком: земская управа, земский начальник, полиция, переименованная в народную милицию со старым почти составом... Обещанная свобода устами эс-эров дана не была..." [2]).

---

[1]) Материалы Облистпарта, протоколы апрельской конференции РСДРП (большевиков).

[2]) Материалы Окристпарта, воспоминания И. Самарина.

Сатка.

В некоторых же заводах, как Куса и Сатка, эс-эровское влияние продолжалось довольно долгий период: так, в Кусе эс-эровский совет рабочих депутатов существовал до марта 1918 года; в Сатке — до осени 1917 года большевиков не было, были эс-эры и меньшевики, которые и руководили общественной жизнью, направляя ее в русло „хвостистского" движения „буржуазной безкровной революции"; это руководство в Сатке, например, проявлялось так: вскоре после февральской революции был организован кружок молодежи — „Об'единение", в который записалось до 100 челов.; „вся культурная деятельность этого кружка заключалась в танцульках, пиве и обжорстве; лозунг — „отсутствие классового деления", кампании кружка — „война до победы", „все на фронт на смену уставшим бойцам", — вот и все, в чем выражалась деятельность этого кружка; под влиянием его работы записалось на фронт свыше 150 чел., но попав в Златоуст в 128 запасный полк, „добровольцы" нашли очень неприветливую встречу со стороны старых солдат и весь их энтузиазм быстро выдохся..." [1]).

По мере хода событий в ряде заводов переход влияния к большевикам происходил в силу нескольких причин: развертывание революционной работы рабочими группы Симских заводов, приезд из тюрем и ссылок старых подпольщиков-большевиков, письма Ленина, которые доходили до южно-уральских рабочих и предательская политика эс-эров и меньшевиков, оказавшихся у власти, — таковы важнейшие причины.

Приезд большевиков-подпольщиков из тюрем и ссылок в ряде случаев имел большое значение.

В Катаве, — в начале сентября 17 года большевистская работа усилилась в связи с тем, что в это время туда приехал большевик Чевырев, который с группой местных большевиков „повел борьбу с эс-эрами; с этого момента началась подготовка к Октябрьской революции..." [2]).

В Сатке большевистская работа развернулась также осенью, когда начали возвращаться демобилизованные солдаты.

В самом городе Златоусте общественная жизнь и совет рабочих депутатов находились также долгое время в руках эс-эров и меньшевиков. Переворот был совершен в конце февраля 18 г. при помощи боевых организаций Златоустовского городского, железно-дорожного района и Челябинского отряда, к этому времени городская Златоустовская большевистская организация уже проделала значительную работу по завоеванию рабочих масс.

При выборах в учредительное собрание саткинцы, кусинцы и златоустовцы провели эс-эровского депутата. Даже

---

[1]) Материалы Окристпарта, воспоминания т. Булатова.

[2]) Материалы Окристпарта, воспоминания т. Абросимова.

в декабре 1917 года, когда происходил III-й Уфимский Губернский С'езд Советов, Сатка и Куса делегировали туда эс-эров, тогда как Сим, Аша, Катав, Миньяр, Усть-Катав, Юрюзань послали большевиков.

Если февральскую революцию южно-уральские рабочие получили „в запечатанном конверте", — то к октябрьскому перевороту большинством партийных организаций наших заводов была уже проделана большая подготовительная работа, и Октябрь за некоторыми исключениями был завоеван на Южном Урале силами самих южно уральских рабочих.

В таких районах, где долго держалось эс-эровское влияние, — как Сатка и Куса, — октябрьский переворот был произведен хотя и с некоторым запозданием, но довольно просто, — путем перевыборов совета, — это показывает, что к этому времени настроение рабочих в результате проделанной работы значительно изменилось в пользу большевиков (в Кусе этому способствовало усиление парторганизации приехавшими из ссылки т. т. и группой питерских рабочих).

Подготовка Октября, октябрьский переворот и первый период после него велись по двум основным направлениям: передача всей власти советам и организация боевой пролетарской силы для укрепления и защиты революционных завоеваний.

Вскоре после Октября, — сама жизнь выдвинула перед революционными рабочими третью существенную задачу пролетарской революции — национализацию заводов.

Симцы и миньярцы, раньше других осуществившие фактически полноту власти советов, еще накануне октябрьского переворота занялись организацией боевых рабочих дружин, которую в момент октябрьского переворота готовились даже послать на помощь питерскому пролетариату.

Вскоре после Октября перед миньярцами, наткнувшимися на сопротивление заводской администрации делу расширения рабочего контроля над производством и руководства производством со стороны совета рабочих депутатов, — встала и производственная задача. Миньярцы смело подошли к решению этой задачи.

После неудачных переговоров с администрацией, отдельные лица из которой категорически заявляли, что они „большевиков не признают", — организация и совет раб. депутатов решили национализировать производство и т. Гузакову П. было поручено поставить этот вопрос перед Совнаркомом. В результате переговоров с т. т. Лениным и Бонч-Бруевичем, — Совнарком 9 декабря 1917 г. постановил заводы округа национализировать, что и было проведено в жизнь. Несколько позднее (весною 1918 г.) были национализированы заводы „Магнезит" (Сатка), Никольский (Куса) и др.

Изгнание меньшевиков и эс-эров из советов сразу же отразилось на работе советов и повышении их авторитета среди рабочих. Началась — творческая работа и в заводах.

Ашинцы через полтора месяца после национализации завода пустили в ход „Балашевскую“ домну, причем для обеспечения ее топливом рабочие за зиму 1917—18 г. вывезли до 50.000 короб. угля; в Катаве после переворота (переворот также прошел путем перевыборов, как и в Кусе, — эс-эров „провалили“), — „новый совет сразу принял решительные меры: повытряхивали буржуа из домов (главного управителя, земского начальника), ликвидировали земское и волостное управления, создали фабзавком, отобрали у Цыганова гвоздильный завод, у Наумова — петельный завод, передав их совету...“ [1]).

„В Кусе (март 1918 г.) никольцы взяли завод в управление совета, пустили его в ход, занялись работой... Жилищное положение улучшилось, продовольствием обеспечены на три месяца, завод запыхтел, рабочие повеселели: и лето надвигается, и завод работает...“ [2]).

* * *

Однако, уже с февраля 1918 года перед парторганизациями Южного Урала возникает ряд новых неотложных задач: Дутовская авантюра создает угрозу октябрьским завоеваниям и требует напряжения рабочей боевой энергии: нужны отряды и они посылаются; проходят по демобилизации царской армии казачьи и сибирские эшелоны войск, — в большинстве случаев в составе целых частей, вооруженных, — нужно их разоружать, как в интересах революции в целом, так и в интересах самих южно-уральских рабочих: нужно вооружить свои отряды боевиков; национализированные заводы требуют оборотных средств — нужно их доставать; топливные запасы на заводах иссякают (заводчики работали хищнически, „по военному“ — сегодня сорвать и выполнить заказ — завтра „видно будет“), — нужно эти топливные запасы создавать; ко всему этому, — с апреля начались частично продовольственные затруднения.

Всю эту работу брали на себя большевистские организации и в ряде случаев добивались быстрых положительных результатов, находя поддержку и отклик среди широких рабочих масс; топливо добывалось так: постановляли общим собранием всем рабочим, имеющим лошадей, вывезти в такой то-срок, по такому-то количеству кубов дров, — и топливо к сроку оказывалось в заводе; но особенно удачно работали по части разоружения проходящих вооруженных казачьих и др. эшелонов; на станции Златоуст горсточка

---

[1]) Материалы Окристпарта, воспоминания т. И. Самарина.

[2]) Материалы Окристпарта, воспоминания т. Мокеева.

боевиков-железнодорожников разоружает проходящие один за другим эшелоны, не успевая даже к приходу следующего эшелона убрать взятое оружие и тут же вооружается сама, потому что до сих пор она работала с „берданами“ и т. п.; на ст. Уфа казаки из проходящего эшелона говорят орудующим здесь симцам, миньярцам, ашинцам: „мы вам спички без боя не уступим, не то, что сдать оружие“, — и после короткой перестрелки, „вываливают“ оружие.

Контр-революционное выступление чехо-словаков против советской власти резко изменило соотношение классовых сил на Южном Урале; боевые рабочие дружины, которые до сих пор справлялись с внутренней кулацко-буржуазной контрреволюцией и даже ликвидировали первое и второе выступления атамана Дутова своими силами, — теперь оказались в гораздо более затруднительном положении; распыленные, несвязанные друг с другом военной дисциплиной, с необученными бойцами-красногвардейцами, — они не могли долго сопротивляться хорошо дисциплинированным, хорошо вооруженным и снабженным регулярным чехо-словацким частям. В течение лета 1918 года весь Южный Урал был занят чехо-словацкими войсками; почти одновременно с выступлением чехо-словаков началась волна кулацких восстаний в деревнях и право-эс-эровские перевороты в некоторых заводах (Куса, Сатка).

* * *

После ухода большевиков, — по мере занятия районов Южного Урала чехо-словаками, — местная буржуазия в дружном трогательном единении с эс-эрами и чехо-словацкими насильниками начала заниматься организацией власти и водворением порядка.

Под „водворением порядка“ разумелась расправа с рабочими и остатками красногвардейских отрядов. На помощь буржуазии в этом деле быстро пришло местное деревенское кулачество... „Восставшее против большевистской власти крестьянство Златоустовского уезда“ — писал белый „Златоустовский Вестник“ (№ 2, 5-го июля 1918 г.). — „доставило в Златоуст 2-го июля до 250 красноармейцев... Число арестованных в уезде и доставленных в Златоуст красноармейцев достигает 600 чел...“.

„По городу Златоусту список лиц, задержанных 30-го июня по 4-е июля включительно и арестованных (т. е. за 5-ть дней) вырос до 227 человек“ („Златоустовский Вестник“ № 5, от 12 июля 1918 г.).

10—11 июня 1918 г. карательный отряд белых на ст. Вязовая арестовал 48 чел. рабочих железно-дорожников: в ночь 12-го на 13-е июня 10 из них, вместе с группой арестованных юрюзанских рабочих, были зверски убиты в большом овраге по дороге из Юрюзанского завода к деревне Первуха; рас-

стреливал смешанный отряд русских белогвардейцев и „братушек“ — сербских белогвардейцев; когда по занятии района ст. Вязовой и Юрюзанского завода советскими войсками было произведено открытие могилы этих погибших товарищей, то было обнаружено, что все они были замучены зверским образом; протокол следственной комиссии рисует такую картину: у А. А. Котельникова разрублено правое плечо около шеи, переломлена ниже колена правая нога, пропорота штыком пятка, а также и туловище двумя сквозными ударами; у С. Д. Козырева несколько штыковых сквозных ударов в туловище, снята шашкой правая сторона черепа с ухом и отрублены 4 пальца левой руки; у К. С. Гладышева выдернуты в коленях ноги с пальцами назад, один штыковой удар в грудную клетку и огнестрельная рана в виски на вылет; у П. Т. Маркова раздроблена прикладами голова, отрублено левое ухо, выколоты глаза, выбиты зубы, переломлены руки и ноги и проколото штыковыми ударами туловище и т. д. [1]).

Этот список погибших однако далеко не полон; сотни рабочих,—не в открытом классовом бою, а безоружные,—доверившись белой власти и оставшись работать при ней на заводах—погибли от белогвардейской руки; во многих случаях расправа происходила даже с беспартийными рабочими и подчас совершенно непричастными к революционной работе; так в Сатке был убит рабочий, бывший при советской власти судьей—В. Т. Алаторцев, который разбирая дело одного местного торговца, обвинявшегося в продаже тухлой рыбы,—приговорил его к штрафу; по наговору этого торговца В. Т. Алаторцев был расстрелян чешской разведкой; в Сатке-же был убит белыми 63-х-летний старик, рабочий, Т. И. Мамыкин; в июне 1919 года он был забран белыми в подводчики и по возвращении трижды должен был, по требованию отступавших белых отрядов, не доезжая домой снова отвозить белых; видя, что так он никогда не вернется домой,—Мамыкин в конце концов завел лошадь в кусты, а сам пошел домой горами; вскоре в этот район вступили красные и Т. Мамыкин отправился за своей лошадью; неожиданно он наткнулся на отряд отступавших белых с нашитыми красными бантиками; на их вопрос: „Ты товарищ, не видел-ли здесь белых разведчиков“,—он, думая, что имеет дело с красными, искренне ответил: „Их теперь далеко к черту прогнали“. „А ты куда пошел“? „Да вот от них, чертей, спрятал лошадь, теперь за нею иду“. Тогда белые этого старика отпороли нагайкой и казнили. И т. д. и т. п. [2]).

---

[1]) Список погибших от белогвардейской расправы революционных работников приводится в конце сборника.

[2]) Материалы Окриспарта, воспоминания сына Т. Мамыкина, который слышал это в разговоре самих казаков.

Почти все дороги Южного Урала, горы и овраги являются немыми свидетелями бывших когда-то здесь диких расправ белых с арестованными рабочими и крестьянами; могила близ Кусы у речки Коноплянки безмолвно говорит о тех борцах, которые положили там свои головы за власть советов; о том-же говорит памятник в Кусе, под которым схоронено 20 погибших товарищей; такие братские революционные могилы, такие печальные памятники понесенных жертв в минувшей борьбе разбросаны по всему Южному Уралу; каждый район, каждый завод—имеют свои братские революционные могилы.

„Организация власти" белыми шла также довольно быстро и проводилась решительно; „в Миассе граждане в день свержения большевиков на организацию порядка пожертвовали 17 тысяч рублей без воззвания, а после воззвания, через три дня, еще пожертвовали 300 тысяч рублей" („Златоустовский Вестник" № 2,—5-го июля 1918 года).

Были восстановлены земское и городское буржуазное самоуправление; эс-эры, сводя на нет значение совета,—принимали участие в работе этих буржуазных учреждений; в Златоусте и Миассе члены партии эс-эров, стоявшие во главе земства и городского самоуправления, усердно занимались доставкой военного снаряжения для белой армии [1]).

Новая власть приступила также и к работе по организации рабочего общественного мнения в свою пользу.

По сообщению белого „Златоустовского Вестника" (№ 1 и 2-й—июль 1918 года),—„на 29-е июня 1918 года было назначено первое собрание рабочих Златоустовского завода в два часа дня, при чем на повестке были поставлены вопросы: текущий момент и наши задачи"; однако эта работа белых подвигалась вперед туго: „собрание за малочисленностью несостоялось" (там-же). „2-го июля было назначено рабочее собрание вторично", на этот раз уже в 1½ час. дня; „на собрании присутствовало до 2-х тысяч рабочих и было единогласно постановлено приветствовать временное сибирское правительство"; тут-же была послана телеграмма: „Омск, временному сибирскому правительству. Общее собрание рабочих и служащих Златоустовского уезда, созванное городским исполнительным комитетом 2-го июля в количестве свыше 5-ти тысяч человек выражает полное доверие временному сибирскому правительству" (повидимому от радости, что удалось так легко околпачить златоустовских рабочих, у белых раздвоились глаза и, написав в протоколе собрания, что было 2 тысячи рабочих,—они в телеграмме приветствуют временное правительство уже от имени 5 тысяч человек).

---

[1]) Материалы Окристпарта, воспоминания т. Зубова.

По сообщению той-же газетки, на этом собрании „высказанная кем-то мысль о необходимости поднять на должную высоту союз металлистов, была встречена очень сочувственно и вызвала общие аплодисменты"; белые хорошо понимали значение захвата руководства союзом металлистов в свои руки, один из них (уполномоченный при округе, чехословак Кабарна) высказался однажды даже так: „союз разгонять не надо, легче разогнать эс-эров" [1]).

Однако дело с поднятием на должную высоту союза металлистов у белых не двигалось.—„На 8-е июля было назначено общее собрание членов профсоюза металлистов Златоустовского завода; на собрание прибыло весьма незначительное количество членов, всего 87 человек (из 8 тысяч числящихся по спискам союза) и собрание было об'явлено за малочисленностью несостоявшимся. На вторичное собрание по тем же вопросам правление союза призывало членов на 9-е июля, напоминая, что оно будет считаться правомочным при каком угодно числе собравшихся и указывая членам на преступность такой их халатности. В результате всех этих призывов к сроку явилось человек 20-ть и в течение целого часа с трудом собралось до 100 человек". [2])

Общественное мнение в пользу белых создавалось всякими путями; для этой цели были использованы и „союзники".

В № 10 „Златоустовского Вестника", — 24-го июня 1918 года—некто „Г. Р.", отрекомендовавшись французом, распоясался окончательно в статье под заголовком „вмешательство союзников"; этим французом было написано буквально следующее:

„Военное вмешательство союзников, окончательно ими решенное и уже приводимое в исполнение, как на Мурмане и Архангельске, так и на Дальнем Востоке,—есть не только предоставление русским возможности освободиться от вражеского (?) нашествия, но и акт взаимопомощи.

Мы даем Вам живую силу и требуем (?) от вас того-же. Мы доставляем вам войско, оружие, инструкторов, машины.

... Мы требуем от вас новых солдат, упорного труда и доброй воли.

... Необходимо заранее примириться с неизбежными жертвами, дабы Россия вновь (?) стала великой, свободной и счастливой...".

На протяжении почти года белые справляли торжество своей власти на Южном Урале. Обывательская часть саткинцев постановила даже „день свержения большевистской власти, 19-е июня, считать праздничным днем" (постановление экстренного собрания гласных Саткинского волостного зем-

[1]) Материалы Окристпарта, воспоминания В. П. Зубова.
[2]) „Златоустовский Вестник", июль 1918 года.

ства 12 мая 1919 г., созванное специально по этому вопросу). Эс-эры и меньшевики всячески поддерживали новую власть и помогали ей бороться с остатками большевизма на заводах. Даже кооперативные организации, в отношении которых при советской власти меньшевики и эс-эры любили говорить, что эти организации в вопросы политики не должны вмешиваться, даже кооперативы теперь были использованы для укрепления белой власти. В материалах Окристпарта имеется следующий документ—телеграмма: „Троицк, председателю войскового круга. Общее собрание членов Кундравинского общества потребителей, приветствуя в вашем лице родное казачество, просит Вас неоедать кругу, что при частичных успехах красных — падение Оренбурга — мы считаем своей обязанностью открыто сказать, что готовы на всякие жертвы для спасения казачества и возрождения России. Нашему дорогому атаману Дутову передайте в его распоряжение препровождаемые телеграфом 15 тысяч р., всю чистую прибыль общества 1918 г., на нужды казачьей армии. Уполномоченный мировой судья Серов". (Телеграмма эта, помеченная 17-м февраля 1919 г., дана Кундравинским обществом потребителей: Кундравы — в то время эс-эровское гнездо).

Миасское общество потребителей с отступлением белых звакуировало (июнь 1919 г.) большую партию мануфактуры; Миасское вольно-пожарное общество при отступлении белых увезло вместе с ними лучших лошадей общества и т. д.

Однако, торжество белой власти продолжалось недолго; во все время нахождения белых на Южном Урале не прекращалась революционная работа на заводах; в ряде случаев даже под носом у белых выплачивались денежные пособия семьям красноармейцев, находящихся за фронтом; в ряде заводов группы наиболее революционных рабочих уходили в леса и горы и вооружившись, оттуда не давали покоя белым; а несколько миньярских отрядов даже совершили переход фронта на соединение с красными войсками. За год своей власти белые так проявили себя перед населением, что все, не только рабочие, но и большинство крестьян с нетерпением ожидали прихода Красной армии.

* * *

Деревня Южного Урала на первых порах чехо-словацкого наступления дала ряд кулацких восстаний против советской власти. Еще в марте 1918 года в деревнях Кусинского района вспыхнуло контр-революционное восстание (Карантрава, Утяшево); в июне 1918 года было кулацкое восстание в селе Муратовка Миньярского района, руководимое местным попом; летом же 1918 г. был ряд восстаний по Златоустовскому уезду (Месягутово, Дуван-Мечетлинский кантон, Ералъская волость) — руководимых белым офицером Малиновским.

Зачастую кулакам удавалось вести за собой значительные массы крестьянства, путем обманных рассказов о советской власти; продовольственные затруднения в Советской России и проводимая в связи с этим продразверстка содействовали этому.

Только убедившись на опыте в сущности власти белых,—крестьянство решительно повернуло в сторону советов; это было уже в начале 1919 года. В своеобразную форму вылилась борьба за советскую власть в Медведевской станице, (ныне в Медведевском районе). Было это в июне 1918 г.: партячейки здесь не было даже первое время после октября 1917 г.; было только два большевика; помимо казацкого населения при Медведевской станице—существует так называемый „Казанский хутор", население которого составляют „разночинцы"—приезжие крестьяне.

Эти разночинцы, не имея своей земли, арендовали ее у казаков—медведевцев; лозунг партии большевиков по земельному вопросу привлек „казанцев" на сторону советской власти. „Казанцы" устроили собрание всех разночинцев как с хутора, так и разбросанных в казачьих поселках и решили создать свой совет. Услыхав о такой затее „казанцев",—медведевцы организовали вооруженный отряд и прислали „казанцам" делегатов с ультимативным требованием жить по старому,—иначе „отряд вас успокоит".

„Казанцы", однако, не сробели и на собрании в присутствии вражеских делегатов порешили продолжать начатое дело, а медведевцам ответили: „если ваш отряд в 24 часа оружие не положит, то мы идем на вас войной"...

И действительно, через несколько дней с помощью прибывшего отряда красногвардейцев,—казанцам „пришлось" установить советский порядок в Медведевской станице, при чем медведевское кулачество было обложено контрибуцией в 95 тысяч рублей и на эти деньги была оказана помощь медведевской бедноте; „казанцы" же и разночинцы получили землю...[1]).

* * *

Мы изучаем историю революционной борьбы пролетариата не только как интересный и занимательный рассказ. История нас учит, дает уроки как действовать дальше, под чьим знаменем бороться, чтобы избежать кровавых ошибок прошлого. Такие уроки получили южно-уральские рабочие в годы гражданской войны.

Эти уроки должны быть учтены и поняты.

Первый и основной урок тот, что рабочие начали побеждать своих врагов и победили их только тогда, когда они все встали под знамена большевистской партии и занялись вместо распыленных недисциплинированных, хотя и геройских, но мало боеспособных рабочих дружин, организацией регулярной Красной Армии.

*) Материалы Окристпарта.

Вот ряд примеров из первого периода борьбы и состояния боевых рабочих дружин (1918 год):

„...Во время боя с чехами под Миассом рабочие красногвардейцы шли кучками вперед, при малейшем шорохе или своем же выстреле открывали беспорядочный огонь, без цели, не видя противника... Многие рабочие-бойцы оказались незнакомыми с техникой боя... Начальников было много, почти все они мало признавали систему взаимоподчинения или хотя бы согласования..."

„... Катав-Ивановский отряд боевиков, находясь на революционном фронте, — получил из Катава весть, что чехи заняли Юрюзань и Усть-Катав; катавцы устроили собрание и, несмотря на запрещение Каширина, — ушли домой. В Катав пришли, когда и чехи подходили к Катаву. У многих явилось желание побывать дома и было решено всем сходить домой и прибыть по первому заводскому гудку в отряд. Но когда раздался тревожный гудок и собрались красногвардейцы, — то уже многих своих ребят не досчитались в рядах, — „они пали духом и под наговоры и слезы своих матерей остались дома... Надо было записать их на страницы истории нашей, но сейчас не вспомнить их имени, — пусть они сами об этом подумают, что они предавали этим рабочий класс..." [1]).

„... Один из южно-уральских отрядов, будучи на фронте под Верхне-Уральском, ушел из цепи, мотивировка была: 8 часов отвоевала, — давай смену"... [2]).

„... Другая группа южно-уральских отрядов, отступив до Белорецка и получив там известие, что Симскому горному округу угрожает наступление чехов, — решили: „Поедем защищать Симский округ"; и не смотря на запрещение командующего отрядами тов. Калмыкова, — ушли; „За 12 верст от Аши постановили никуда не расходиться и сделать наступление на Ашу (которая уже была занята чехами), — потому, что имели пять пулеметов, массу патрон, 600 снарядов, трех дюймовое орудие, 15 ящиков гранат, да нас было около 200 х сот человек; однако, после ночевки в лесу утром обнаружили, что один из отрядов ушел домой, за ним потянулись другие; в результате весь отряд был разбит чехами, разбежался и почти все оружие досталось чехам"... [3]).

... Красногвардеец Ашинского завода тов. Харчевников И. И., — „вложив капсуль в гранатную бомбу, начал спускать боевую пружину, спустил раз, спустил два, его даже остальные товарищи предупреждали, что это плохая шутка, но он ответил, что я гренадер... Каким-то образом получился взрыв... В результате один убит, пятеро ранены" [4]).

И т. д. и т. п.

---

[1]), [2]), [3]), [4]) — Материалы Окристпарта.

Однако, на таких отдельных примерах своей собственной недисциплинированности, расплачиваясь за нее пролетарской кровью, — боевые рабочие отряды получали быстрые уроки, которые шли в прок. И нужно отметить, что в подавляющем большинстве случаев, рабочие боевые отряды вели героическую самоотверженную борьбу, не обращая внимания ни на какие препятствия.

„... Из Уфы поехали на Пристань через весь город, погода была ужасно скверная, лил сильный дождь, на окраинах было по колено грязи, так, что местами приходилось снимать патроны и снаряды и ящики с бомбами и переносить с одного места на другое, потому, что лошади чуть могли вытаскивать пустые телеги и все красногвардейцы обвозились в грязи, что называется по самые уши и когда ехали по городу, то на нас все толстопузые смотрели как на зверей и даже было слышно — „вот эти навоюют с казаками, не один головы домой не принесет"; но мы не обращали на это внимание а делали свое дело..." [1]).

Ашинцы перед походом на Оренбург „судили одного бойца за дебоширство в пьяном виде; тот извинялся и обещал быть передовым в бою, но ему не простили и с собой его не взяли, а послали домой, обратно в Симский завод, а некоторые даже предлагали расстрелять..." [2]).

Вообще нужно отметить, что рабочие Южного Урала в своих боевых отрядах стремились создать суровую внутреннюю дисциплину; иногда их трудно было удержать от решения уйти с одного участка фронта на другой, ближе к заводу, для защиты его, — за это они впоследствии дорого расплачивались; но внутренняя боевая дисциплина южноуральских отрядов была довольно крепкой; меньшинство беспрекословно подчинялось большинству и без рассуждений вместе с большинством шли занимать окопы; нередко, как наказание провинившимся боевикам, — применялась отсылка из отряда домой и это считалось позорным наказанием.

В этом отношении особенно показателен 1919 год.

После очищения Южного Урала от чехо-словацких и белогвардейских банд, — быстро восстановилась советская власть; началась организация мирного строительства.

Однако эта мирная творческая работа была вскоре снова нарушена, на этот раз уже стихийными бедствиями.

В конце 1919 года на Южном Урале распространилась эпидемия сыпного тифа. Размер этого бедствия рисуется следующими сводками (на выдержку) Златоустовской газеты „Борьба":

„Движение сыпного тифа. С 15-го по 22-е декабря в городе зарегистрировано: сыпного тифа — 307 случаев, возврат-

[1]) Материалы Окристпарта, воспоминания т. Гончарова.
[2]) Материалы Окристпарта, воспоминания т. Гончарова.

ного — 111 случаев, брюшного — 94 случая, неопределен. — 57 случаев („Борьба", 1919 г. 24 декабря)".

„С 8-го по 15-е января 20 г. зарегистрировано в городе: сыпного тифа — 50 случаев, возвратного — 69 случаев, брюшного — 53 случая, неопределенного — 39 случаев („Борьба", 1920 г., 18 января)".

„С 15 по 20-е января 1920 г. в городе зарегистрировано: сыпного тифа 438 случаев, возвратного — 78 случаев, брюшного — 42 случая, неопределенного — 56 случаев („Борьба" 1920 г., 25 января).

С большим трудом и напряжением всех сил, — при недостатке необходимых медикаментов, приходилось вести борьбу с этим новым страшным врагом...

Великое стихийное бедствие 1921 г. — голод, охвативший Поволжье, Кавказ, Крым, часть Украины и Урал, распространилось и на Южном Урале. Наш горный заводский округ, где большая часть населения сельским хозяйством не занимается совсем или ведет его только, как огородничество, — обрекался на особо жестокую голодовку. Голод косил всех без разбору, — стариков, женщин, детей и здоровое взрослое население; вымирали сотнями; так в Тастубинской волости вымерло с 1-го апреля по 5-е мая 570 человек; в башкирских поселках вымирало ежедневно от 20 до 40 человек; трупы не успевали убирать; так в деревне Такмеевой, Михайловской волости, трупы лежали целыми неделями и даже месяцами, т. к. население не в силах было их убирать; питались всякого рода падалью и разными суррогатами (березка, лебеда, лопух, трава, глина и т. д.); от голода люди зверели и решались на всякие преступления; не обошлось дело и без людоедства; не только в сельских местностях (Идрисовской и Улькундинской волостей), но даже и в городе был случай людоедства; особенно тяжело приходилось детям: жители из голодающих поселков бросались в населенные центры и здесь оставляли детей на произвол судьбы... „Цифра голодающих росла с молниеносной быстротой; так на 1-е февраля голодающих по Златоустовскому уезду значилось 49580 взрослых и 54207 детей, а к 1 июня числилось уже взрослых 71123 и детей 61869" [1]).

На борьбу с голодом потребовалась новая мобилизация всех сил и средств; рабочие массы, красноармейцы, партийные, советские, профессиональные организации, кооперативы, — все было мобилизовано на новый фронт борьбы...

* * *

Так четыре года гражданской борьбы, эпидемий и голода, — прошел южно-уральский рабочий свой тяжелый боевой путь к мирному труду и укреплению власти советов.

С. Шапурин.

---

[1]) Материалы Окрисптарта.

МИНЬЯРЦЫ.

Дореволюционное.

Миньяр — завод, каких не мало на Урале. Рабочий поселок — котловина, сжатая пересекающимися хребтами гор, с исключительно красивыми, даже для Урала, горными видами. Пруд. Река Сим каймой отделяет южную часть поселка от полотна железной дороги. Железоделательный завод — старый, изношенный, работает „на мочалках", как говорят в Миньяре. Катают сортовое железо. Катают мастерски. Навыки переходят из поколения в поколение.

С чего началось — что, именно, этот завод явился питомником большевиков на целую „округу", а потом и дальше, трудно сказать, — нет историков в Миньяре.

Изощреноость ли зверств и издевательств хозяев завода, низкий ли материальный уровень быта, (миньярец до революции не знал обеда — жил на чаю); — самый ли процесс производства, тяжелый и опасный (минута оплошки и огненная змея калечит на всю жизнь, — опасность сближает и зовет к борьбе), счастливый ли удел Миньяра быть надежнейшей конспиративной квартирой большевистского Урала; исключительное ли, наконец, богатство и мощь окружающей природы, суровой и требовательной к человеку — надо полагать все это вместе выделяло Миньяр, резче других заводов, своей сплоченностью, организованностью, товариществом и классово выдержанной борьбой и работой миньярца на любом участке, где бы его партия и рабочий класс не поставили.

Это и способствовало тому, что в Миньяре ранее других заводов Южного Урала образовалась большевистская ячейка (в начале 900-х годов). Протестантом же миньярец был еще и задолго до этого. Правда, как и в целом рабочий класс, наши заводы, особенно Сим, пережили полосу анархического буйного протеста против царского строя.

Два маленьких, но характерных примера для настроения передового рабочего тех времен, будущего боевика и марксиста. Боевой молодой рабочий ходу не дает, избивает полицейских. Но при разговоре о том, что надо бить царизм, он обещает свернуть голову противнику царизма. Когда его убеждают, что так могут рассуждать только черносотенцы, он берет топор и изрубает в заводе все трефленные полицейские будки.

Полицейский не уйдет из завода без того, чтобы его не вымазали в мази, или не поставили бы незаметно на раскаленное железо.

Так стихийно, протестуя часто не по прямой цели, миньярцы, не слыхавшие организованно ни одного политического слова, не видевшие ни одной прокламации, доходят классовым чутьем до необходимости выпуска к населению листовок и почти одновременно, без договоренности, скрывая друг от друга, в разных местах завода появляются в Миньяре первые примитивные прокламации — афиши Ф. Локацкова и Ф. Заикина.

К 1905 г. в Миньяре была уже довольно сильная организация большевиков, связанная с парт-центрами, ставшая в свою очередь центром для окружающих заводов, в первую очередь для Сима и Аши.

В дальнейшем поэтому я не буду, говоря о миньярцах выделять заводы Сим и Ашу. Они питались идейно Миньяром, выступали во всем и всегда вместе, за редкими исключениями. В производственном отношении заводы едины, представляя законченный комбинат.

Известное значение, выделившее Миньяр, как район передовых рабочих большевиков, имела открытая в 900-х г. г. вокресная школа заводским врачем, женою Плеханова Г. В., [1]) запросто называвшаяся рабочими „Плеханихой“. Такое же значение, очевидно, имел и партийный управляющий Симского завода, инженер Малоземов. Через астрономию, дарвинизм в этой школе научно и популярно доводили слушателя до начал марксизма. Это дало руководящей группе миньярцев известную степень культурности, выделявшее ее из массы рядовых рабочих.

У старого миньярца неожиданно в разговоре по самому житейскому вопросу можно было встретить и сложнейшую формулу по полит-экономии и отвлеченное философское положение, вычитанное им самим, или оставшееся от собрания. Были „запойные“ чтецы, владельцы больших библиотек, подписчики нескольких журналов и газет.

Традиция и тяга к учебе перешла и к следующему за „Плеханихой“ поколению. Перед войной, особенно интенсивно, работало несколько кружков самообразования, где рабочая молодежь всесторонне работала над собой, упорно сидя даже над „гимназией на дому“.

Немудрено, что с давних времен „чайная прокатки“—этот своеобразный рабочий политический клуб—в те годы была центром передовой легальной и нелегальной живой современной мысли.

---

[1]) Известного основоположника русского марксизма Г. В. Плеханова. РЕД.

Массовая работа была поставлена идеально. Что — что, а нелегальщина читалась для всех. Лектора от станка, в противоположность многим современникам наших дней, были живыми цеховыми людьми. Их слово — директива. Кроме их часто в Миньяре жил нелегальный профессионал - партиец. Сделаться когда то таким профессионалом - партийцем было мечтой многих молодых миньярцев. Это были самые уважаемые люди, самые дорогие, желанные. Рабочий — не партиец, когда узнавал, что у соседа „лежит на печке" подпольный или как в 1905 году их называли миньярцы „демократ", приходил и по соседски советовался — „может быть у тебя опасно, давай ко мне", и зорче хозяина вглядывался в проходящих по улице полицейских.

Мудрено ли поэтому, что Миньяр был удобным пунктом совещаний, конференций не только местных, но и областных. И это, несмотря на то, что в полицейских никогда недостатка не было, а к 1-му маю, забастовкам, арестам завод буквально заполнялся не только полицией, а и казаками.

Все знали, даже полиция, что такой то Заикин партийный, что скоро, как только подыщут повод, придет и его очередь, его заберут в тюрьму, вышлют. И еще знали также, что весь завод не арестуешь. К арестам, обыскам привыкли, как к явлению, правда неприятному, но неизбежному; знали, что после Сулимовых, полиция пойдет к Бычковым, и поэтому относились к налетам полиции довольно спокойно. И потому, что ко всему этому привыкли, партийная работа по условиям нелегальщины велась очень смело и открыто — не боялись. Надо при этом отметить, что миньярцы были хорошими конспираторами. Этому качеству революционера при вступлении в организацию придавали большое значение. „Сначала конспиратор, потом социалист" — не случайно так проверяли некоторые отдельные товарищи вступающего.

Это качество конспиративности обуславливалось работой в боевой организации. Миньярцы имели боевую дружину, не мало героически выполнившей задач, закалившей революционность миньярцев, давшей впоследствии не мало героев гражданской войны. В 5 году готовились к боям. Вооружались миньярцы и организованно, через центр боевых организаций, и по собственной инициативе. В этих попытках доходили до исключительной смелости, — двое вооруженных револьверами товарища (симцы) добывали десятки винтовок, разоружая вагоны боевого снаряжения на ходу, дальневосточного воинского эшелона, или бомбы отливали в заводской литейной. В Симском заводе жажда боя вылилась в разгром полицейского участка, с организованной перестрелкой боевиков и полиции на улицах Сима, в результате которой было убито несколько полицейских и сожжено их „осинное гнездо".

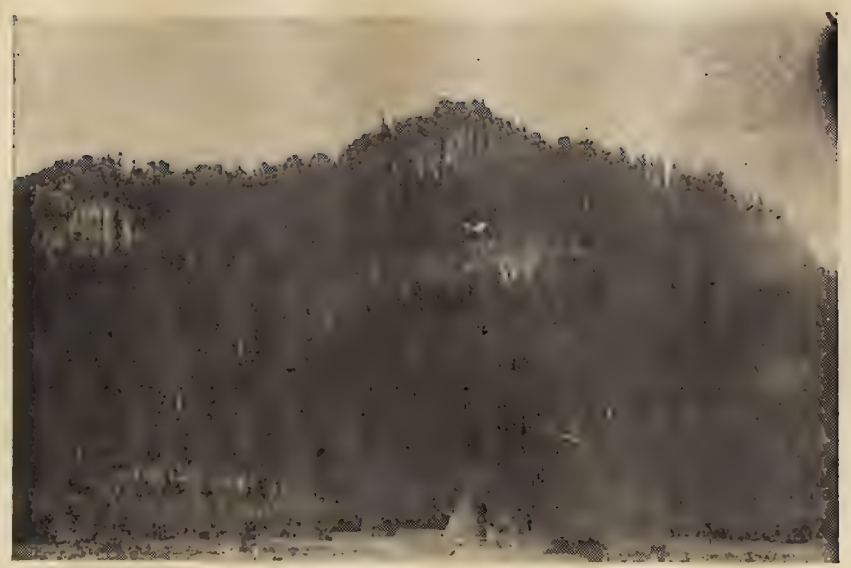
Рассказывают о первой в заводе революционерке. Рабочий стреляя промахнулся в полицейского. Работница девушка, наградив стрелявшего пощечиной, вырвала винтовку и наповал уложила полицейского. На упорное сопротивление симцев, царизм ответил полным разгромом симского отряда, ядро которого было повешено. Много и других боевых выступлений знает Миньярский район.

Вопрос о боевых организациях заслуживает специального изучения, имеющаяся по этому вопросу литература в значительной мере несовершенна, недостаточна.

Миньярцы не только боевики. Они сочетали боевую подготовку и работу со всеми возможными в царских условиям формами и методам работы. В частности, наряду с строго конспиративной работой в Миньяре, можно сказать, полностью были использованы все легальные возможности партийной работы. Кооператив был партийный, земская библиотека-читальня книги выписывала и выдавала читателям по спискам партийных товарищей, ни один поселковый сход не проходил без партийного влияния, к удивлению земского начальника, всегда проваливавшегося на этих сельских сходах. Оркестр и хор использовались в партийных целях. А какое сплачивающее для заводской молодежи (вот, где бы поучиться теперешнему комсомолу) значение имел спорт, главным образом, футбол, площадка которого служила не только своеобразным партийным центром для миньярцев, где можно было безнаказанно собираться ежедневно, а соревнования позволяли встречаться и представителям многих организаций.

Только такой все охватывающей партийной работой, непререкаемым авторитетом на заводе партии можно об'яснить размах и силу Миньярской забастовки 14 г., длившейся около 9 месяцев. Начавшись демонстрацией 1-го мая 1914 г., под политическими и экономическими лозунгами, бастующие рабочие выдержали натиск жандармерии в момент об'явления войны, и только в феврале 15 г. забастовка была задавлена высылкой из завода до сотни активных рабочих. Для семейных рабочих девять месяцев забастовки были месяцами голодовки. Доходили до отчаяния. Вот, вот готовы сдаться. Одиночки уже собираются и заглядывают на завод. Но вот собрание. Руководители прямо ставят вопрос: продолжать или уступить. Решают продолжать, не допускать дезорганизации. И стачка живет!

Забастовка протекла исключительно организованно, за развитием ее следили передовые рабочие всей России. Была проделана большая подготовительная работа. Все месяца забастовки не прекращалась работа кассы взаимопомощи, об'единявшей 800 человек. Не прекращались месячные взносы. Организационно рабочие были охвачены организаторами цехов. Фактически работал нелегальный профсоюз. Особо нуж-



Окрестности Миньяра.

дающихся поддерживала кооперация. Помогали заводы Аша и Сим.

Вот такая-то школа и работа создали у многих такое отношение к Миньяру, которое у меня всегда связывалось с представлением о миньярской организации—наглядном примере того, как в действительности, в жизни, должна выглядеть наша партия, как авангард рабочего класса. Связь неразрывная партийца с рабочими, общая жизнь, взаимное понимание, взаимное дополнение друг друга; все это цементировалось крепкой внутрипартийной спайкой членов организаций и составляло единое органически целое.

Эта практическая школа создала своих работников, коренников-уральцев.

Всегда душевно простой, вместе нетерпимый к противнику, лучший молодой миньярец Данила Сулимов, благодаря упорной большой самообразовательной работе над собою, успешнее других сочетавший боевую революционность с глубоким пониманием марксистской сути борьбы.

С выпирающей прежде всего непреклонной волею и силой характера, во всякой работе и всегда оригинальный, подчиняющий себе большим знанием дела, образностью и практичностью подхода к нему—Филипп Иванович Локацков.

Вот две яркие фигуры Миньяра.

С теми или другими индивидуальными оттенками, именно, этими качествами характерна основная группа миньярцев: М. Коковихин, К. Рындин, П. Гузаков, многочисленные Заикины, Бычковы, Зеленцов, Сулимов А., Суровейкин, Шведов и др. Много их. Я не знаю другого заводского района Урала, выделившего столько общественных работников. И сейчас, несмотря на большую выкачку из Миньяра старого актива подпольщиков, разбросанных по многим уголкам нашего необ'ятного Союза, Миньярский район в рядах своей парторганизации насчитывает до 1/10 подпольщиков всего Урала.

Почти все активисты-боевики в подполье, беззаветные бойцы Красной Армии, сейчас хозяйственники практики — предтрестов, директора — командиры хозяйства.

Этот тип рабочего большевика не бросается в глаза. Их узнают потом. Нет красочности, фразы. Скромно и молчаливо, не мудрствуя и не философствуя они, умея работать, руководствуются прежде всего правилом — „одно реальное достижение лучше дюжины программ".

С тем же под'емом и напряжением сил, без шатаний и сомнений за успех дела, этот хозяйственник ревниво ведет перезаключение колдоговоров, как когда-то зажигал рабочий отряд на бой.

Вот с какой партийной школой и людьми вошел Миньяр в революцию.

1917 год.

Вполне сложившаяся, сработавшаяся, с багажем упорнейшей борьбы с царизмом и школы над собой, миньярская организация с крепким кадром работников вошла в 1917 год.

Это не могло не сказаться на дальнейшей работе. Рабочие почти поголовно были у большевиков. О влиянии эсэров и меньшевиков и говорить не приходится, несмотря на соседство с такими эс-эровскими центрами, как Златоуст, Уфа. На Уфимской летней губпартконференции только делегат Миньяра в докладе с мест мог сказать, что в заводе эс-эров и меньшевиков „не было, нет и не будет". Не удивительно поэтому, что в Миньяре уже с февраля началась непосредственная борьба за Октябрь. Без деклараций и восторгов расправившись с полицией, начали вооружаться.

Совет рабочих депутатов — единственный фактический орган власти на заводах, далеко до Октября в значительной мере владел заводами, во всяком случае рабочий контроль был организован и инженеры округа уже в летние месяца об'явили борьбу с советом, как со вторым и незаконным хозяином заводов.

В этой связи, главным образом, встала потребность уже в майские дни об'единения партийной организации по производственному принципу, хозяйственно связанных и единых заводов Миньяра, Аши и Сима.

В окружное бюро, об'единившее организации этих заводов, вошли т. т. Сулимов Д., Бычков, Гузаков П., Вдовин, Чевырев, в дальнейшем поочередно от Сима входили т. т. Рындин, Паров и Усачев.

Была и другая серьезная принципиально-партийного значения причина к такому об'единению. И до 1917 года было много, и февральский переворот оставил в Уфе на работе значительную группу большевиков интеллигентов, у отдельных представителей которой, благодаря оторванности от заводов, в условиях быстрого развития революционных событий, в решительные моменты не оказывалось достаточной твердости в действиях и в моменты действий достаточной решительности. Это была оторванная от масс группа, а в нелегальщину и боявшаяся последних, — резкая противоположность миньярцам. Когда Миньяр кипел революционной работой в подполье, Уфа предостерегала, проповедывала осторожность и под этим предлогом отказывалась даже от докладов на заводах.

В целях удобства изложения в дальнейшем я буду кратко именовать эту группу „уфимцами".

Особенно с точки зрения заводов была нетерпима линия уфимцев губкома в вопросе об'единения уфимской

организации с меньшевиками, вопреки воли заводов, требовавших разрыва.

Заводские парторганизации знали, что именно условия работы об'единенной с меньшевиками уфимской организации не позволяли стойким большевикам Уфы достаточно противостоять шатаниям остальных большевиков из руководящей группы.

Естественна при таком положении тенденция заводов представлять из себя сплоченное целое. Это и достигалось, частично, организацией окружного бюро.

Подлинное лицо и значение миньярцев, пожалуй, легче и яснее всего можно выявить во взаимоотношениях их с уфимской об'единенной с. д. организацией.

Миньярцы на каждой конференции дрались против затянувшегося об'единения уфимцев с меньшевиками. В свою очередь уфимцы были насторожены, подозрительны к революционности миньярцев, именуя их „воинствующими большевиками". Как в части общей развитости, так и в части формулировок своих положений на собраниях, конференциях большинство миньярцев были слабее уфимцев. Но большевистскую линию выдерживали при поддержке других заводов миньярцы.

Часто, сравнительно, происходившие губконференции правильно под давлением заводского большинства принимали решения, а после в практике уфимцы сбивались, сохраняя до августа контакт с меньшевиками. Не случайно в течении 17—18 г.г. ни один из лидеров Уфы (за исключением, кажется, т. Кадомцева) ни разу не были на заводах. Вот отсюда и вытекали необходимость и задачи окружного бюро.

Газета губкома „Вперед" вплоть до разрыва печатала меньшевистские (в известной доле, по договоренности с меньшевиками) материалы, заводы считали это позором для газеты „Вперед" и ее бойкотировали, выписывая „Уральский Рабочий". И не только Миньяр, а и Златоуст и другие заводы на губконференции давали делегатам императивные мандаты изменить направление газеты. Был сменен редактор. Но этого было мало. Окружное бюро выдвинуло задачу выпуска собственного заводского листка большевистко-боевого направления. Представили соображения о технике и средствах газеты, но на нее губком, конечно, не мог согласиться и от выпуска, при противодействии губкома, пришлось отказаться.

Кстати уже, по печати вспоминается еще одна недоговоренность с Уфой. После корниловского выступления Миньяр и Аша на рабочих собраниях вынесли постановления—не допускать на заводы буржуазной печати и небольшевистские газеты. Прямо с почты, волею Сов. Раб. Деп. эти газеты забирались и шли „на кульки торговцам". Уфою „недемокра-

тическое" постановление оспаривалось, но она не настаивала и газеты конфисковались до дня их окончательной смерти.

По вопросам вооружения рабочих приходится также установить разницу подхода к целям и формам осуществления его. Об этом достаточно говорит, хотя-бы такой факт, что в значительной части вооружение заводов прошло мимо губкома, и когда, как об этом рассказывает тов. Кадомцев, он (Кадомцев) доложил губкому о том, что заводы имеют отряды боевиков, губком усмотрел в этом самочинные и не совсем желательные действия.

Старые боевики и боевые традиции 905 года обеспечивали заводы оружием задолго до Октября. Миньярцы с тех времен знали цену винтовки и еще летом ездили за оружием в Питер.

Вооружение 1917 г. проходило успешно при содействии связанного с заводами т. Кадомцева, которого уфимские эс-эры, по глупости своей, допустили быть начальником гарнизона Уфы. За счет запасов уфимского гарнизона заводы полегоньку снабжались оружием. К моменту организации Красной гвардии, на заводах быстро и успешно прошло формирование отрядов хорошо вооруженных и охвативших всех рабочих.

В те дни трудно было провести грань между рабочим и красногвардейцем. Считалось нераздельным — раз рабочий, значит красногвардеец. Так потом и колчаковцы считали, раз рабочий, значит враг—пори, стреляй его.

Заводам памятны протяжные тревожные гудки в неурочное время, но такие же, как и обычно начинавшие рабочий день, обязательные сигналы для рабочих к их добровольным походам против Дутова, чехов, на другие контр-революционные прорывы, так часто возникавшие в начале 18 года и быстро рабочими ликвидируемые.

Потом заводы первые дали сводные отряды рабочей Красной гвардии, которые охраняли революционные организации Уфы, подавляли эс-эровские восстания кулаков Златоустовского уезда, ходили на Дутова, чехов, и в значительной доле прошли в рядах Красной Армии от Волги через всю Сибирь до Туркестана и за Байкал.

Не приходится говорить, что миньярцы были готовы к Октябрю по-большевистски и обеспечив охрану Октября, одни из первых по Республике осуществили национализацию заводов.

Не обошлось и тут без некоторого расхождения уфимцев с Миньяром по практическим вопросам, связанным с национализацией. Когда заводы на другой день после национализации оказались в тяжелом положении, Уфимский ревком отказал новым хозяевам в содействии к получению из банков средств по текущим счетам Симокруга на том основании, что у миньярцев не оказалось нотариальной доверенности на получение денег.

Из Миньяра были посланы боевики и под их влиянием Октябрь уфимцев преодолел и нотариальную доверенность.

Здесь, в вопросе восприятия Октября, не касаясь деталей некоторого замешательства, накануне октябрьских дней, по отношению к Октябрю отдельных уфимцев, надо отметить различное отношение последних и миньярцев к вопросу организации губернских революционных органов. Еще в февральские дни уфимцы создавали путаницу на заводах, навязывая им организацию комитета общественных организаций при наличии крепких советов рабочих депутатов (в Златоусте при противодействии этому делу партийный комитет заставили организовать комитет общ. орг. в порядке партийной дисциплины).

И после Октября — уфимцы смогли декларировать создание ревкома в Уфе, но сделали это, конечно, без масс и не через их. И в ревкоме оказалось большинство меньшевиков и эс-эров.

Такому ревкому не подчинялся никто и власть фактически находилась в руках комиссара временного правительства.

Мусульманские части гарнизона находилиеь под влиянием эс-эров.

Тогда большевистская часть ревкома вынуждена была телеграфно запросить Миньяр о содействии и помощи. Миньяр послал своих представителей, которые осведомились:

— А винтовки у вас есть?

— Нет.

Получив такой ответ миньярцы вернулись обратно, выслав потом в Уфу вооруженный отряд. Во главе отряда поехали товарищи Гузаков, Рындин, Зеленцов, Бычков, — последний вошел членом Уфимского ревкома.

Под руководством Эразма Кадомцева и Гузакова миньярцы взялись за организацию настоящего Октября в Уфе, начав, конечно с другого конца, чем это делали уфимцы, — пошли в массы.

Немедленно были разбросаны отряды по частям гарнизона, мастерским, рабочим кварталам. Начались митинги силами приехавших миньярцев.

На одном из собраний гарнизона после выступления рабочих представителей, — гарнизон постановил выдать для вооружения заводов несколько сот винтовок и пулемет. Для приемки вооружения направили опытных рабочих, которые тотчас же все это переправили в Миньяр, обеспечив предварительно нужным запасом оружия рабочие отряды. Вооружившись, рабочие заняли почту, телеграф и другие важные пункты. Через несколько дней гарнизон был полностью разоружен и разослан по домам. Начали разоружать проходящие казацкие эшелоны.

Только после этого ревком стал фактической властью.

До этого ревком либеральничал и дипломатничал с реакционными руководителями меджилиса, чуть не соглашаясь на их лозунги „за магомета и советы". При наличии заводских отрядов удалось распустить и 144 мусульманский полк, — постоянную угрозу ревкома.

Но даже при всех возможностях усилить себя в ревкоме за счет приехавших из заводов революционных рабочих, — тактика уфимских Эльциных осталась прежней. И первые представители заводов в ревкоме, не добившись постановления ревкома об аресте комиссара временного правительства, — вышли из ревкома. Эльцины продолжали быть безхарактерно — половинчатыми, проводя выжидательную политику. По некоторым вопросам это обошлось дорого заводам. Так не прошло предложение боевиков разбить Дутова с осени, пока он еще не окреп.

Но революция шла своим победным путем, заводы поправляли „вождей". Иначе и быть не могло, потому, что миньярцы были сами рабочий класс, уфимцы только интеллигентами-партийцами, пытавшимися быть представителями этого класса.

В гражданской войне.

Миньярцы — участники гражданской войны с осени 1917 г., с дней зарождения первых вылазок контр-революции. Походы на кулацкие выступления, Дутова.

На долю миньярцев начало гражданской войны положило особое испытание, как бы лишний раз проверялась стойкость рабочего этих заводов. Заводские отряды Красной гвардии в полном боевом вооружении, с большими боевыми запасами, отбиваясь на оба фронта с Челябинска и Уфы, непредупрежденные из Уфимского штаба БОНВ о действительном положении на других фронтах, были отрезаны кругом и остались в тылу контр-революции.

Белогвардейцы считались с Миньяром и предусмотрительно завоевывая Юж-Урал, начали наступление на Миньяр от Златоуста и Уфы. На ст. Миньяр оба отряда чехов сошлись: миньярцы оказались в кольце. Несколько сот штыков красногвардейцев, полевые трехдюймовки, 3 горняшки, десятки пулеметов и тысячи новеньких винтовок уложенных в ящики, масса другого, как боевого, так и материально-снабженческого запаса эвакуированного Уфимским штабом БОНВ — все это осталось в Миньяре. Но не досталось врагам. В то время, как на оба фронта миньярцы, симцы и ашинцы старались задержать противника, в заводе шла лихорадочная работа. Родные леса и ущелья к приходу чехов скрыли все боевое снаряжение и верно, в течении 13 месяцев, до прихода красных хранили его. Белые контр-разведки знали обо всем этом,

знали, что в заводах осталось 2 миллиона рублей денег, комиссары (в их числе Локацков Ф. И.), сотни молодняка красногвардейцев, скрывающихся в лесах и горах (за 13 месяцев Миньяр не дал ни одного солдата белой армии). Знали, но что они могли сделать? — Попробуй, сунься в горы. И только случайно они могли захватить одного, другого боевика, отобрать револьвер, бомбу.

Не красно жилось белым и в самом заводе.

Правда, в самом заводе, по рабочим избенкам они и не жили, предпочитая вагоны с всегда готовым на парах паровозом. Штаб контр-разведки, боясь ст. Миньяр, находился в Аше. И впоследствии, в 1919 году, когда Миньяр вновь вошел в белую прифронтовую полосу, в завод рабочим расквартировывали густо, по два — три человека на клетушку, на продолжительные стоянки чехов, поляков, башкир, но не русские белые части. Боялись, что разложат. И миньярцы умело разлагали белых.

Если белые не „стояли“ в заводе, не значит, что миньярцы были свободны от их налетов. Напротив, вряд ли какой другой район столько перенес от белых, как это выпало на их долю.

Периодически белые брали Миньяр, как какую либо хорошо защищенную крепость. Воинский эшелон, в дополнение к стоящему на вокзале, останавливаясь верстах в двух-трех от завода, быстро разгружался и начиналось по всем правилам военного искусства наступление на завод: делались обходы, шла разведка, расставлялись заставы, подвозили пулеметы, патроны, орудия сторожили у поезда.

Карательный отряд со страхом, но без боя победоносно вступал в завод и начиналась расправа над стариками, бабами, детьми. Взрослого рабочего населения в заводе почти не оставалось.

Миньярцы приспособились к налетам: как только проносилась весть о налете, раздавался условленный заводский гудок, завод останавливали и все, кому надо, с достаточным запасом хлеба до прихода белых были в надежных местах, сунуться куда не решался ни один отряд. И пока белые пороли, повально обыскивали, забирали одиночек, „лесовики“ отсиживались.

Белые уезжали с „добычей“. Завод вновь начинал работу до следующего налета, кончавшегося, конечно, таким же результатом. Здесь белым не помогали ни ночные налеты, ни другие меры конспиративности. Миньярцы были неуловимы. Почти каждый, который имелся в белом списке, а это определялось обыском, имел на всякий случай в самом заводе у соседа нору в подполье, летом в огороде вырывалась яма и

хорошо маскировалась. Приходилось в норах сидеть по неделе до от'езда белых.

Приходилось быть месяцами на страже, без одной спокойной ночи, без костра, с куском хлеба, сухарем, впроголодь отсиживаться в лесу. Летом еще сносно. А осенью, зимой волчью жизнь могли выдержать только люди обрекшие себя на дело, которому они служат. Нет личной жизни без торжества своего класса. Ослепну в норе, простужусь на всю жизнь в холодных лесах и ущельях, но не буду работником белых, когда есть Красный фронт.

Надо признать, лесовики на много лет укоротили свою жизнь за 10 месяцев скрывания.

Но разве тогда об этом думали. Жили сообщениями с фронтов. Сверяли газеты со слухами, вели счет поездам эвакуируемых буржуев, жили тем, что рассказывали с утра до вечера женщины и дети.

Чем жил завод? — Достаточно иллюстрировать несколькими картинами из жизни детей завода.

Подходят к поезду чехов ватагой дети от 10 до 14 лет. Нашли чеха с наганом на поясе.

„Дяденька, мы собирали ягоды, нашли наган".

„Принесите".

„Боимся в руки брать, он недалеко, покажем".

Солдат идет. Ватага за ним. В лесу чеха расстреляли в спину, наган забрали.

Или вот: конный карательный отряд вступил в завод. Навстречу детская процессия с флагами, похоронным маршем, хоронят куклу—сестру милосердия. Начальник отряда.

„Что делаете?"

„Играем".

„Как"?

„Палач Шалашев (начальник контр-разведки) убил нашего товарища, хороним".

Палачи проезжают.

Или пойдут к стоянке белых, отвяжут дежурных лошадей и айда в горы.—Отряду лошади, да еще военные, нужны.

Значительная часть „службы" связи, снабжения скрывавшегося в лесу отряда старших братьев, отцов выполняли, именно, эти рябитишки.

Но иногда молодежь года на два—три постарше отделывали штучки почище, за которые приходилось расплачиваться взрослым.

Убивали запоздавшего в заводе вечером чеха, двух. Травили белые воинские эшелоны. Эта „детская" забава сводилась к тому, что вдруг по поезду откуда-то сверху, со скал открывалась пулеметная пальба. Справа—отвесные скалы с пулеметным дождем, слева—отвесная стена, опускавшаяся в бурливую горную речку. Безвыходное положение,

паника полная. Берут приступом скалы—пусто. Ствол „кольта“, где нибудь в корнях кустарника, тренога в камнях, ребята, за версту мирно с уздечками разыскивают „пропавших лошадей“.

Конечно, чехи отвечали репрессиями. Но молодежь, есть молодежь. Неосторожность ее не знает предела. Чехи давно не беспокоят завод. Можно спокойно почистить оружие на досуге. Притащили по частям „кольт“ в завод, днем разобрали на полу амбара, прочистили, смазали. На утро осталось собрать. Ночью облава. Спасает находчивая, храбрая мать.

„Открой амбар“.

Она открывая амбар не зажигает огонь, в темноте ногами нащупывает треногу и как бы возясь над фонарем, спускает на пол нижнюю юбку, потом не сходя с места, освещает кругом голые стены.

Ничего не зная об отрядах Каширина, кроме самых противоречивых слухов, некоторые из ребят не дожидаясь оттуда возвращения нашей разведки, неведомыми путями через становища белых, благополучно добрались до Каширина, как потом через 10 месяцев зимой переходили целыми отрядами из тыла белый фронт. Крепки они были и на допросах.

Можно и еще было много рассказать чудесного о рабочей молодежи. Воспитанные еще до революции на легендах о боевиках 1905—1906 г. г., особенно симским Михаиле Гузакове, у которого все было необыкновенно, вплоть до резиновых подков лошади, якобы позволявших скрываться ему от полиции при самых затруднительных положениях, они оказались и сами подготовленными к необыкновенным подвигам. Многие из них потом славно боролись в рядах Красной Армии, стали командирами, не мало погибло в боях.

Миньяр полон легендарных рассказов—героических эпизодов борьбы миньярца с белыми в тылу у белых. Конспиративность, некоторая замкнутость, отличающая миньярца, как это было ценно в подполье.[1])

В этой части я ограничусь изложением одного боевого эпизода миньярцев—переход фронта.

Полосу переходов фронта открыл т. Локацков Ф. И., удачно перебравшийся в Уфу к первому приходу туда красных. По мере приближения к заводам красного фронта сначала по одиночке, потом группами по 6—10 человек потянулись миньярцы на лыжах дремучими лесами в обход белого

[1]) Кое что об этой героической борьбе рассказано в сборнике Истпарта ЦК ВКП (б) „Борьба за Урал и Сибирь“, особенно в интересно написанной статье о миньярцах т. Смирнова. Там дадено изложение ответственной роли миньярцев по заданию партии, служивших в начале 19 года центром связи партийной Сибири с Сиб. Бюро ЦК ВКП (б).

фронта. Удалось пройти двум отрядам по 20 человек. Стали подумывать об организации большого отряда с заданиями не только перехода, а и нанесения удара с тыла передовой линии белых.

Руководящая группа партийцев активистов была занята большой работой по связи с Сибирью. Но из-за фронта передали мысль о рейде лыжников в тыл белых (об этом рассказывает в упоминаемой статье И. Н. Смирнов) и была об'явлена мобилизация миньярцев в Красную Армию. Мы шутили меж собою, говоря, что на мобилизацию в Миньяре в тылу белых имеем законнейшие и формальные права, так как Миньяр не знал военной власти белых, кроме карательных отрядов. При этом Миньяр, помня свои обязательства перед Красной Армией, регулярно оказывал помощь семьям красноармейцев.

Мобилизацию провели, выделив десятских, которым было поручено вокруг себя об'единить верный десяток. Работа прошла строго централизованно и конспиративно. Центр связывался только с одним товарищем, последний с десятскими, десятские с своим десятком. Десятский не знал другого десятского.

Каждого шедшего в отряд обязали иметь лыжи, 4-х дневный запас пищи, оружие. Назначили день, в который красногвардейцы Миньяра и Аши (с Симом не удалось соединиться) должны войти в лес на соединение обоих отрядов.

Несмотря на то, что оба завода были переполнены расквартированными по домам рабочих солдатами, вся предварительная работа, как и самый уход, не были замечены ни солдатами, ни населением.

В течение одного дня в лес было вывезено все необходимое. Наивные соседки радовались, как лежебоки красногвардейцы (большинство из них в заводе не могло работать, как дезертиры белых) рьяно взялись за возку дров, бревен из леса. Также радовались, когда на следующее утро, собравшиеся, для отвлечения внимания солдат-поляков, были неизвестно кем „наряжены“ на работу.—„Наконец-то опять приняты на работу“. И только через несколько дней, когда одни были далеко за фронтом, другие арестованы, о нас заговорили.

Мы же без отдыха, сна, впроголодь в количестве 170 человек вооруженных винтовками, наганами, бомбами, в обход дорог и лесных тропинок, по оврагам и чаще леса, на лыжах подвигались к фронтовой линии.

На третий день пути определился ряд обстоятельств, заставивший нас отказаться от некоторых задач перехода, ограничившись только переходом фронта. Самонадеянная молодежь недооценивала трудностей большого перехода, у многих через два дня хлеба уже не было, а самое главное—

половина отряда шла на плохих, „состряпанных“ на скорую руку лыжах, без обшивки шкурами. Итти на таких лыжах мука—под гору они безудержны, в гору не берут, скатываются обратно, гору приходится брать без лыж, вплавь по сугробам. Снег попадает за ворот, в рукава, одежда мокрая. Остановишься передохнуть на минутку, как одежда превращается в льдину. Итти изнемогали, отдохнуть—замерзнешь.

В таком-то состоянии отряд потерял, в предпоследнюю ночь до прихода к красным, до 10 человек замерзшими на смерть, до 20 человек обмороженными, потом подобранными и арестованными белыми казаками. Добравшись до красных часть отряда также имела несколько десятков товарищей с обмороженными руками, ногами.

С такими лишениями и жертвами обыкновенные, простые заводские парни добровольно шли умирать за революцию. Отец шел с сыном, брат с братом. Брат не хотел оставлять брата и выбившись из сил ложился на снег и замерзал рядом. Так замерз молодой Вася Шалашев, не покинувший отставшего брата Илью.

Такие примеры личного самопожертвования встречаются и у одиночек представителей буржуазии. Но того, чем оказался силен миньярский отряд, не встретишь ни у одного класса, кроме рабочего.

Пойти на верную смерть, с тем, чтобы отстоять дело класса, наперед определить такая-то часть отряда обречена—на это способен только рабочий.

Они жили революцией и свою роль и значение измеряли ответственностью перед ней.

— Теперь пулеметчиком, интереснее. Главное—в тебя больше метятся.

Кратко и ясно лыжник Вася Грачев, убитый потом из белого пулемета, дал тип этого рабочего коммуниста.

А обида, месть за погибших? Оставшийся отряд миньярских лыжников стократно оценил каждого погибшего при переходе, вписав яркую страницу подвигов в дело разгрома колчаковцев 5-й армией.

Слава безымянным героям!

Ф. Вдовин.

МИНЬЯРЦЫ.

Сибирское бюро предполагало начать свою работу установлением связи с Сибирью, и задача представлялась в Москве таким образом, что связь надо иметь, главным образом, с Сибирью. Урал в значительной части еще находился в наших руках. В северной части Урала находилась третья армия, а пятая — продвигалась на восток от Уфы. Однако уже с первых дней пребывания в Уфе мы увидели, что пред нами стоит еще более неотложная задача—получения связи с уральскими заводами, находившимися во власти колчаковской армии.

Наступление пятой армии в то время происходило чрезвычайно медленно и наша 26-я дивизия, наступавшая по направлению к Аша-Балашевскому заводу, была едва ли дальше 70 верст от Уфы. Армия чрезвычайно утомилась: тяжелый зимний поход, бои, недостаток валенок, недостаток полушубков, — все это чрезвычайно гнетуще действовало на красноармейцев. Отдых был необходим и Реввоенсовет пятой армии неоднократно обращался к выше-стоящим органам с просьбой о временной приостановке наступления на Восток. Но в это время Колчак вел встречное наступление на Пермь, по плану разработанному генералом Андогским, бывшим начальником военной академии, и надо было отвлекать силы противника: хотя бы демонстративно надо было продолжать наступление на южной части восточного фронта.

Но наступать с утомленной армией приходилось очень осторожно. Перед пятой армией находились уральские горы с узким дефиле около Аша-Балашевского и Миньярского заводов. Можно было наверное сказать, что зимой с такими силами, которые были у пятой армии, прорваться к Аша-Балашевскому заводу было невозможно. И наступление замедлялось. Непосредственно за горным проходом у Аши и Миньяра расположен ряд заводов, с которыми Уфа была тесно связана. И теперь в Уфе находилось несколько товарищей с Миньярского завода и все они группировались вокруг старого партийца с Миньяра Ф. И. Локацкова.

На Южном Урале расположено около 20 заводов. Это были средней величины заводы, имевшие по 1000 — 2000 чел. рабочих. Наибольший из них, Белорецкий, лежит на отлете к югу от Самаро-Златоустовской дороги. Все они были охвачены в свое время нашей организацией и в различной степени проявляли революционную активность.

Но из всех южно-уральских заводов выделялся Миньярский, на котором крепкая организация была еще в 1905 г. И еще с того времени с Миньяра шло партийное руководство для юга, и во всяком случае, три смежных завода: Аша-Балашевский, Симский и Миньярский — были всецело под влиянием последнего.

Миньяр сыграл определенно решающую роль в Октябре 1917 г. не только для заводов Симского округа, но и для Уфы, где было настроение колеблющееся.

При падении советской власти на Урале миньярцы оказали организованное сопротивление чехо словакам. Затем значительный вооруженный отряд их ушел в горы и леса. Предшествующая подпольная выучка им очень помогла: они не побросали оружие, как это было в других местах и в городах при продвижении чехо-словаков, а вывезли все оружие в лес и там его зарыли. У них было спрятано в лесу несколько сот винтовок, до 10 пулеметов и большое количество патронов. Все это миньярские рабочие держали до лучших времен. Завод работал, а небольшая часть наиболее скомпрометированных миньярцев скрывалась в лесу. Дело было зимой, и положение их было, конечно, чрезвычайно трудно.

Добыть связь с миньярцами, через них установить связь с Южным Уралом и Челябинском, первым сибирским городом, организовать в ближайшем тылу противника кулак из партизан-рабочих — такая мысль напрашивалась сама-собой. Осуществить ее взялся аша-балашевский рабочий тов. Туманов, который перешел фронт несколько южнее Аша-Балашевского завода и разыскал товарищей, находящихся в лесу. Молодой миньярец Федор Вдовин поехал в Челябинск для установления связи с той группой, о которой у нас имелись сведения. Но к тому времени, когда он прибыл в Челябинск, эта группа была уже арестована, и Вдовин едва успел выбраться обратно. Миньярские рабочие, находившиеся в лесу в бегах, решили перейти фронт на нашу сторону, это был очень тяжелый переход и не все товарищи его перенесли.

К тому времени, когда пришли в Уфу, в Сибирском бюро и в Реввоенсовете пятой армии был разработан следующий план: пройти через фронт в тыл противника с отрядом в 200 чел. хорошо вооруженных и особо надежных, прервать железнодорожное сообщение, произвести панику в тылу противника в тот момент, когда Красная Армия начнет усиленное продвижение к Аша-Балашевскому заводу. И вот 50 — 60 чел. миньярских рабочих, пришедших с Тумановым, и были тем ядром, вокруг которого создался такой отряд. Он состоял из заводской и красноармейской молодежи. Организовал отряд и командовал им Сергей Дмитриевич Павлов. С этим отря-

дом должен был и перейти фронт, чтобы затем, после осуществления первоначальных задач на Урале, в связи с движением пятой армии, уйти глубже в Сибирь.

Отряд расположился за городом в Старой Уфе, в женском манастыре, и там интенсивно, с утра до вечера производилась подготовка молодых красноармейцев: их учили владеть пулеметом (винтовку почти все уже знали). Выше колен в снегу, таскали они пулемет „максим" на особых, приспособленных для этого лыжах, помятуя, что жить и действовать придется в лесу, в снегах, в чрезвычайно неудобной для боя обстановке.

Около месяца учебы – и отряд двинулся на левый фланг 26-й дивизии, где, нам казалось, удастся ночью незаметно пробраться, а если нужно, то и пробиться в тыл противника. После четырехдневной дороги мы достигли бригады тов. Спижарного, откуда должен был начаться переход. Накануне перехода нужно было дать небольшой отдых отряду. Бои в это время происходили на этом участке довольно интенсивно.

И вот неожиданно, когда все уже было приготовлено к переходу, мы получили извещение из Реввоенсовета пятой армии, что начинается общее отступление армии. Дело в том, что после разгрома третьей армии и занятия Перми противник обрушился всеми силами на стоявшую на левом фланге у нас вторую армию, разбил ее, а теперь дивизия князя Голицына нажимала на нашу 27-ю дивизию. Дивизия князя Голицына была ударной. Наша 27-я дивизия была разбита наголову, потеряла всю артиллерию, канцелярию штаба дивизии и была рассеяна. С большим трудом приехавшему в эти дни на фронт тов. Грюнштейну удалось ее собрать. Боеспособной осталась только 26-я дивизия, и она теперь попала под удар. Реввоенсовет извещал наш отряд, что ни о каком наступлении в дальнейшем не может быть и речи, что отряд должен возвратиться вместе с бригадой тов. Спижарного.

Начался отход. Отряд, очень внимательно подобранный из наиболее пригодных людей, вступил в бой в районе 26-й дивизии. Противник стремился к узловой станции Чишма, и если бы ему удалось перерезать жел. дор., положение нашей армии было бы безвыходным.

Когда мы вернулись в Уфу, эвакуация со всеми своими отрицательными сторонами была в полном разгаре.

Миньярский отряд с первых же дней боя выделился из всех остальных частей. Его непрерывно перебрасывали с одного участка 26-й дивизии на другой, которому особенно угражал противник и везде он выручал.

При отступлении в войсках обычно появляется упадочное настроение. 26-я дивизия была одной из лучших не только пятой армии, но и всех армий РСФСР, но и в ней

во время этого отступления бывали случаи подавленного настроения среди красноармейцев. И вот тогда-то выручал миньярский отряд.

На фронте 26-й дивизии бои были до того ожесточенными, что в ней убывало до 500 человек в день, а пополнения не подходило. Армия таяла.

Наиболее ожесточенными войсками в рядах Колчака были башкиры. Они особенно опасны были тем, что великолепно ходили на лыжах. У них были команды лыжников, которые, обходя наши части целиком по снегу, вызывали большую панику. Миньярский отряд был не из таких, которые поддаются панике, и часто в таких случаях выручал. И в одном из таких столкновений с башкирской дивизией он на половину погиб. В этом бою был убит комиссар отряда, молодой миньярский рабочий, Василий Грачев. Пред тем, как ехать в отряд, я помню, он заходил ко мне в Реввоенсовет, так как я уже был тогда членом Реввоенсовета пятой армии, и просил отпустить его ехать в Москву учиться. Я обещал отправить его в Москву как только приостановится отступление. Он направился на фронт, а через несколько дней был убит пулей в голову у пулемета, из которого стрелял по наступавшим башкирам. Это был один из лучших и талантливейших уральских рабочих.

Миньярский рабочий еще раз выдвинулся во время борьбы за Урал. Это было уже в другой обстановке, летом 1919 г. Враг отступал по всему фронту с севера до юга. Теперь уже мы гнали противника и знали твердо, что мы займем Урал. И опять, как зимой 1919 г., мы решили пустить в тыл противника миньярских рабочих. Собрался небольшой конный отряд человек в 50 и под начальством Гузакова перешел фронт.

Для того, чтобы обмануть противника, весь отряд надел погоны. Противник об отряде, однако узнал, и узнал от провокатора Оглоблина.

Еще в то время, когда штаб пятой армии стоял в Бугульме, он к нам явился из Москвы от ЦК, откуда он был направлен тов. Е. Ярославским. Оглоблин производил впечатление крикливого анархиста, постоянно вступал в споры с нашими товарищами, относившимися к нему подозрительно. Недаром он в своих показаниях отмечает: что говорили шопотом и узнать что-либо было трудно.

Оглоблин сам заявил, что он едет убить Колчака. И спорили-то с ним преимущественно по этому пункту, доказывая ему нецелесообразность этой затеи. Но он решил твердо Колчака убить. Позднее, в сентябре 1919 г. в наши руки попали документы, из коих видно, что этот „анархист“ был просто осатаневший от злобы на советскую власть мелкий торговец из Калуги, бежавший к Колчаку.

Вот его показание в контр-разведке Колчака.

Но еще раньше, чем Оглоблин дал эти сведения, противник узнал о нашем отряде из других рук. Отряд им представлялся не иначе как из мадьяр и латышей и очень скоро из 50-ти он вырос у них до 400 человек.

Этот небольшой отряд вносит большую сумятицу у них и им кажется, что он все может: и мосты взрывать, и Златоуст захватить.

В их переписке и приказах ярко сквозит боязнь уральских рабочих, опасение, что на любом заводе может подняться восстание, и силы наши на этих заводах они явно преувеличивают. Так, со Златоустом у нас была очень слабая связь, а в их документах значится, что у нас организация в 300 человек.

Вот эта психологическая неустойчивость противника, поддерживаемая появлением миньярского отряда, дала нам возможность овладеть Южным Уралом силами в несколько раз меньше, чем силы противника.

Как бы то ни было, отряд в июне был в знакомых ему лесах. Гузаков и Туманов оповестили рабочих трех заводов Симского округа, чтобы шли к ним, и через несколько дней у них собралось от 200 до 300 человек.

Им удалось взорвать мост у Ерала и хотя он был быстро восстановлен противником, но панику наделал большую.

Затем было сделано нападение на обозы Каппеля, и хотя в донесениях противника говорится, что „шайка была отбита", на самом деле миньярский отряд перебил много офицеров и захватил весь обоз.

Белых путало еще и то, что наши ребята носили погоны и белые их не могли отличить от своих.

Участок фронта, в котором находились эти заводы, занимал генерал Каппель с большой армией. Против него стояла 3-я бригада 26-й дивизии.

По плану, который был разработан Реввоенсоветом пятой армии, эта бригада должна была демонстрировать наступление на Аша-Балашевский завод. Мы даже думали, что в случае движения Каппеля навстречу этой бригаде, нам придется оставить Уфу. Главные наши силы двигались несколько севернее в обход Каппеля, по руслу горной речки Юрюзань. Это обходное движение сыграло крупнейшую роль во время этих боев. Каппель должен был очистить горные выходы около Миньярского завода, а после жестоких боев около Златоуста, мы вышли к Челябинску на Сибирскую равнину.

Миньярцы пришли на свой завод. Я помню большой митинг у завода. Стояли сотни женщин, стариков и оставшихся на заводе рабочих. Мне пришлось говорить перед ними о тяжелой борьбе, которую ведет рабочий класс нашей страны, и о той роли, которую выполнили миньярские рабочие на

Гора Магнитка.

своем участке великого фронта этой борьбы, и об их отряде, имевшем столько славных боев и так много потерь. Они еще не все знали, кто погиб, кто жив. Когда я упомянул о смерти Васи Грачева, я помню, как в толпе раздались женские рыдания...

С митинга я пошел к Туманову, к этому удивительному человеку, который никогда не терялся, насколько знал уральских рабочих и который пользовался величайшим авторитетом среди них. В маленьком домике, в котором я его нашел, он сидел расстегнув ворот рубашки, с распущенным поясом, за самоваром. Весь вид у него был такой: вот человек окончил большую тяжелую работу и теперь он может, как следует отдохнуть.

Рабочие из отряда ходили в новеньких гимнастерках, отбитых в каппелевском отряде и не смотря на потери, все они были жизнерадостные, веселые.

Миньярцы, оставшиеся в то время на заводе, спрашивали: „Какими-же силами вы гоните колчаковцев"? И действительно—наши силы были малы. Если-бы Каппель опрокинулся обратно на нас своими полчищами, он бы нас раздавил в горах. Но наше продвижение на восток продолжалось.

На Южном Урале Реввоенсовет произвел мобилизацию нескольких возрастов; на фронт были взяты почти все боеспособные люди. Это, конечно, было немного, но это были отборные борцы из тех, которые составляют ядро, вокруг которого сплачиваются крестьянские массы в нашей Красной Армии.

Миньярцы вписали в историю борьбы с Колчаком за освобождение Урала прекрасную страницу. Они не на словах, а на деле (и на каком деле!) показали, что дело освобождения рабочих есть дело самих рабочих.

Из всех рабочих, которых мне приходилось встречать на долгом пути от Уфы до Иркутска, миньярские рабочие производили наилучшее впечатление. После войны они из своей среды выдвинули ряд крупнейших хозяйственных работников. Тот-же Туманов, в тяжелые годы (1920—1921 г. г.) управлял Аша-Балашевским заводом и поставил его на ноги. Другой рабочий Миньярского завода, Александр Коржаков, погиб. Некролог его помещен неизвестным мне товарищем в нашем сборнике. Он умер от тифа после захвата Урала. Коржаков управлял всеми тремя заводами: Аша-Балашевским, Симским и Миньярским. Это был идеальный человек: удивительно скромный и в то-же время чрезвычайно смелый, самоотверженный, очень знающий и очень талантливый. Он никогда не пытался выдвинуться на какую-либо работу. Но все, за что он брался, он выполнял так хорошо, что лучше никто не мог бы это сделать. Он был очень молод, не боль-

ше 28-ми лет, богатырского сложения. Когда Туманов выводил отряд по глубокому снегу через фронт, старый рабочий, партиец, Заикин упал и стал замерзать. Это случилось ночью. Кругом были враги. А свои уходили. Александр Коржаков остановился за Заикиным. Заикин замерзая, уже засыпал и сказал ему: „Иди, я все равно погибну. Я останусь".

Коржаков поднял его на плечи и всю ночь нес на себе. Он вынес его от белых к пятой армии и спас. Заикин сейчас работает на Миньярском заводе.

Александр умер тогда, когда враги были уничтожены и когда он так был нужен уральским рабочим и рабочему государству для новой творческой работы.

Вот какими людьми победили мы старый мир—простыми, скромными и самоотверженными без конца.

На Южном Урале была произведена мобилизация нескольких возрастов. Настроение рабочих было очень революционное. Помимо призванных годов явилось много лишних. Большинство таких было возвращено к станкам. Мобилизованные отправились догонять Красную Армию большими отрядами. Однажды, возвращаясь с линии боев, я встретил у станции Кропачево такой заводский отряд, их было около 300—400 чел.: шли они весело и несли свое заводское красное знамя. Это был отряд Симского завода. Чувствовалось в них что-то праздничное, радостное. Мне кажется, что у тех из них, кто дожил до сегодняшнего дня, этот минувший день был лучшим, красивейшим в жизни.

В то время, как одна половина, наиболее молодая, сильная шла с винтовками в Сибирь на Колчака, оставшиеся на заводах пожилые рабочие пускали в ход машины. Миньяр свою работу начал с ремонта винтовок и пулеметов.

По мере того, как мы отодвигали белых глубже и глубже в Сибирь, на заводах устанавливалась нормальная производственная работа. Требования на металл теперь уже шли из Москвы, рабочих рук не хватало. Все чаще и чаще стал получать я с Миньяра от Я. Заикина письма о нехватке рабочих рук и просьбы вернуть, то того, то другого токаря, слесаря — они у него были все на учете в голове.

А нам в эти дни, тоже приходилось тяжело, и я раз ему в ответ послал резкое письмо. Он больше не писал, а я до сих пор жалею, что так резко ему ответил. Он думал главным образом о заводе, а я об армии. Что делать, — бытие определяет сознание.

Отступая, белые эвакуировали заводы и технический персонал. Уральские рабочие бросились догонять увезенные машины, станки и своих специалистов.

В Омске и Новониколаевске появились особые комиссии из Екатеринбурга по реэвакуации. Это были здоровые ребята, энергичные и неутомимые. Они день и ночь рылись в

вагонах, каким-то особым заводским чутьем угадывая, где лежат их станки. Со специалистами, застрявшими на полпути, у них разговор был короткий. Да, впрочем, тем и деваться было некуда, и они все поехали обратно, правда, немного побаивались своих бывших подчиненных. И станки, и специалисты полностью вернулись на свои заводы. Обескровленный Урал, потерявший несколько тысяч лучших, передовых рабочих, все же оказался способным в течение нескольких месяцев пустить главные заводы в ход.

И. Смирнов.

НА ПАСЕКЕ.

(Воспоминания миньярца).

Получив освобождение из 1-го южно-уральского отряда, вследствии слабости моего здоровья, я решил во что бы то ни стало перейти фронт, что с большим трудом мне удалось. Перейдя Бирский фронт, я прибыл 29-го июля в Миньярский завод и ознакомился с положением дела, а на второй день дал знать о своем прибытии скрывающимся т.т. комиссарам Симского округа: Ф. И. Локацкову, Я. Г. Заикину, А. С. Коржакову, М. П. Сорокину и другим товарищам, которыми немедленно был вызван в лес, где получил от них разные поручения, как-то: хранение всех важных документов, денег, снабжение их продовольствием, литературой и хранение оружия, вывезенного на мою пасеку в количестве свыше 200 винтовок, до 40 ящиков патронов, 2 горных орудий с 60 снарядами к ним, ручные и винтовочные бомбы, несколько пулеметов „Кольта“, несколько пудов пироксилина и много другого военного имущества; все это, конечно, при помощи надежнейших товарищей, мною было сделано. Как и во всяком деле, были провокационные случаи, но таковые немедленно устранялись.

С наступлением зимы скрывающихся товарищей пришлось разместить по конспиративным квартирам в Миньярском заводе; а когда стали наступать из Сибири колчаковские войска и размещаться в Миньярском заводе, то товарищей снова пришлось отправить в лес и устроить их на своей пасеке, где они и жили до тех пор, пока я и несколько других товарищей не были арестованы. Мне и другим товарищам было пред'явлено обвинение в хранении оружия, снабжении комиссаров продовольствием и т. д. Это было в то время, когда красные войска заняли гор. Уфу и продвигались уже ближе на Урал. С ужасом вспоминаешь пытки, применяемые к арестованным, в особенности к тов. Коковихину А. Н., которого пытали и били плетьми до потери сознания. Это повторялось несколько раз, в последнюю ночь такими пытками его мучили в продолжении трех часов, и когда в 12 ч. ночи его вели к нам в общую, он не мог идти и едва говорил. На следующую ночь, во 2-м часу ночи, его от нас увели и больше мы его не видали: он был убит. Вскоре меня и остальных товарищей, после продолжительных допросов, освободили. Все эти зверства производились под личным

наблюдением начальника контр-развездки подпрапорщика Шалашева. Вскоре после моего освобождения из-под ареста, я был вызван на конспиративную квартиру прибывшим через фронт К. М. Тумановым, которым было поручено мне устроить ему свидание с комиссарами и взять деньги из кассы Симского округа. Деньги потом были отправлены с т.т. Стукиным и Чертовым для подпольной работы в Сибирь. Тогда же были завязаны связи со станцией Вязовой, Златоустом, Челябинском и Омском. При выполнении этой задачи погиб наш лучший товарищ — молодой коммунист Новиков Г. П.

В то же время, когда тов. Туманов пошел обратно через фронт, прибыл через фронт другой товарищ — Фатеев Н. Г., который и увел через фронт комиссаров и других товарищей в количестве 12 человек. Это был второй уже отряд, первый ушел немного раньше, в количестве 40 человек, и после всего этого получилось сильное брожение среди рабочих и стремление переходить через фронт к пятой армии. Товарищи миньярцы несколько раз уходили в лес по нескольку десятков человек, стремясь уйти через фронт, но не имея надежного проводника, возвращались обратно.

Когда же тов. Туманов, не найдя возможности перейти фронт воротился обратно в Миньяр, то тут и решили организовать всю стремяющуся молодежь в один вооруженный отряд в количестве 150 человек, который во главе с тов. Тумановым и проводником ушел через фронт. После этого были усилены караулы, начались сильные репрессии и т. д.

С наступлением весны, когда на горах стаял уже снег, а красные войска были уже далеко, первой моей заботой было убрать орудия, которые стояли неразобранными на горе в ста саженях от пасеки. Я пригласил несколько человек надежных товарищей; разобрав орудия, мы сложили их в вырытый для этого ров, завалив его хворостом и землей и задекорировав все это лесом. А когда стали доходить слухи о наступлении красных войск, то встал вопрос о приготовлении оружия, для чего мною был у знакомого администратора завода выпрошен отпуск для двоих товарищей — Чертова Павла Егоровича и Павла Антоновича, которые и приступили к приведению в порядок имеющихся пулеметов и винтовок, отмачивая их в керосине и очищая от ржавчины.

Вскоре началось отступление колчаковских банд. Однажды, придя рано утром к себе на пасеку, я встретил ожидающих меня товарищей: Алексея Васильевича Брагина и Василия Павловича Заикина, которых я зимой проводил через фронт. Это были первые ласточки пятой армии, появившиеся на моей пасеке, которые и сообщили мне о прибытии отряда особого назначения, под командой тов. Гузакова и политкома Туманова, в количестве 40 человек. Они остановились в Воробьинских горах, и получив через них приказ,

я немедленно вызвал товарищей из Миньяра, которые более всех были в курсе дела по хранению оружия: Фатеева И. Е., Воропанова Вас. Тих., Чертова Петра Ивановича и Сулимова Алексея Егоров.

Им было поручено об'явить тайную мобилизацию в Миньяре и Симу и селе Баянке, в результате которой на второй же день с утра можно было наблюдать, как миньярские рабочие с топорами, уздами и удочками устремились в лес, и через двое суток мною было выдано все имеющееся у меня на пасеке оружие: более 200 винтовок, до 40 ящиков патронов, 3 пулемета „Кольта", 1 „Максим" и ленты к ним.

Таким образом, через двое суток в Воробьинских горах сформировался отряд партизан численностью до 200 челов., который не заставил себя долго ждать: начались сначала мелкие, а потом более внушительные стычки, которые парализующе действовали на стоящие в Миньяре банды колчаковцев и наводили ужас на оступающие части белогвардейских войск. За два дня до занятия Миньяра красными войсками, мне было поручено пойти в Миньяр узнать, что там происходит.

В Миньяре в то время, действительно, происходило что-то невероятное: страшная паника среди частей, а в особенности среди командного состава, который метался, как в сильном угаре, не зная покоя ни днем, ни ночью. Не обошлось и без курьеза: в то время в моем доме квартировал полковник 2-го Оренбургского полка, и по приходе моем домой, он позвал меня к себе в комнату, начал мне описывать все ужасы, которые происходили в лесу и, жалея меня, стал уговаривать не ходить больше на пасеку, пока не будет водворен порядок. Когда на следующее утро я собрался итти на пасеку, то он еще раз пытался уговорить меня не ходить в лес, говоря, что он очень меня жалеет, и предложил мне лучше эвакуироваться, но я выставил ему несколько причин: болезнь детей и т. д., и получив от него пропуск, отправился на пасеку.

Когда я подходил к заставе, то в это время под'езжал из леса отряд казаков человек 40, они вели несколько раненых лошадей и везли раненого казака. Когда начальник заставы смотрел у меня пропуск, начальник эскадрона, как раз'яренный зверь, подскочил, разразившись страшными ругательствами и закричал на меня: „Что тебе нужно и откуда ты?" Я ему сказал, что из Миньяра и еду на пасеку.

Это его еще больше взбесило, и он закричал на меня: „Где твоя пасека"? Тогда я ему показал ее направление; он со страшными ругательствами показал мне на раненого, говоря: „Вот они до чего довели ваши-то пасеки".

При этих словах меня передернуло: я подумал, что они были на пасеке и наткнулись там на ребят, которые остава-

лись в моем отсутствии, и уже ждал себе вознаграждения за все мои заслуги перед ними. Офицер выхватил шашку из ножен и закричал: „Иди домой, пока твоя башка цела“.

Я понял, что время расплаты для них еще не настало, и не замедлил исполнить его приказание. Оказалось потом, что в эту ночь товарищи партизаны порядочно потрепали упомянутый выше казацкий раз'езд. Придя домой, я решил пробыть дома до вечера и ночью, уже минуя заставы, уйти в лес, но передумал и при помощи опять того-же полковника мне удалось пробраться в лес. На следующий день рано утром началось сильное наступление красных войск, и к вечеру того-же дня Миньярский завод был занят красными войсками.

(Из статьи **И. И. Смирнова**).

За советский Урал.

(Воспоминания миньярского рабочего).

При занятии Симского округа войсками чехов, отдельные рабочие разбежались по лесам: комиссары заводов и другие активные товарищи ушли также в леса. Очень скоро на заводах появились технические руководители, которые работали на заводе до национализации. Появился также бывший главный управляющий и главный эксплоататор Симского горного округа, инженер Умов, приступивший к частичным работам на заводе. Рабочие, затаив ненависть к возвратившимся эксплоататорам, стали к станкам. С восстановлением нелегальной организации нам удавалось успокоить рабочих и вселить в них надежду на скорое возвращение советской власти.

С приближением к Симскому горному округу чехословацких войск, я получил от Локацкова устное предложение: взять из окружной кассы деньги и отправиться на своем паровозе в Уфу под предлогом, что мы эти деньги везем в банк, а часть их — для размена к расчету рабочих. Захвативши деньги я, Локацков и комиссар Аша-Балашевского завода на своем паровозе отправились в Уфу, где встретили начальника штаба Самарской Красной гвардии, который заявил нам, что чехо-словаки заняли раз'езд Дему и нам придется, пожалуй, сдать Уфу. В это время Локацков уехал в город, а мне было предложено итти на пароход, где находились все уфимские работники, и эвакуироваться в Казань. Я это и сделал, но в Казань не поехал, а поехал в Екатеринбург, в горный областной отдел, где т. Сулимову, председателю областного отдела, сделал доклад о положении Симского горного округа. После этого меня назначили комиссаром лесов Усть-Сылвицкой, Серебрянской и Ишимской дач. Дано было задание выгрузить и доставить в Богословский завод 6000 кубов дров. Через недолгое время Екатеринбург был сдан, и войска чехо-словаков подошли к Усть-Сылвицкому заводу. С большим трудом я выполнил полученное задание; затем был сдан и этот завод и мы переехали в Вятку. Проживши в Вятке 5 дней и получивши известие, что Уфа занята пятой армией, я бросился в свой отдел и стал просить, чтобы меня отправили в свою губернию; меня командировали в Уфу с мандатом по организации губернских и лесных отделов. В Уфе я встретился с Локацковым Ф. И. и Гузаковым П. В. Локацков мне сказал;

— Вот хорошо, что приехал, нам нужен человек, могущий пойти через фронт в Симский горный округ к нашим, которые скрываются в лесах и взять деньги, которые мы увезли с тобой из кассы Симского горного округа. Деньги эти надо отправить подпольной организации в тыл противника.

Дали мне отдохнуть два дня, после чего направили к Ив. Ник. Смирнову и Голощекину, от которых я получил задание и мандат на маленькой беленькой тряпочке, вшитой мною в шапку. Получивши от т. Смирнова 200.000 р. денег, я отправился из Уфы для перехода фронта. Хотя с местностью я и был знаком, но все-таки пришлось взять с собой проводника, которого я спросил, желает ли он меня провести на Лимезинскую дачу. Он меня стал спрашивать: „Зачем тебе"? Я сначала ему не сказал. Но узнав, что он был арестован белыми и бежал из-под ареста, я ему открыл, что я — рабочий Аша-Балашевского завода и пробираюсь к своим товарищам. Он посоветовал мне итти на лыжах. Сговорившись с ним, я дал ему 500 руб., чтобы он мне купил лыжи. Он принес их мне и сказал:

— Я человек семейный, мне нужно обеспечить семью на то время, что я прохожу с тобой.

Тогда я ему дал 1000 руб. и на второй день утром мы отправились в путь. Пройдя верст семь, мы стали приближаться к татарской деревне Середняя Лимеза, и я заметил на дороге двух вооруженных кавалеристов.

Говорю своему проводнику:

— Нужно взять левее на Крутой поворот, тут едут казаки.

— Должно быть, казаки догадались, что это — чужие: они остановились, сняли винтовки и дали залп. Одна пуля прожужжала мимо моих ушей. К моему несчастью, мой проводник был крепок на слух. Подошедши к нему ближе, я тронул его, он оглянулся и я увидел его испуганное лицо. Когда мы стали уходить, казаки дали новый залп. Мы в это время спускались уже в раздол и казаки потеряли нас из виду. Скоро мы вышли на неизвестную нам дорогу. Отойдя около 100 саженей от этой дороги, я увидел четырех всадников; тогда я говорю:

— Трофим, это наверное разведка.

Мы остановились; обернулся я назад, смотрю на дорогу, которую мы перешли: выехали два всадника. У меня мелькнула мысль, что нам надо уходить в сторону, но, как с одной стороны, так и с другой всадники под'езжали к нам, а близко около нас леса не было.

Тогда я решил итти прямо по дороге, но у меня в кожаной сумке, висящей на мне, лежало 200.000 руб. У меня мелькнула мысль: если меня будут обыскивать и найдут эти деньги, то убьют. Я, не долго думая, снял с плеч лыжи, как будто бы стал исправлять хомутик, нагнулся и в это вре-

мя взял деньги из сумки и положил их в голенище катаных сапог. Тут же к нам под'ехали два всадника, которых я видел раньше. Это были казаки. Ничего не сказавши мне, они поехали к встречным, которые тоже приближались.

Когда они с'ехались и мы стали подходить к ним, по этой же дороге показалось еще 8 человек казаков; один с ними шел пешком. Пеший оказался военнопленным. Он рассказывал казакам, что в наших войсках идет полный развал. Пензенский полк, как он выразился, не идет в наступление и требует жалования. В этот момент оборачивается ко мне один из казаков и говорит:

— А ты куда, старик, идешь?

А второй ему отвечает:

— Разве не видишь, что это красные шпионы, они ведь ходят только на лыжах.

Я им на это говорю:

— Зачем так оскорблять, нужно сначала спросить, кто и откуда и зачем сюда попал.

— Ну, тогда рассказывай, — приказали мне.

Я стал рассказывать, что я — беженец и живу три года на Манегоре, а работаю в этих лесах Балашевской дачи, на ободном заведении в местности Курышка. Тогда мне задают вопрос:

— А кто на Манегоре?

— Красные, — отвечаю.

— Как же ты сюда попал?

Я им отвечаю, что я пошел к Манегоре к своему семейству, прожил там два дня, а в это время красными войсками была занята наша местность, и мне пройти оттуда без пропуска было невозможно; обращался в штаб Красной армии, который мне категорически отказал, а дожидаться, когда отойдет фронт, мне невозможно, потому, что я считаюсь подрядчиком этого ободного заведения и у меня находится 80 чел. рабочих; я и решил итти не по дороге, а на лыжах.

— А второй кто?

— А второй — мой рабочий, постоянный житель Манегоры.

Нас все же взяли и повели в белогвардейский штаб. Дело приближалось к вечеру. Впереди ехал конный казак, а мы с лыжами на плечах следовали за ним. На одном из поворотов я, подмигнув своему товарищу, надел лыжи и спустился по горке в лес. За мною последовал и Трофим. Преследовать нас казаки не могли, так как снег был глубокий, а лыж у них не было. Стрелять же в лес из-за темноты было делом безнадежным.

* * *

Долго плутали мы по лесам, скрываясь от белых, в конце концов, я прибыл в углежегную дачу Виляй, в 25 верстах от Аша-Балашевского завода.

Через два часа ко мне явился куренный мастер Романов, которому я предложил немедленно с'ездить в Аша-Балашево и привезти ко мне председателя завкома т. Фокина.

В ожидании Фокина я стал расспрашивать о положении заводов и положении рабочих, какое настроение рабочих и можно ли мне в заводе пожить, приблизительно, с месяц. Меня уверяют, что вполне возможно. Приехавший т. Фокин обещает достать нужные документы. На вопрос мой о состоянии завода и о положении рабочих, тов. Фокин ответил, что рабочие ждут и не могут дождаться красных войск. С приближением красных войск настроение рабочих улучшается.

На следующий день тов. Фокин прислал за мной лошадь с тов. Сулимовым Н. П., который мне привез документы, удостоверяющие, что я заведующий ободного Курышкинского завода. Документ этот был выдан управлением Аша-Балашевского завода, а после выяснилось, что т. Фокин сознался ему в том, что этот документ нужен для Туманова, который-де находится сейчас в Виляе.

После того, как я прожил в Виляе двое суток, меня тов. Сулимов увез в Миньяр на завод. Поздно ночью меня привели к моему товарищу Стукину, который в это время жил нелегально у своего тестя Рудакова. Следующей ночью для меня нашли квартиру у товарища Чертова Петра. Привели меня в какой-то двор и сказали:

— Вот, тут, под этой печью, есть вырытая яма. У нас находится 30 человек в квартире, но они не ходят в эту избенку, и в случае, если кто будет стучаться, ты должен спрятаться под этой печью.

Через тов. Чертова, я вызвал тов. Фатеева Федора, и спросил его, где находятся бывшие комиссары Симского округа А. С. Коржаков, Заикин и Сорокин. Тогда т. Фатеев говорит:

— Завтра утром придешь ко мне на квартиру и я тебе дам проводника, с которым ты найдешь этих товарищей.

На второй день утром тов. Фатеев меня с проводником отправил на свою пасеку, где меня проводник оставил со словами:

— Вот тут дожидайся, часов в восемь утра они должны притти сюда за хлебом.

Прошло полчаса и я увидел, что на просеке показался человек на лыжах. Я тогда дал условный свисток: показалось еще шесть человек. Я пошел по направлению к ним.

Они стали приближаться ко мне. Когда мы сошлись, они мне стали задавать вопросы, как я сюда попал. Я им говорю:

— Меня прислали к вам выгнать вас отсюда, чтобы вы тут без дела хлеб не ели, и отобрать у вас деньги Симского округа, на которые я имею документы.

Пошли мы на пчельник к тов. Фатееву, и там сделали маленькое заседание; они мне заявили, что пойдут со мною обратно через фронт. Они мне рассказали о том, что у них организована ячейка коммунистов, председателем которой является тов. Новиков. Возвратившись на завод, я именем И. Н. Смирнова, приказал тов. Новикову передать деньги по назначению в Усть-Катав, Вязовая, Златоуст, Челябинск, Омск, а также организовать связь с этими районами. Кроме того, я поручил Новикову каждую неделю провожать через фронт партию товарищей.

Через три недели мне дали сведения, каким товарищам передали деньги и как установлена связь. После этого я решил отправиться обратно через фронт в Уфу.

Доехал я на лошади опять до куренного Косырева. Обратно, я не решился идти один, и мне тов. Косырев указал одного татарина. Отправился я обратно на лыжах с этим татарином. Дойдя до деревни Лимезы, я узнал, что наши красные войска с Манегоры отступили, приблизительно на 50 верст ближе к Уфе, и мне, значит, проходить через фронт невозможно.

Я вернулся обратно на углежегные печи Виляй. Был вечер. Подходя к первому жилому помещению, я увидел, что у куренного Косырева стоит несколько запряженных лошадей. Я зашел в рабочие казармы, где было 8 человек рабочих — рубщиков, все татары, которым я был хорошо известен. Они мне говорят:

— Тов. Туманов, здесь к куренному Косыреву приехала контр-разведка, вот стоят лошади, на которых они приехали, а они отправились на другие печи Кисляр, которые находятся отсюда в 8 верстах.

Я спрашиваю:

— Что же они здесь делают?

— У них сбежал из штаба наш куренный рабочий, который ходит здесь по куреням с винтовкой и грабит; вот здесь, у нас в Виляе, был ограблен военнопленный, который ушел в Ашу, нажаловался в штабе, и вот сюда приехала контр-разведка и разыскивает этого рабочего.

Я подумал, что этот рабочий не настолько глуп, чтобы дожидаться их на следующих печах, а он уйдет дальше; контр-разведка по этой дороге больше не вернется, а она должна возвратиться в Ашу другой дорогой. Меня накормили

ужином и я прилег на нары. Пролежавши минут 15, слышу треск по дороге. В это время, мать моего проводника вбежала с улицы, подошла ко мне, бормоча что-то по-татарски.

Я понял, что вернулась контр-разведка, махнул ей рукой, — мол, ложись теперь, что сделаешь.

Старуха легла на нары, в это время открываются двери, влетает в казармы прапорщик, в одной руке плеть, в другой — браунинг, и говорит:

— Прибавьте свету.

Вошел еще один солдат, который спросил:

— А здесь есть Гермизиан?

Гермизиан был тот татарин, который провожал до Лимезов. Показался Гермизиан и спрашивает:

— Что надо?

Офицер кричит:

— Иди сюда ко мне, отдай одеяло, отдай часы, отдай деньги.

Я сразу почувствовал, что это не по моему делу.

Впоследствии выяснилось, что этот Гермизиан помогал грабить военнопленного; когда его прапорщик стал бить плетью, он сознался.

В это время ввели куренного рабочего. Прапорщик говорит:

— Ну вот, твоего грабителя поймали, сказывайте, где деньги и часы, где винтовка?

Тут начали их избивать. Я в это время лежал, не вставая. Прапорщик велел арестовать Гермизиана и отвести его в Аша-Балашевский завод в штаб; трое солдат вывели этих двух преступников на улицу.

В это время прапорщик подходит к рабочим-рубщикам, начал над ними махать плетью и говорит им:

— Вы такие-же грабители,—эти грабят, а вы их принимаете.

Рубщики ему отвечают:

— Нет, ваше благородие, мы все фронтовики, недавно вернувшиеся из германского фронта, и мы только работаем, а Гермизиана мы увидели только сегодня,—он находился на пчельнике в сторожах.

Тогда прапорщик подходит ко мне и говорит:

— А ты, кажется, русский?

Я в это время привстал, зажимая спину и притворяясь больным.

— Да, русский.

Он на меня замахнулся плетью.

— И ты такой-же грабитель, а еще пожилой человек. Притворился тут и укрываешься.

Тогда я встаю на ноги и говорю ему грубым голосом:

— Я извиняюсь, господин прапорщик, прежде чем оскорблять пожилого человека, нужно сначала спросить, кто он такой? Я не меньше вашего защищаю народные права,—я работаю на военную оборону, несмотря на возраст. Живу с 80 человеками рабочих в лесу, грызу сухие корки и уговариваю рабочих, чтобы они работали для пользы народа. Рабочие несколько раз отказывались от работы, а я все-таки остался.

На вопрос, кто я такой, ответил:

— Я уже вам сказал: что я—подрядчик Курышинского ободного завода и сюда пришел только час тому назад, переночевать. Я имею документ, если вам угодно, я сейчас этот документ вам покажу.

Как только прапорщик вышел, я, не медля, оделся и отправился этой-же ночью приблизительно верст за 15 к знакомому товарищу на пчельник.

Дождавшись там утра, я вызвал из Аша-Балашевского завода лошадь и отправился обратно в завод Миньяр, где созвав своих товарищей, об'яснил им, что я не мог пройти. Мы решили с'организовать отряд и итти через фронт, в крайнем случае, по такой дороге, где имеются небольшие заставы колчаковских войск.

Поручили организацию отряда молодому коммунисту Василию Грачеву, который с другим товарищем приступил к работе и создал отряд в 150 человек.

Мы имели 75 винтовок и на каждую винтовку по 60 патронов.

Тогда я им указал сборный пункт на углежегных печах, по названию Моховое. С этих печей отряд на лыжах отправился со мной по направлению к деревне Тереклы.

В это время наши красные войска заняли село Никольское, куда мы и должны были пройти. Для осторожности я решил провести его такими дорогами, чтобы не задеть застав колчаковских войск. Шли мы целый день на лыжах, погода была мокрая. Дойдя до деревни Тереклы, где нам нужно было взять направление вправо, мы получили сведения, что в деревне Маркелово заставы нет и можно пройти без боя.

Утром, когда стало светать, я взял направление по намеченному мною пути. Пройдя целый день, некоторые начали обмораживаться. Затем ночью мы вышли на какой-то сгоревший хутор, где нашли только уцелевший сарай. В этом сарае развели огонь и тут провели ночь. На другое утро отправились дальше и к вечеру вышли в село Никольское к нашей пятой армии, где были встречены торжественно. Штаб оказал нам всякое содействие в смысле продовольствия, и на лошадях нас отправил в г. Уфу, где все товарищи-лыжники

были переданы в распоряжение пятой армии. Впоследствии из них был организован отряд лыжников.

Я был отправлен в распоряжение председателя Губернского Уфимского Совнархоза тов. Локацкова. По эвакуации Уфы я работал на Тимашевском заводе, формально представителем по приемке военных повозок от интендантства пятой армии. Моей задачей было во время отступления остаться в названном заводе для разведки в тылу противника. В моем распоряжении оставили также 8 человек сотрудников, которые уже были разбросаны по некоторым местам Бирского и Белебейского уездов; они должны были мне передавать все, что делается в колчаковской армии, а я по проводу, брошенному по реке Кинель, должен был передавать в штаб пятой армии все, что узнавал от своих сотрудников. Но, благодаря энергичному наступлению пятой армии, отступить не пришлось. Я был назначен Ревсоветом по организации конного отряда особого назначения и отправлен в город Мелекес, куда прибыл из Кронштадта отряд подрывников под командой тов. Гаранина, переданный в мое распоряжение. Командиром конного отряда был назначен тов. Гузаков. По распоряжению Ревсовета, в мае месяце нам дали задание отправиться в тыл противника в Симский горный округ. Доехавши с поездом до станции Будзяк, мы отправились по направлению к деревне Охлыстино, которая находится на реке Белой. Под'езжая к названной деревне, мы были встречены политкомом 27-й дивизии тов. Гончаровым, который передал нам, что только, что из этой деревни выгнали колчаковский отряд. Переночевав в названной деревне, утром, совместно с т. Гончаровым, мы направились на берег, где уже был готов плот и 2 взвода красноармейцев были уже переправлены на правую сторону реки Белой. За ними переправили и наш отряд.

В этот же день ушли мы в тыл противника на 35 верст. В деревне Федоровке мы выдали себя. Когда мы в'езжали в эту деревню, мы не заметили, что на мельнице есть застава, которая после нашего проезда вернулась в свой штаб в следующую деревню. Когда к нам заявились двое казаков, мы уже заняли под свой „штаб“ квартиру. Тов. Гузаков изображал прапорщика, я фельдфебеля, а тов. Коржаков А. С. — делопроизводителя штаба. Последний засел за стол с бумагами. В это время к нам вошли два казака, отдавая честь и называя тов. Гузакова „ваше благородие“; казаки заявили, что они такого-то полка и присланы ихним командиром для связи. Они сообщили, что им передали ихние заставы, что в дер. Федоровку зашел какой-то эскадрон, неизвестный им. В заключение казаки сказали, что они ожидали из гор. Бирска конный эскадрон и поэтому полагают, что наш эскадрон и явился к ним на помощь. Мы им ответили:

— Хорошо братцы, идите в другую комнату, посидите немного, а потом мы одного из вас оставим здесь, а одного своего и вашего пошлем в ваш штаб.

Не прошло 10 минут, как явилось еще двое казаков, которым мы также велели обождать. Через 5 минут явились к нам из нашей заставы, которая была оставлена с приказом — в деревню пускать всех, а из деревни никого. Нам сообщили, что вблизи этой деревни показалась цепь человек около 80.

Мы отдали отряду распоряжение спешиться и выступить за деревню. Отряд вышел за деревню и рассыпался в цепь по околице. Прождав приблизительно полчаса, мы увидели, что цепь противника без боя начала вперебежку отступать.

После этого мы снова вернулись в деревню и решили отступить и итти другой дорогой. В этот же день вечером мы отступили, приблизительно, верст на 20 в деревню, название которой не помню, уже занятую нашими войсками. На второй день мы взяли на 15 верст выше и подошли к реке Уфимке к перевозу Красная горка, где как раз в это время на паром вступил противник.

Переночевав в деревне, на второй день мы увидели, что паром уже сожжен и армия Колчака уже отступила на левую сторону реки Уфимки, а оттуда палила беглым огнем на правый берег, сама не зная в кого.

При нас отрядами белых были сожжены две деревни. Ночью мы попробовали сделать переправку на деревню, нам удалось с той стороны вызвать какого-то крестьяннна на лодке. Он нам рассказал, что лодки некоторые потоплены, а некоторые на той стороне сожжены. Тогда мы его спросили, есть ли кто в этой деревне. Он нам ответил, что в конце деревни шесть человек белогвардейцев стоят на заставе. Я дал ему 500 руб., чтобы он нам доставил еще две лодки. Получив от меня деньги, он отправился обратно на другую сторону и вернулся оттуда с каким-то молодым человеком на двух лодках. Тогда мы отправили вперед своих шесть человек, которым поручили снять заставу белых и дать сигнал к переправе. Вскоре после переправы мы услышали выстрелы. Минут через 15 наши опять вернулись и сказали, что придется отступать, потому что мы себя обнаружили, они сейчас уже наготове и у них имеются лодки. Тогда мы этой же ночью отправились еще выше по реке Уфимке и, встретив по дороге свою часть 132-го полка, известили командира, чтобы он к утру прислал два взвода красноармейцев. По приходе этих двух взводов мы их поставили против заставы белогвардейцев в деревне Арюмная и эти заставы завязали между собой перестрелку. На той стороне была крутая гора. Мы же, во время этой перестрелки, переправились на правую сторону реки Уфимки и немедленно заняли

эту гору, взяв с собой проводника, старого лесника. На вторые сутки он нас привел к какому-то кардону и говорит: „Дальше я, товарищи, не знаю, а я сейчас позову вот этого кардонщика, и он вас поведет дальше". Мы очень быстро договорились с кардонщиком и он повел нас по направлению к горе Каратава. По трактовой дороге с Красной горки тянулись бесконечные обозы белогвардейцев. Встретившись с белогвардейцами, мы заявили им, что мы ихние, и попросили остановить обоз, чтобы дать нам возможность пробраться через дорогу. В просьбе нашей они не отказали и мы благополучно поехали дальше.

Утром проводник у нас сбежал. Мы послали одного из товарищей на высокую лестницу, он оттуда все рассмотрел и сказал, что Каратава от нас будет верст за десять, и мы поехали по направлению к ней. Проехав часа 4, мы выехали на неизвестную нам дорогу, которая нас привела к громадному полю, и мы увидели в леске прячущегося от нас татарина, которому немедленно приказали остановиться.

Подъехав к нему, мы спросили его: „Где мы находимся и кто ты такой"? На вопрос он ответил, что их здесь 8 человек рабочих и живут в казарме, верстах в четырех. Захватив его с собой, мы поехали к этой казарме, где застали татар.

Назвавшись белыми, мы сказали, что мы ездим по лесам и ловим дезертиров, которые сбежали с фронта и не хотят воевать.

Один из татар заявил, что он старшина, и что приехали они сюда спасаться от Красной Армии.

Одного из татар, знакомого с местностью, мы решили забрать, чтобы он провел нас к горе Каратава, но татарин отказался один сопровождать нас, и мы скомандовали всем татарам сесть на лошадей и ехать с нами. По нашему разговору они поняли, кто мы, потому, что наши товарищи называли друг друга товарищами, а не братцами. Приехав на гору Каратава, названную Балашевской межой, мы почувствовали себя дома и отпустили татар.

Рассмотрев все горы в бинокль, мы увидели впереди нас знакомый курень по названию Тройчатка и отправились туда. К вечеру мы были в казарме куренного Мартынова, который нам заколол двух своих баранов, накормил и выдал из своей кладовой овса нашим лошадям. Отдохнув сутки, мы двинулись дальше, по направлению к деревне Минька где находились колчаковские отступающие войска к Миньярскому заводу. Приехав на речку Миньяр, мы остановились и одного из товарищей отправили в село Бианку, чтобы он вызвал оттуда надежного товарища пасти наших лошадей. Оставив некоторых товарищей с лошадьми, мы, спешившись, отправились ночью по просеке по направлению к Миньяру.

К утру мы пришли на гору Воробьи, находящуюся в 7 верстах от завода Миньяр и расположившись в нежилой казарме, в тот же день поставили на горе приемник радио, который мы перевезли с собой через фронт. Тут же расставили полевые телефоны. Мы об'явили миньярцам о своем местонахождении и предложили провести добровольную мобилизацию.

На второй день к нам пришли 4 товарища из Миньярского завода, которые сказали, что охотников итти к нам много и нужно назначить сборный пункт.

Мы указали, чтобы они собрались около речки Миньяр и для встречи их назначили т. Коржакова А. С. Кроме того мы отправили одного товарища в село Бианку, чтобы он к нам привел нескольких товарищей, которые согласились бы нас вести дальше в тыл противника. Тут же выделено было 20 товарищей из отряда подрывников под командой т. Гаранина и отправлено под Златоуст для взрыва кусинского моста Уральской железной дороги. Отряд захватил с собою 30 пудов пироксилина.

В тот-же день были отправлены два отряда подрывников под командой т. Гузакова для взрыва моста вблизи Усть-Катавского завода через реку Юрюзань Самаро-Златоустовской жел. дороги. Но этот мост взорвать т. Гузаков не решился, ввиду его громоздкости и большой величины, а отправился обратно к станции Симской и в трех верстах от Симской взорвал мост в 11 сажен через реку Ералку. Но, надо сказать, что взрыв был не совсем удачным и задержал белогвардейское отступление поезда только на двое суток.

Вернулся обратно т. Гузаков, когда уже около нас собрались около 300 человек миньярских рабочих. Командиром этого партизанского отряда был назначен рабочий Симского горного округа т. Фатеев М. Т. и помощником его т. Соколов И. Г., которых отправили для действия в тыл противника.

Скоро слух о хождении рабочих партиями по лесу в районе Миньярского завода дошел до белогвардейских войск, стали появляться сначала небольшими отрядами, человек в 5—6, а потом и целыми ротами каппелевцы с казаками, имевшие целью найти группировавшихся рабочих и, как можно было иногда слышать, показать им „кузькину мать“.

Долго ждать им не пришлось. Около Гремяченской казармы произошла первая схватка между рабочими, никогда, по большей части, недержавшими в руках винтовки и отрядами казаков. Было решено во что-бы то ни стало пробить дорогу и выдворить поселившихся белогвардейцев из Гремяченской казармы. Под командой т. Соколова был отправлен первый взвод в количестве 30 человек. Скоро заметили около нас раз'езд казаков человек в 20, часть которых, очевид-

но, собиралась куда-то уезжать, так как садились уже на лошадей. Медлить было некогда. По ним дали несколько залпов и подняли такую панику около казармы, что казаки бросились в разные стороны, не дав даже ни одного выстрела. Казарму, конечно, мы заняли, забрали оставленное после их бегства продовольствие и, между прочим, печать эскадрона, забытую на столе казармы. Эта схватка показала нам, что дальнейшее наше пребывание в этом районе небезопасно, с другой стороны, нужно было скорей пробиваться навстречу идущим к нам красным войскам, а потому на следующий-же день решено было итти по направлению к Балашевскому заводу. Находились храбрецы, которые говорили, что нужно пойти и нашим отрядом занять Миньяр, но, не имея точных сведений, где находится красный фронт, решено было этого не делать, а рано утром полным составом, за исключением Туманова и нескольких товарищей, двинуться по направлению к Балашевскому заводу. Не доходя до Гремяченской казармы мы увидели человек 40—50 казаков и часть пехоты. Идти дальше без боя было нельзя. Нужно было во что бы то ни стало пробиться. Рота разделилась: один взвод пошел отрезать дорогу от казармы к поселку Мини, другой захватил дорогу к Миньяру, а два остальные, под командой Фатеева и Соколова, при подаче условного сигнала, когда дороги отступления будут отрезаны, должны были повести наступление на казарму. Приблизительно через 1/2 часа мы услышали сигналы наших взводов и начали подвигаться цепью к казарме. Не доходя шагов 70, мы встречены были сильным залпом из ложбинки, около казармы. Мы ответили и начали быстро двигаться вперед. Когда наша цепь и цепь неприятеля были совсем близко друг от друга, послышалась команда командира казачьяго отряда об обходе нашего правого фланга. Медлить было некогда, мы дали несколько залпов и с криком „ура“ бросились в штыки. Как только они услышали команду в „атаку“, цепь их в панике бросилась бежать, а за ними растерявшиеся казаки. Вот тут-то уже, вероятно, вдоволь насладился каждый стрелок из партизан: казарма, обоз, часть лошадей, пленные были у нас в руках, а через несколько мунут все бежавшие еще раз испытали, как расправляются рабочие партизаны со своими врагами, так как были встречены на пути отступления нашими двумя взводами и отрядом конных, под командой тов. Гузакова.

Через час весь наш отряд был уже в сборе и двинулся дальше с трофеями. Погода сильно испортилась в течение последних двух дней; пришлось двигаться под сильным дождем, но не было слышно ни одного слова ропота. На третий день мы были уже в районе Аша-Балашевского завода, около Репных печей, где на горе и расположились провести ночь.

Ночью наши посты доложили, что на дороге через Репные печи началось какое-то сильное движение: оказалось, что это шли отступающие войска с обозами; по ним мы и заключили, что красный фронт близко, медлить нельзя и мы задались целью отрезать обоз. Было решено с наступлением утра это сделать. Распределились мы таким образом: конный отряд, под командой Гузакова, со взводом пехоты, под командой Изева, должен был отрезать из середины более выгодную часть обоза и завернуть ее по дорожке в ущелье на горную дорогу на Баскак; второй и третий взводы, под командой Фатеева М. Т., ударяют в задние части и прикрывают завернутый обоз, а четвертый взвод, под командой Соколова находится в резерве, на случай обратного отступления в Ашу около Репных печей.

Прошло около часа томительного ожидания; наконец, пошел обоз с оружием и пулеметами: его-то нам и было нужно. Раздались наши первые выстрелы, им ответило несколько пулеметов с возов и беспорядочная ружейная стрельба, — началась паника. Белогвардецы бросили обоз, бежали, отстреливаясь и в результате получасового боя, до 56 подвод обоза с оружием, бельем и 60 кухнями, телефонами, обмундированием и частью с делами Симского горного округа было в наших руках.

Все отбитое было направлено на гору. Но мы чувствовали, что этим, конечно, дело не кончится, обоз с пленными и двумя взводами был уведен далеко вглубь горы, а остальные два взвода, под командой Соколова, были оставлены в прикрытии с таким расчетом, чтобы в случае погони, задержать наступающих. Взводы были размещены по двум хребтам так, чтобы можно было далеко видеть всякое движение погони, которая могла быть по дорожке, проходящей между хребтами в самом узком месте. Была быстро установлена телефонная связь с разместившимися в расстоянии $1^1/_2$ верст обозом и двумя ушедшими взводами. Прошло около часа — казалось все утихло. Но вот пост на большой дороге около Репных печей дал сигнал о движении на нас каких-то частей войск. И тут все увидели приближение их. В первом отряде кто-то нес красный платок и махал нам. Мы предположили, что нас хотят обойти этой красной тряпочкой, так-же, как мы обходили белых, когда бились с ними, имея у себя нашитые погоны. Вот уже первые из них подошли к нашему часовому в узком проходе между хребтами и кричали: „Здорово, товарищ“!

Медлить было нельзя, так как вдали движение по дороге на нас продолжалось. Командир взвода Соколов с двумя товарищами соскочил с хребта к часовому и по команде „руки вверх“ предложил прибывшим сдать оружие. После

упорных доказательств со стороны прибывших, что они красные, они были обезоружены и направлены на гору. Обезоруженных было 9 человек, при чем тому, который выдавал себя за командира красного батальона, предложено было прекратить движение на нас его частей — в противном случае мы откроем огонь. Под конвоем трех наших он направил одного к Репным печам остановить движение.

Движение действительно остановилось. Прошел напряженный лихорадочный час. Мы уже начинали подумывать, что попали в переделку, но отправленные нами возвратились, и тов. Гузаков об'явил, что это первые ласточки красных войск, которые шли к нам на помощь, узнав, что отряд рабочих Симского горного округа вступил в бой с отступающими войсками. Громкое несмолкаемое „ура" раздалось по хребтам, пулеметные залпы подхватили радость рабочих партизан по случаю встречи с красными войсками. В эту же ночь наш отряд влился в регулярные части красных войск, в 234-й полк, и повел наступление на Миньяр, который через сутки был в наших руках.

К. Туманов.

Октябрь в Златоусте.

Эс-эры и власть Советов.

Крепко засели в совете меньшевики и эс-эры: Голендер, Гогоберидзе, Филатов, Овчаров, Дятлов и их вооруженная опора под командованием Каменского.

Уж немного им оставалось дождаться до исполнения их заветной мечты — учредительного собрания.

Но, вдруг известие: в Петрограде временное правительство арестовано. Власть перешла в руки большевистских советов.

Зашевелились... Зачуяли беду... стали вооружаться.

Но не спали и рабочие.

В совете междоусобица.

Меньшевики твердят свое, большевики — свое, эс-эры — свое.

Эс-эры своим большинством стали брать верх и играть главенствующую роль.

Чувствовалось, что без вооруженной силы ничего не сделаешь.

Большевики стали вооружаться.

Появилось оружие.

— Куда его?

— Давайте на мезонин.

Сложили, поставили караул.

Эс-эры пронюхали — решили обезоружить большевиков.

Положение обострялось с каждым днем.

Рабочие были готовы — ждали сигнала.

На стыках рельс.

...Шумно гуторят пассажиры в душном вагоне, а им вторит скрип и гул вагона на стыках рельс. Разношерстная публика едет: тут и мешечники-спекулянты, тут и фронтовики, пробирающиеся с фронта домой в Сибирь.

— Ты куда, дружба?

— Да вот, за хлебушком надыть в Сибирь-ту с'ездить. Говорят под Курганом можно взять, а уж как тут не будет, так проеду до Петропавловска. У Челябы, говорят, и нечего делать. А ты, што, служивый, домой штоль пробираешься?

— А што мне. За кого воевать? Довольно повалялись в окопах-то. Домой теперя надо, потому, как три года уж не был дома-то.

И начинается проклятие за потерянные три года жизни без пользы, в муках, переживаниях, страданиях.

А в углу вагона сидят два человека с сосредоточенными лицами.

Видно, что глубокая дума сидит в их мозгах.

Крепко прижимают они папки, туго набитые бумагами.

То — участники свержения временного правительства в Петрограде, товарищи: Леонид Е. Преображенский и Назаров Михаил.

Никто в вагоне не подозревает, что эти два человека из центра пробираются на Урал с крепким зарядом петроградского лозунга:

Вся власть советам!

Вот и Златоуст.

— Ну, товарищ Леонид, я дома. Завтра-же принимаюсь за работу.

„Из центра".

— Ну, ребята, Назаров приехал... Сегодня в театре собрание.

— Все приходи!..

Быстро облетела весть по всем рабочим и служащим о приезде Назарова.

Вечереет. Быстро, в назначенный час, театр набился рабочим людом. Тут и промасленные машинисты, тут и в порыжелых шинелях и мохнатых папахах — кондукторы. Стонет зрительный зал от гула собравшихся.

— Уж скоро-ли начнут-то? Кажись уж достаточно собралось,—выражают нетерпение.

Звонок.

Председатель открывает собрание.

— Товарищи, на повестке дня один вопрос — доклад тов. Назарова со с'езда железнодорожников.

На сцене появляются знаменитые назаровские усы, а с ним свежие новости из центра.

— Товарищи, временное правительство, состоявшее из помещиков (Терещенко, Керенского, Львова, Коновалова и других приспешников капитала) пало.

Зашипели, завозились эс-эры и меньшевики.

Нужно, что-то предпринимать.

Вышел Плеханов.

— Товарищи, большевики врут, что в центре решили передать власть советам.

— Долой его с трибуны!..

— Ты сам врешь, что в центре ничего не произошло...

— Предатели, изменники...

Загудели все. Поднялся шум. Все слилось в один гомон.

А меньшевики и эс-эры все еще пытаются перекричать всех.

Вдруг, зычный голос председателя заставил умолкнуть.

— Товарищи, тише! Внесено предложение...

— Давай говори...

Воцарилась тишина.

— Товарищи, внесено предложение—согласиться с решением 4-го с'езда о передаче власти советам...

— Правильно, так и надо.

— Голосуй...

— Неча больше толковать...

— Взять власть в свои руки.

— Я голосую: кто за передачу власти советам — поднимите руки...

Лес рук... Большинство...

— И так, товарищи, с этой минуты власть переходит советам...

Вз'ерепенились соглашатели...

— Захватчики...

— Провокаторы...

Но их уже никто не слушал.

Приступили к организации боевого отряда, вооружаясь винтовками, привезенными Назаровым.

Кто кого?

С городом завязалась связь. Первым пришел Виталий Ковшов.

— Надо, тов. Назаров, торопиться. Рабочие в городе прослышали, что у вас тут делается. Ждут.

— Ну, а как себя ведут члены совета? Все те-же?

— Те-же: Голендер, Овчаров, Каменский и К-о. Бодрятся еще. Говорят, не страшны-де нам большевики—сметем.

— Ну, это еще видно будет, кто кого сметет.

— Ну вот, что Ковшов. Давай завтра к вечеру иди со своим отрядом к нам в казармы. Мы ждем Елькина из Челябинска. Как только он прибудет со своим отрядом, так двинемся вместе в город.

— Ладно, тов. Назаров.

— Ну давай, Ковшов, орудуй.

„Сначала эс-эров, а потом Дутова".

Тихо подошел к ст. Златоуст поезд с отрядом тов. Елькина.

Из вагонов весело высыпала пестрая гурьба—елькинцы.

Сам Елькин энергичной походкой приближается к назаровцам.

— Ну как, товарищи, дела?

— Ждем тебя, тов. Елькин. Думаем эс-эришкам, да меньшевикам жару наддать, да вот решили подождать тебя, чтобы без промаха получилось.

— А я к вам за помощью приехал — Дутова надо доканать.

— Ну вот, давай сначала здесь управимся, а потом за Дутова возьмемся.

— Ну ладно, а шамовка есть?

— Есть все, давай занимай казармы.

— Стройся братва. Пойдем в казармы. Тут тоже делишки есть.

Веселые ребята.

Весело расположились елькинцы в казармах за речкой.

Хрипит заливаясь „тальянка", а удалые ребята—кто во-что горазд.

Откуда-то достали „господский" цилиндр. Смешит всех отрядный комик „Кривой".

— Ну-ка, Кривой, покажи, как буржуй ходит.

— Сейчас, Митька, вот только цилиндр почищу — запылился маленько, неприлично пыльный-то одевать.

Гогочут на нарах. Весь день „ералашили", а к вечеру замолкли.

Пришел из города с отрядом Ковшов.

Митинг. Решили во что-бы то ни стало сегодня ночью сделать все.

Разошлись.

Руки вверх—сдавайсь...

Наступила темная, глухая ночь на последний (прощальный) день масленицы 26 февраля 1918 года. В казармах зашевелились, забрякали винтовки.

Достали из-под нар пулеметы.

—Ну, готовы, ребята?

—Стройся...

Высыпали на улицу, построились.

Команда: отряд, шагом марш.

В рядах не слышно никаких разговоров. Впереди— Елькин верхом на лошади. По бокам—Назаров, Ковшов, Савицкий и др.

Малково... Ветлуга...

Тихо подошли к плотине.

Разведка сообщила, что в городе все тихо. Наш обходной отряд зашел с противоположной стороны.

— Отряд в цепь!..

Мигом раскинулись и стали полукругом стягиваться по площади к совету.

— Вперед, товарищи, на приступ...

Бросилась всколыхнувшаяся цепь.

Впереди: Ковшов, Елькин, Назаров, Савицкий, Хорьков, Голдырев, Копанев, Кочегаров, Чевардин Алексей, Коротов, Лямкин, Стрельцов, Чудинов и другие.

Ворвались в помещение.

— Руки вверх! Сдавайся, соглашатели...

Перетрусили эс-эровские главверхи, только один Каменский еще хорохорится:

— Уходи, шпана... Бомбу брошу,..—Не понял, очевидно, всю серьезность положения. Но не тут-то было.

— Именем Революционного трибунала и Совнаркома—вы арестованы—заявил Ковшов.

В бессильной злобе, с злорадной усмешкой сдался Каменский.

Загудел тревожный гудок.

В снарядном цехе собрались рабочие.

Кинулись туда.

—Товарищи! меньшевистско-эс-эровская, соглашательская власть пала и перешла в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Наш лозунг: **Мир, хлеб и земля.**

Рабочие не замедлили сказать свое решительное слово:

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ.

В. Беляков.

Привет назаровцам.

(Страничка воспоминаний).

Это было в те трудные времена, когда армия Колчака нанесла нам тяжелый удар под Уфой и, разбив нашу 5-ю армию, стала быстро наступать к берегам Волги. Положение на фронте еще более ухудшилось от того, что противник удачным маневром сшиб наши части к югу от Чишмов и, направление Чишма — Симбирск осталось совсем без прикрытия. С большими препятствиями нам, правда, удалось вытянуть на это направление потрепанную и слабенькую бригаду под командой тов. Блажевича (ныне начдива I Туркдивизии). Но противник, прекрасно учитывая нашу слабость на указанном направлении, то и дело наносил истомленной бригаде Блажевича чувствительные удары, вынуждая ее чуть-ли не к ежедневным отходам.

Картина вырисовывалась до ужаса ясная. Не оставалось сомнения в том, что именно здесь противник достигнет своей цели и овладеет берегами Волги. В бессильной злобе пришлось отыскивать всевозможные средства, чтобы, хотя на время, пока мы не окрепнем на других фронтах, задержать проклятое продвижение врага.

И вот, в эти часы самой трудной и напряженной работы по изысканию сил и средств, в Революционный Военный Совет восточного фронта явился железнодорожный рабочий, тов. Назаров, со станции Бугульма и предложил сформировать бронепоезд с дессантным отрядом.

Такое предложение в тот момент, конечно, было не первое, и я уже по опыту хорошо был с ним знаком. Авторы предложений сулили полки, а некоторые даже дивизии. Но результаты от этих посулов были очень убогие, т. к. все инициаторы формирования бессильны были преодолеть обычные затруднения, в роде недостатка лошадей, вооружения, обмундирования и проч. Наученный горьким опытом, я встретил тов. Назарова с некоторым предубеждением, заранее жалея о времени, которое придется потратить на беседу с ним.

Однако, я очень скоро должен был признать себя совершенно неправым, а свое предубеждение против т. Назарова досадным следствием моего переутомления.

Тов. Назаров совсем оказался необычным организатором. Его затея отнюдь не походила на желание создать какой либо „лихой“ отряд партизан, который, в лучшем случае, можно было бы впоследствии использовать на пополнение строевых частей, а в худшем — он доставлял бы только лишние заботы своей требовательностью и неорганизованностью. Предложение тов. Назавова сводилось к попытке использовать товарищей железнодорожников, как вооруженную силу, чтобы ими усилить слабеющие наши части. Для этой цели он и предложил сформировать бронепоезд с дессантным отрядом, при чем затребовал два японских орудия с небольшим количеством снарядов и 4—6-ю пулеметами.

На мой вопрос: „А как же быть с прочими предметами вооружения и снаряжения, без которых трудно сделать бойца“, тов. Назаров скромно ответил: „Этого нам не надо, кое-что из вооружения имеем, а недостающее достанем на фронте, — ведь много раненых, есть и выбывшие из строя. Товарищи уже отправились на фронт и кое-что привезут“. Поразительная по тем временам скромность, а равно и разумная мысль использования местных сил и средств для усиления фронта была столь заманчива и явилась на столько отвечающей моменту, что не оказалось никаких препятствий к признанию такой самодеятельности самым правильным подходом в создавшейся обстановке, и тов. Назаров немедленно получил разрешение, а также и некоторые средства.

Закончив принципиальные разговоры, я поинтересовался узнать, как представляет себе тов. Назаров работу бронепоезда с дессантом. Задавая ему этот вопрос, я далек был от мысли производить ему какой либо экзамен: я только интересовался планом работы дессанта, которых в то время при наших бронепоездах совсем не было. Об'яснения, которые я получил от т. Назарова, убедили меня в том, что в лице тов. Назарова мы имеем ту одаренную натуру, которую смело можно поставить среди самородков-талантов.

— Прежде всего, — сказал он, — бронепоезд в одиночку работать не может. Эта батарея артиллерийская и пулеметная. Батарею свою я должен выдвинуть вперед и поставить ее так, чтобы вести по противнику продольный огонь. Противник, попав под такой огонь, не выдержит и будет подаваться назад. Тогда пусть наша цепь наступает, а я с бронепоездом продвинусь вперед.

— Правильно, тов. Назаров, — невольно перебил я, — но для чего же тогда вам дессант?

— Как для чего! — ответил тов. Назаров, — без дессанта выдвинутый поезд не удержится и вынужден будет отойти.

Ведь из каждой деревни в него будут палить, нам надо из этих деревень выбить противника затем, чтобы делать разведку для следующего передвижения.

Поясняя это тов. Назаров набросал схему.

— Кроме дессанта, тов. Каменев, — продолжал т. Назаров, — мне нужно организовать ремонтную летучку, вооруженную пулеметами. Летучку я пущу вперед, она или осветит мне, что путь исправлен, или исправит его. В летучке будет один вагон, вооруженный пулеметами; там же будет часть дессанта, ну, и, конечно, там же будут ремонтные рабочие и материал. Рабочие будут вооружены. Исполнив свою задачу, летучка уйдет назад и ее заменит бронепоезд, а летучку будут держать позади на случай, чтобы противник не испортил в тылу полотна, да не отрезал бы бронепоезд.

На этом мы и закончили свою беседу. Передо мной был новый прием работы бронепоездов, и совершенно неожиданно отыскался самородок военного дела.

Уже после того, когда мы разбили Колчака и вновь собрались овладеть Уфой, тов. Назаров приехал и привез с собой рапорт о разрешении расформировать свой бронепоезд, т. к. задача им была выполнена, а железная дорога теперь особенно нуждалась в рабочих. Разрешение на расформирование ему было немедленно дано, при чем, я, конечно, поинтересовался, какие боевые задачи и когда выпали на долю бронепоезда.

Тов. Назаров с гордостью сообщил, что общий, решительный переход в наступление на симбирском направлении был начат выдвижением его бронепоезда, работа которого была именно такою, какою он рисовал мне ее в первое свидание. Одновременно он показал схемы тех боевых положений, какие поезд занимал в период интереснейших боев нашего наступательного периода. К глубочайшему моему сожалению, эти схемы у меня не сохранились, а воспроизвести их по памяти я не могу.

По этой причине я вынужен окончить свою заметку.

Почему именно этот эпизод, а не другой захотелось мне запечатлеть в день „воспоминаний“? Дело в том, что самодеятельность является, пожалуй, одной из наиболее ярких черт в истории Красной Армии. В старой царской армии и в армиях других государств самодеятельности не было, да, надо думать, никогда и не будет.

На этом небольшом примере я хотел указать, откуда и как эта самодеятельность шла в Красную Армию. Она шла извне, в лице тех одаренных рабочих, которые не могли оставаться равнодушными к деятельности Красной Армии и прила-

гали все свои силы, чтобы хоть что нибудь вложить в дело борьбы, в которой побежденными остаться было нельзя. В самой-же Красной Армии, молодой и полной порыва, эти отдельные начинания даровитых товарищей всегда встречались весьма охотно и по той простой причине, что Красная Армия не имела того казенного трафарета, при котором ничего, кроме кем-то испытанного и одобреннного начинания не могло, да и не должно было проникать.

В 4-ю годовщину, в день „воспоминаний“ я шлю всем товарищам „назаровцам“ свой пламенный привет и был бы очень счастлив, если бы эти строки дошли до тов. Назарова, о котором здесь идет речь [1]).

С. Каменев.

---

[1]) Напечатано в „Военном Вестнике“ № 4 от 23/XI—1922 г.

Кровавый год в Юрюзанском заводе.

8 июля 1918 г., отряд Красной Армии отступил из Юрюзани, и ее заняли чехи; 8 июля 1919 года, белоармейские полки были изгнаны из Юрюзани, и ее с боем занял красноармейский полк.

Прошел ровно год, кошмарный, кровавый год, самый тяжелый из всех, какие есть в памяти у жителей Юрюзани. Как много наших товарищей расстреляно за этот год, как устали мы за этот год, как поредели наши ряды.

После отступления, в нашем отряде наступила полная дезорганизация и паника. Причин этому было много, а главное — полное отсутствие связи с другими отрядами Красной Армии. Уфа, Златоуст и соседние заводы, кроме Катав-Ивановского, Тирлянского и Белорецкого, были уже заняты чехами. На Юрюзанский завод наступали чехи со ст. Вязовая. Слухи доносились о том, что Сибирь вся поголовно восстала за учредительное собрание, что Самара, Саратов, Сызрань, Пенза, Казань и Нижний тоже восстали за учредительное собрание, что формируется добровольческая армия учредиловцев.

Солдаты—фронтовики, поднявшиеся вместе с нами на защиту советской власти, под влиянием этих слухов изменили нам. Мы отступили одни, и нами овладела паника, отряд начал разбегаться. Масла в огонь подлил еще слух о том, что чехи красноармейцев не арестовывают и не расстреливают, что только они пробивают себе путь на Дальний Восток, желая отправиться к себе на родину. Мы поверили этим слухам, и я, да еще двое товарищей решили отправиться на Юрюзанский завод, чтобы узнать, вступили в него чехи или нет. Взяв у начальника отряда пропуск, мы отправились. В село Юрюзань мы шли спокойно, не ожидая здесь никакой опасности. Но оказалось, что мы в этом ошиблись: у села мы наткнулись на заставу. Застава состояла из солдат николаевской службы. Мы с ними завели разговор, расспросили, есть ли в Юрюзани совет и т. д. Солдаты сказали, что совет есть, состоит он из солдат, что Юрюзань уже заняли чехи.

Уйти от этой заставы уже не было никакой возможности. Солдаты предложили нам сдать оружие. У меня было тогда три бомбы и браунинг, у моих товарищей только бомбы. Сдать оружие мы не согласились и стали упрашивать солдат пропустить нас к заводу, чтобы узнать там лично о

положении дел. После некоторого колебания солдаты согласились. Они проводили нас до Большой улицы, а потом скомандовали итти прямо в совет. Мы пошли совсем в другую сторону. Тогда солдаты открыли по нас огонь.

Утром я отправился в „совет“ и увидел там „доблестных“ восстановителей справедливости, с орденами на груди, с бело-зелеными лентами на фуражках. Тут я почувствовал весь ужас, всю свою ошибку, которую я сделал, явившись в этот лагер контр-революции. Меня повели к коменданту. Тут я сдал одну из моих бомб, а остальное оружие припрятал. После этого меня посадили в подвал. Здесь я встретил уже многих из своих товарищей, которые рассказывали мне о первых наших потерях. Были расстреляны товарищи: Я. А. Зайцев, Н. М. Гончаров и И. О. Сахаров. В подвале нас продержали 8 дней, а потом отправили в златоустовскую тюрьму: в тюрьме просидели мы около 3-х месяцев, ожидая день и ночь смерти. Затем отправили нас, не помню с какой партией, в Т о ц к и е лагеря по Ташкентской дороге. До этих лагерей мы ехали четверо суток и за эти четверо суток кормили нас только один раз на ст. Уфа. Тяжело было смотреть на тех товарищей, которые не имели ни куска хлеба и ни копейки денег. Нам не давали не только хлеба, но и воды, обрекая на голодную смерть. Не лучше был о и тогда, когда мы прибыли на территорию учредительного собрания. Здесь нам не только не давали куска хлеба, но отнимали у нас последнюю рубашку, издевались над нами и все время грозили расстрелять. Это были эс-эры и меньшевики, именовавшие себя защитниками трудовых масс.

Благодаря тому, что председатель юрюзанской следственной комиссии сильно любил брать взятки, нам удалось его подкупить и нас освободили 5 октября. Мы были доставлены в Юрюзань и распущены по домам с наказом, что за одно слово в пользу советской власти мы будем расстреляны без суда.

После колчаковского переворота, нас снова вздумали арестовать, но тут некоторым из нас, в том числе и мне, удалось бежать. С этих пор начались наши скитания по трущобам и лесам. Но многие из наших товарищей были пойманы и расстреляны, некоторым удалось скрыться. В феврале месяце, мы случайно наткнулись на подпольную организацию и решили сохранять постоянную связь с ней. Все усилия мы направляли к тому, чтобы организовать партизанский отряд, достать оружие и весной начать вооруженные действия. Инициатором данного дела был М. Н. Долинин. Но создание отряда было не таким-то легким делом, так как негде было достать оружие. В это время в нашем отряде было уже 50 человек вооруженных, но связи с какими нибудь крупными организациями мы еще не имели. Как-то в вязов-

скую организацию явился человек с документами из Советской России, но мы сразу, по выходкам его, узнали в нем шпика и решили его задержать. Мы послали 5 человек для расправы с ним, но он, видимо, догадался, что ему грозит опасность и улизнул на Вязовую, где уже в это время действовал карательный отряд. Со ст. Вязовая карательный отряд направился в Юрюзань и наши товарищи из Юрюзани бежали к нам в отряд, но тут случилась измена: карательному отряду удалось захватить Долинина, который под страшными пытками не выдержал и выдал товарищей. Двое из них успели скрыться, а остальные были после пытки расстреляны. Долинин, не удовлетворившись тем, что выдал товарищей, повел карателей в лес разыскивать наш отряд. Мы были открыты, по нас начали стрельбу. После небольшой перестрелки мы были совершенно разбиты: четыре товарища были убиты, двое ранены, один захвачен и повешен. Началась беспощадная расправа с нами. Расстреливали, вешали по первому подозрению.

В Юрюзани даже имела место такая, чисто средневековая, картина зверств: тов. М. Варганов был повешен на самой главной дороге из центра завода, над висилицей красовалась надпись: „Так будут наказаны все". Труп его долго оставался неубранным.

Жители Юрюзани никогда не переживали еще такого ужаса. Все взрослое мужское население попряталось, разбежалось. На заводе не было ни души, карательный отряд рыскал по лесам, отыскивая новые жертвы. Всего ведь не опишешь, весь этот ужас надо пережить, перечувствовать, описать же трудно...

Но вот в Юрюзани снова отряд Красной Армии. Об'явлена мобилизация и все спешат записаться. На улицах заметно большое движение. И откуда взялись только люди? Многие повылезали из своих подполий, многие вернулись из лесов и гор. Теперь у всех одно решение — б о р о т ь с я до конца вместе с Красной Армией за укрепление советской власти.

Будем сильными, будем бодрыми, товарищи.

Пусть крепче связывает и роднит нас кровь погибших и замученных братьев.

К. И.

Муратовка.

(Память колчаковщины).

В 1919 году, 17 марта я прибыл из германского плена на родину в с. Муратовку. Что было в Муратовке... Колчаковские офицеры выгребали последний хлеб у крестьян, не оставляя даже на семена и еду; на протест хозяина, что не оставляют на еду и семена, ответом была плеть с словесным добавлением: „А, ты, сукин сын, еще сеять думаешь".

Самые ярые приверженцы белой власти из зажиточных крестьян, остались в недоумении и разочарованными и при всяких удобных моментах стали близиться к большевикам, спрашивая, как поступить, если отбирают хлеб и бьют плетью.

Обыкновенно местные коммунисты говорили так: „Нужно организоваться и прятать хлеб и не давать белой армии и не выдавать друг друга".

Действительно, число дезертиров из белой армии росло каждый день; когда был фронт у Улутеляк, все местные ребята, мобилизованные Колчаком, пришли домой и скрывались в лесу с коммунистами; даже в последние месяцы колчаковщины коммунистам стало легче и свободнее находиться в селе потому, что никто не смел выдать, а наоборот, если являлся какой нибудь отряд, то первым долгом сообщали коммунистам, чтобы побереглись.

Стали больше уважать коммунистов, помогать Красной Армии, интересоваться, где красные, какие имеют успехи и спрашивали друг друга: „когда-же придут красные"?.. В последних числах июня месяца 1919 г. пришлось уйти всем мужчинам в лес и увели с собой лошадей, чтобы не дать белым.

В последние дни колчаковщины, белые офицеры об'явили мобилизацию мужчин до 45 лет, но никого не могли взять; тогда была об'явлена мобилизация женщин, рыть окопы, с 16 до 50 лет.

Я помню, когда к нам ночью в лес прибежали девки и замужние женщины и рассказывали о всех творящихся ужасах: во всех домах полно было белых солдат, костры посреди улиц и дворов, несмотря на то, что были летние жаркие дни, все растаскивали, что было в домах и, наконец, стали гнать стариков рыть окопы. Но это продолжалось недолго, красные были уже в 5-ти верстах, а белые отступали. Как

сейчас помню, вечером в лесу раздался голос: „Товарищи, домой в Муратовку к красным“,—и никто уже не думал о провокаторстве.

Все направились в Муратовку, а утром все с желанием ехали в подводы.

Через четыре дня была об'явлена мобилизация в Красную Армию до 30 летнего возраста, никто уже не думал убегать в лес, а все собрались и стройно, со смехом и песнями пешком пошли на позицию.

П. Алякин.

Взятие Златоуста красными.

По выходе частей 5-й армии на восточный берег реки Уфы, ближайшей задачей ее являлось овладение Уральским хребтом и перевалами в районе города Златоуста. С этой целью командир 5-й армии приказал: „Частям 27-й дивизии после переправы через реку Уфу выйти на линию Ново-Белокатай — Утяшево — Алатузово — Леузы — В.-Сагирова и Ибраева", куда 27-я дивизия и вышла к сроку, форсировав 3-й бригадой реку Уфа в районе Ураз—Бахты. Головными полками, форсировавшими реку Уфу, были 241 Крестьянский и 242 Волжский, которые, ценой около 360 человек убитыми и ранеными, переправились через реку.

На фронте дивизии по тракту на Златоуст отходили расстроенные части 12-й Сибирской дивизии и части 7-й Уральской дивизии Колчака с влитыми в них кавчастями (на левом фланге).

Форсировав 1-го июля реку Ай, части 2-й и 3-й бригады 3-го июля выдвинулись на линию Ибраево — Сагирово — Леузы — Алатузово, захватив в районе Сагирово — Леузы одно скорострельное орудие, два замка и 5 станковых пулеметов. 3-го июля была получена директива командарма, которой изменилось направление движения 27-й дивизии и соседней 26-й дивизии; 26-й дивизии приказывалось: левофланговыми частями выйти на тракт Верх. Киги — Саткинский завод и наступать в направлении на Златоуст, 27-й дивизии — перейти в наступление в общем направлении на станцию Арша. В соответствии с этим изменились и разграничительные линии.

Для исполнения вышеизложенной директивы командарма, по 27-й дивизии был отдан приказ: 2-й бригаде — оставить в районе Верхние-Киги один полк до выхода частей 26-й дивизии на тракт, а остальным частям 4-го июля перейти в наступление в направлении на завод Кусинский и овладеть им 6-го июля; 3-й бригаде занять к 6-му июля район станции Арша, и, имея заслон в районе станции Гривенка, содействовать 2-й бригаде овладению заводом Кусинским ударом с севера; 1-й бригаде занять линию Утяшево — Нов. Белокатай — Ташево и обеспечивать с севера наступление 2-й и 3-й бригады.

4-го июля части дивизии приступили к выполнению своих задач. 2-я бригада, оставив в районе В.-Киги 238 полк, остальными полками начала движение по единственной гор-

ной дороге Леузы — Авдрязаково — Кубаково, не встречая сопротивления со стороны противника.

3-я бригада для выполнения своей задачи и обеспечения своего левого фланга, т. к. 1-я бригада при своем движении встретила серьезное сопротивление, предприняла следующий маневр: ударом в северном направлении, она пытается завладеть Н.-Белокатаем, чтобы сосредоточить силы в этом районе и повести наступление на станцию Арша и заняв ее, распространиться в северном и южном направлении.

С рассветом 4-го июля, сосредоточившись в районе Алагузово, 3-я бригада повела наступление и в 2—3 верстах от Алагузово столкнулась с 25-м Екатеринбургским полком противника, атаковав его—заняла Нов. Белокатай, захватив два пулемета и 400 челов. пленных. Но дальнейшего движения бригаде развить не удалось, в связи с изменившейся обстановкой.

В тот-же день, 4-го июля, когда 27-я дивизия по директиве командарма изменив направление своего удара, сошла, за исключением 238 полка, с тракта В.-Киги — завод Саткинский, 26-я дивизия продолжала движение лево-фланговыми частями в направлении на станцию Мурсалимкино, получив на сутки позже директиву командарма. Противник воспользовался этим моментом и сосредоточил в районе Айлино свежую 4-ю Уфимскую дивизию, которая, вместе с казачьей бригадой и 3-мя бронированными автомобилями, перешла в наступление в направлении на Леузы и В.-Киги.

Случайно перехваченный приказ начдива 4-й Уфимской дивизии открыл нам намерение противника и всю серьезность обстановки. Спешным приказанием 2-я бригада возвращалась на прежний участок для активной обороны, а 3-й бригаде было приказано сосредоточиться в районе Кисеик, откуда наступать во фланг и тыл противника, действуя в направлении на Идрисово—Тугузлино.

Утром 5-го июля 3 пехотных и 1 кавалерийский полк противника при 2-х батареях и 3-х бронеавтомобилях повели энергичное наступление на В.-Киги, занятые 238 полком. Последний, под давлением превосходных сил противника, отошел и задержался в 3-х верстах западнее В.-Киги. Подошедший 240-й полк решительно ударил во фланг наседавшего противника и заставил его с большими потерями оставить В.-Киги. Оправившись противник вновь перешел в наступление, завязался упорный бой.

Деревня В.-Киги три раза переходила из рук в руки и к вечеру 5-го июля осталась за 238-м полком. Мы потеряли больше 100 убитыми и ранеными и захватили два бронеавтомобиля противника. Поле боя было покрыто трупами наступавших полков противника. Весьма существенное влияние на результате боев оказала в этот день 3-я бригада, сосре-

доточившаяся к утру 5-го июля в районе деревни Леузы; 243-й полк ее перешел в наступление в направлении Идрисово и 241 полк — во фланг противника, наступавшего на Сагирово, нанеся последнему чрезвычайно чувствительный удар, при чем было взято около 300 пленных и 6 пулеметов.

Несмотря на превосходство в силах у противника, 3-й бригаде удалось централизовать наступление противника и к исходу суток деревня Идрисово, после упорных боев, была занята частями 3-й бригады.

С рассветом 6-го июля, противник вновь перешел в наступление на В.-Киги и заставил 2-ю бригаду отойти на линию Душамбиково—Сагирово, но выход частей 26-й дивизии в район Евгидино и подход 236 полка на поддержу частям 2-й бригады, задержал дальнейшее продвижение противника и 6-го июля части дивизии перешли в контр-наступление.

Успешное действие головного полка (241, 3-й бригады) в направлении на Шумелина—Айлино окончательно склонили успех в нашу сторону. Разбитые части 4-й Уфимской дивизии поспешно отходили на реку Ай. 8-го июля 2-я бригада заняла Тугузлино—Вакиарово, 3-я бригада—Шулемина—Арасланово, Идрисово, левофланговые части 26-й дивизии вышли на Айлино. 8-го июля директивой командарма ставилось задачей: 27-й дивизии овладеть городом Златоуст, имея разграничительную линию с 26-й дивизией по линии Айлино—станция Тундуш — раз'езд Таганай.

9-го июля приказом по дивизии бригадам ставилась задача: 2-й бригаде наступать в направлении станции Молосна и 13-го июля занять район Куваши — станция Кусинская, угрожая с этого направления городу Златоусту; 3-й бригаде овладеть заводом Кусинским и к 13 июля городом Златоуст; 1-й бригаде обеспечить наступление дивизии на Златоуст, заняв районы станции Арша и станции Ливенка.

9-го июля части дивизии приступили к выполнению своих задач и 11 июля, после двухдневных авангардных боев, упорство противника частями 3-й бригады было сломлено, 243 и 241 полки заняли станцию Куса, захватив вполне исправный поезд противника под названием „В о л ж с к и й“, с двумя трехдюймовыми и одним скорострельным орудиями, 8-ю пулеметами, большим запасом снарядов и патронов. В ночь с 11-го на 12-е июля лихой атакой 243 полка была решена участь Кусинского завод, откуда противник в панике бежал на Златоуст; здесь было захвачено 300 пленных, целиком инженерная рота, 4 пулемета, много винтовок, снарядов и патронов.

С рассветом 13-го июля, 3-я бригада повела наступление на Златоуст, по единственной горной дороге из Кусинского завода. Одновременно с ней, из Кусинского же завода, через Зверево повел наступление по горным тропинкам и

235-й полк 1-й бригады, приданный к 3-й бригаде. После жестоких и упорных боев 235 полка на подступах к Златоусту и 241 полка на Липовой горе, что к востоку от Кусинского завода, Златоуст, красавец Урала, стал красным.

В 17-ть часов части 235 полка вышли с севера к Златоусту в район вокзала, а части 241 полка на переезд (мост), что западнее вокзала Златоуст, откуда дальнейшим движением этих двух полков был занят город Златоуст. Разведчиками 241 полка в тот же день, совместно с рабочими Златоуста, в одной из гор, покрытых лесом, были обнаружены трупы зверски казненных белыми рабочих города Златоуста.

Налет наших частей на город Златоуст был настолько неожиданным для противника, что в этот день ими производился парад одной из своих дивизий.

13-го июля было захвачено около 3000 чел. пленных, 8 орудий, 32 пулемета, 1 бронепоезд, 30 паровозов и 600 вагонов на станции.

В городе приближение красных было встречено с необычайным под'емом, тысячи рабочих с государственных заводов Златоуста приветствовали вступление в город красноармейцев.

Для обеспечения успеха, 1-я и 2-я бригады были выдвинуты на реку Миасс, которую заняли 16-го июля, при чем 1-я бригада с боем заняла деревню Тургояк, захватив около 100 пленных и 5 пулеметов.

Перешагнув через хребет Таганай, 2-я бригада заняла Селянкино — Ново-Тагильское — Андреевская, 3-я бригада оставалась в городе Златоусте, где принимала участие в похоронах казненных белогвардейцами революционных рабочих Златоустовских заводов [1]).

Уваров.

---

[1]) Эта статья написана т. Уваровым, комдивом 57-й Уральской стрелковой дивизии, бывшим комполка 241-го Крестьянского; полк этот первым вступил в город Златоуст.

IV. Памяти павших героев.

Пятеро повешенных.

(Письмо из тюрьмы. Уфа. 1908 год).

Ночь с 23 на 24 мая,—12 часов —половина второго.

Сегодня казнь. Через 2-3 часа Артамонов, Гузаков, Литвинцев, Кузнецов и Лаптев не будут больше жить. Подавленное угнетенное настроение; тревожная мысль невольно останавливается на приговоренных.

Как-то они?

Не пали-ли духом?

Не охватила-ли их тоска и отчаяние в преддверии смертной муки?

Хочется поддержать их, передать им последнее слово привета, обещание мести и борьбы.

В каждой камере нашего корпуса установлено ночное дежурство, следить, когда поведут осужденных и разбудить товарищей (если сможет кто нибудь успокоить себя сном).

Наверху во втором этаже, прямо над нами—братья приговоренных: брат Гузакова—Павел, присужденный к 8 годам каторжных работ, и брат Василия Лаптева—Александр, отбывающий трехгодичное тюремное заключение. Бедные. Нам тяжело, а каково-то им?

— Сегодня казнь,—говорили все в корпусе.

„Сегодня казнь“—шептали старые, видевшие виды тюремные своды.

И задумавшаяся темная ночь шелестом листьев и порывами ветра подтверждала: „сегодня казнь“.

Скоро—12.

В нашей казарме никто не спит.

Молчим. Жуткая тишина, все как-бы насторожились. Вдруг в этой страшной тишине раздался глухой, отдаленный лязг цепей, топот ног.

И в тоже время по всем камерам нашего корпуса пронесся условный стук,—топот,—крики:

— Ведут. Ведут!..

Мы все бросились к окнам. Смотрим: стражники с винтовками, сквозь щели забора видны какие-то темные фигуры,

мелькают огоньки. Осужденных вели в контору для исполнения последних формальностей.

— Миша! Ты здесь?—раздался с верхнего этажа голос брата Гузакова, взволнованно и нервно прозвучал, оборвался и потонул во мраке ночи...

— Я здесь, Павел, не волнуйся. Я спокоен.—Самообладанием дышали слова товарища, умевшего мужественно жить и мужественно итти на смерть.

— Артамонов, Лаптев, Литвинцев, Кузнецов — выкрикивались возбужденными голосами фамилии осужденных.

Через несколько минут все стихло. Только издалека проносятся отрывистые фразы перекидывающихся словами заключенных нашего корпуса...

Минуты тянутся часами. Сердце упало. Молотом стучит в голове.

Опять глухо зазвякали кандалы. Теперь—на казнь.

— Миша, ты? — Вновь окликивает Павел Гузаков.

— Нет, я Артамонов, — раздался из-за забора сдавленный голос, заглушенный топотом ног, лязгом кандалов.

— Ему зажали рот,—кричат сверху.

— Прощай товарищ, прощай,—несутся взнолнованные крики изо-всех камер и беспомощно замирают в бездне темной ночи.

Крики замолкли. Лязга кандалов не слышно больше. Гнетущая тишина. Я напрягаю весь свой слух: не донесется ли что-нибудь оттуда, с места казни, где стоит виселица,— этот символ всероссийской голгофы, в течение двух лет тысячами отрывающая от работы на благо матери-отчизны многих славных ее сынов.

Все тихо... Кончено...

Потом, говорили, что Артамонов оборвался... Его повесили вторично.

Опять раздается лязг кандалов. Беспорядочный поток моих мыслей обрывается.

— Михаил, ты? — Знакомый голос сверху.

— Я, брат, не волнуйся. Передай матери и сестрам, что я умираю спокойно. Умирать вовсе не страшно.

— Прощай, прощай друг,—несутся изо всех камер тоскливые и возбужденные голоса.

Шаги Гузакова и стражи стихают, и напутственно погоняет бредущих во мраке ночи нервное пение похоронного марша:

„Вы жертвою пали в борьбе роковой...“

За Гузаковым вели Литвинцева, потом Лаптева, который вплоть до места казни кричал нам последнее прости. Последний шел Кузнецов.

Передают, что все осужденные приняли смерть мужественно. Тюремный поп, исполняя свою гнусную обязанность, лез к ним со своим лжеучением и во имя Христа, предлагал им напутствие на тот свет. Товарищи с презрением отвергли предложенне служителя тьмы. Артамонов официально заявил находящемуся в конторе начальству, что он, с убитым своим братом, застрелили на ст. Златоуст начальника Златоустовского депо Васильева, в убийстве которого был обвинен и совершенно невинно казнен Ишмуратов. При совершении казни присутствовал полицмейстер и начальник охранки Ошурко. Бывший смотритель Златоустовской тюрьмы Воробьев считал минуты, сколько в петле находится повешенный. Еще не вполне оправившись, с пулей застрявшей в теле, он опять за привычной работой...

Во все время казни, с 12 до половины второго ночи, пение похоронного марша переливалось из камеры в камеру, сливалось с криками: „прощай". В криках и пении, рядом с приветом погибших звучала твердая решимость—не слагать оружия до окончательной победы.

Мы много еще перенесем, увидим может быть, каторгу, может быть и смерть. Но, мужественно идя навстречу опасностям, мы знаем, что победим. Залог нашего успеха—пробуждение сознания в народе. С сознанием—придет борьба.

„...Настанет пора, и восстанет народ,
Великий, могучий, свободный"...

Живым—победа, погибшим—слава.

„Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный..."

А. С. Коржаков.

Вечно с улыбкой на лице появлялся наш незабвенный друг Саша; он никогда не унывал, с какими-бы трудностями ни встречался в жизни. А история его жизни пестрит почти, что сплошь трудными моментами. Он—сын бедных рабочих родителей. Отец дает ему кое-какое образование, он проходит сельско-приходскую школу. В дальнейшем он пополняет образование самоучкой. Почти, что в школьном возрасте ему с великим трудом удается поступить учеником в контору завода. С этой поры начинается его служебная карьера в качестве канцелярского сотрудника. В 1907 г. во время реакции, он вступает членом в подпольную организацию РСДРП на Миньярском заводе. Он сразу зарекомендовал себя как энергичный революционер, борец за дело рабочих. В неимоверно тяжелых условиях подпольной работы он преодолевал все трудности и являлся хорошим руководителем по транспортированию нелегальной литературы, устанавливал связь с соседними организациями уральских заводов и даже с заграницей.

1913 и 1914 годы являются моментом под'ема рабочего движения. На нашем заводе организуется забастовочное движение. Саша наш и тут энергично содействует делу организации борьбы рабочего с капиталом. Октябрьская революция выдвигает его на более ответственную работу; он становится членом коллегии по управлению заводом.

В 1918 г. приход чехо-словаков ознаменовался разгромом советских организаций и суровым преследованием советских и партийных работников, вынуждая их уйти в тяжелое, душное подполье. Вместе с ними скрывается и наш Саша. В 1919 г. в феврале месяце, ему, вместе с другими товарищами, удается пройти белогвардейский фронт и поступить в ряды Красной Армии. Он работал в Реввоенсовете 5. В июле месяце 1919 г. с занятием заводов Красной Армией, товарищ Саша вновь становится на хозяйственную работу в качестве заведующего Симрайонотделом. Не мало пришлось нашему Саше положить энергии по восстановлению и организации этого дела. Несколько позднее, в 1921 г. его переводят на работу в Златоуст в лесоуправление.

На этом и заканчивается история жизни Саши. Несколько дней предсмертных мучений,—и тиф вырывает его от нас.

Вася Грачев.

Вася Грачев—из той восторженной части рабочей молодежи, которая не имеет и не хочет знать других стремлений, кроме жажды знаний и активного участия в общественной работе. Вдумчивый, всегда серьезный, он внимательно прислушивается к „политическим“. В этом отношении Миньярский завод—благодарная среда, и в 18 лет Вася приобщается к партии. После одной из забастовок он должен уехать с завода и работает в Златоусте.

Помню, в 1916 году мы собираем всех земляков-подростков и под вывеской струнного оркестра в подвале, в то время, когда этажем выше предводитель дворянства принимает раз'езжающего по „братии“ архиерея, организуем своеобразный „марксистский кружок“. Сидим три-четыре часа. Прочли уже Баха. Ребятки устали, но никто не подает вида: Вася пристыдит.

1917 год. Вася—депутат кузнечного цеха. Начало чешского выступления застает его комиссаром артиллерийского склада „на колесах“ при Саткинском заводе. Выступают спровоцированные эс-эрами рабочие. Вася на месте.

— Где комиссар?

— Я комиссар.

— Б е й!

— Что вы, с ума сошли? Нет. Саткинские не будут бить миньярских. Мы не договорились, но мы свои, а там чужаки, баре.

И накануне прихода чехов начинается первый митинг протеста, который в пылу возбуждения остается в памяти рабочих на все время подполья.

Задержанный позже, он скоро бежит из чешского концентрационного лагеря. Затем 8 месяцев лесной жизни в родных ущельях на положении ежечасно преследуемого зверя. Здесь энтузиазм Васи поддержал не один десяток более слабых товарищей.

Но вот с той стороны требуют бойцов. В тылу Колчака проводится мобилизация в Красную Армию. Вася с первым отрядом благополучно переходит фронт. И его отрядик становится ядром славного в истории пятой армии отряда лыжников рабочих Симского горного округа.

Встретились незадолго до его гибели:

— Где?

— Пулеметчиком. Интересно... Главное—в тебя целятся больше.

В одну из схваток под Бузулуком его наблюдение подтвердилось. „Белая“ пуля уложила и мечту об университете и о заводе. Осталась слава красному герою.

Ф. Вдовин.

Ковшов Виталий.

Родился и вырос в Миньярском районе (Сим). Виталий— крупный незаурядный человек. Живое воплощение революции в ее самых красивых и трагических моментах.

Вспоминается Златоуст 1917 г., тогда гнездо эс-эров. 1-е мая.

Кого послать к десяткам тысяч рабочих и солдат с боевым призывом: „Долой империалистическая, да здравствует гражданская"? — Виталия Ковшова.

Пламенный, говорящий всем своим существом, он захватывает демонстрацию враждебно нам настроенную.

И так, в поединках с эс-эрами, меньшевиками кипит все лето.

Октябрь.

Эс-эры отсиживаются в совете вопреки всяким срокам.

Надо не дать контр-революции организоваться под флагом С. Р. Д. Надо разоружить эс-эровских боевиков.

„Старики" парткома спорят о методах проведения этой боевой задачи. Организация возлагает задачу на Виталия.

Выполнено с твердой решимостью.

Ревком под его руководством быстро приводит город в советский вид.

Первое выступление чехов.

Из ревкомщика командир.

Из Златоуста чехи изгоняются, но война началась. Виталий уже не возвращается из армии, маршируя по всем фронтам Республики.

В бой. Вот где он приложит свою богатую энергию и инициативу. Юноша, техник — учащийся, прошедший пару занятий всеобуча, при отступлении с Урала командует кавалерийским полком им. Володарского. И так командует, что полк не хочет потом военспеца.

В январе 1919 года поарм 3 постановляет подвести под блестящие военные способности тов. Ковшова военно-научный фундамент и командирует Виталия в Академию генштаба.

Но работая для революции в Академии, он чувствует, что он нужнее в непосредственном участии на самых опасных гребнях революционного шторма.

И дисциплина науки не заглушает пыл бойца — в ноябре 1919 года он комиссар дивизии курсантских частей под Питером. Здесь кончено.

Что на очереди дальше, что ударнее? В феврале 1920 года группа генштабистов уезжает на организацию трудармий. Виталий работает в совтрударме членом особотдела и в к-те трудповинности.

Но вот польский фронт и после неоднократных просьб и отказов Р. В. С. Р. разрешает ему фронт, здесь он помнач штаба кавдивизии 16 арм., затем начштаба. Но это все-таки тыл и Виталий добивается назначения в передовую часть комбригом 28 кавалерийской. За операции под Варшавой — к подарку В. Ц. И. К., „за Юденича", прибавляется орден Красного знамени.

Мир заключен. Академия вызывает в Москву для окончания курса. Он остается только прикончить „Балаховича" и 30 ноября 1920 года, во время неожиданного налета банд Балаховича, спасая бумаги штаба, он остается отрезанным и отстреливаясь, падает от пули противника. Так нелепо, случайно, миновав десятки смертельных опасностей, он погиб, когда революция победила, вышла из военных опасностей, а в его жизни все было готово к смене шашки и коня — на книгу и карандаш, о чем он мечтал незадолго летом, в последнюю мою с ним встречу.

Распоряжением Р. В. С. 15 и Академии тело Виталия перевезено в Москву и похоронено на Красной площади.

Ф. Вдовин.

Миша Козлов.

Он — сын бедной рабочей семьи. С 12-летнего возраста нужда гонит его на фабрику, чтобы прокормить огромное семейство, оставшееся ему после отца. Тяжелые условия труда на Миньярском заводе заставляют Мишу вместе с другими товарищами искать выход из этого положения. У него пробуждается страсть к знанию, он ищет книги и старается выяснить корень противоречий человеческого бытия.

В 1912 г. в момент под'ема революционного движения, начинается революционное брожение и на Миньярском заводе. В этой борьбе наш Миша впервые выдерживает практический урок схватки с капиталом. С этого момента он становится активным защитником интересов рабочего класса. Весной 1912 года в лесу, под открытым небом, на нелегальном собрании подпольной организации РСДРП Миньярского завода он принимается в члены подпольного кружка.

В 1914 году замечается оживление рабочего движения на нашем заводе. Началась забастовка рабочих всего завода и в ней немалую роль сыграл и тов. Миша.

Империалистическая война 1914 года отрывает нашего Михаила от родной семьи и от начатого им дела и бросает его в николаевские казармы и только во время Октябрьской революции он снова вернулся к нам на завод. В это время стала назревать в разных концах республики контр-революция. У нас, на Урале, она ознаменовалась впервые выступлением генерала Дутова, положившего начало уральской гражданской войне. На первые вспышки контр-революции рабочие Миньярского завода ответили вооруженным выступлением под руководством Михаила. (Кстати, он вышел из старой армии не простым солдатом, а старшим унтер-офицером). Тов. Михаил организует рабочие отряды, обучает их военному делу и во главе обученного им же отряда едет подавлять выступление дутовских войск. В Уфе он разоружает войсковые части старой армии, которые под влиянием меньшевиков и эс-эров противились советской власти.

После захвата чехо-словаками Челябинска и набега на Златоуст, тов. Михаил на скорую руку формирует отряд боевиков и едет с ними туда; но под давлением превосходящих численно сил противника он отступает и с отрядом пробирается на Пермь, где связывается с революционными войсками. Михаил заболевает, и его направляют в Казань на излечение. В Казани он был арестован чехо-словаками. Когда

красные войска вновь заняли Казань, Михаил вместе с другими товарищами вышел из тюрьмы и вновь вступил в ряды Красной Армии. Красные войска заняли Уфу, прибыл туда и Михаил со своим отрядом. Чувствуя близость своих заводов, он помышляет об их освобождении. В это время заводы находились в глубоком тылу неприятеля и там белогвардейские банды правителя Колчака творили неслыханную расправу над рабочими. Из группы бежавших к нам через фронт уральских рабочих, в Уфе сформировали отряд охотников-лыжников. Михаил становится во главе этого отряда. 31 июля 1919 года, командуя баталионом 232-го стрелкового полка под Челябинском, Михаил был тяжело ранен и вскоре умер. Так скончался и ушел от жизни рабочий-борец Миша.

Пример храбрости.

Рабочие Катав-Ивановского завода, т.т. Борцев и Рудин, скрывались в лесах от преследования белых.

В конце 1919 года белым удалось выследить их, когда они заходили в чей-то дом. Белые окружили дом, но взять их было не так-то легко, так как т.т. Борцев и Рудин решили лучше умереть с оружием в руках, чем сдаваться белым, и они начали неравный бой, который, к позору белых, длился около 8 часов, не смотря на то, что белых было большое количество. Тогда белые подожгли со всех сторон дом, в котором находились смельчаки. Так пали смертью храбрых мужественные защитники пролетарской революции.

V. На стройке социализма.

Основные итоги работы, — состояние и задачи парторганизаций и рабоче-крестьянской общественности Южного Урала.

„... Сейчас Вы окружены капиталистическими державами, которые Вам не помогут, а помешают, сейчас Вы работаете в условиях нищеты, разорения, голода и бедствия... Научитесь работать иным темпом, считая работу десятилетиями, а не месяцами... Перестаньте болтать, а лучше ответьте мне на вопрос практически и скажите: где Вы поставили хорошо производство, сколько лет Вы его ставили, сколько Вам человек подчинено — тысяча или десять тысяч?..

... Что называется пролетариатом? Это класс, который занят работой в крупной промышленности, а крупная промышленность где? Какой это пролетариат? Где Ваша промышленность? Почему она стоит?...

... На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долгие...“

С такими словами обращался тов. Ленин к партийным, советским, хозяйственным и профессиональным работникам в декабре 1921 года на IX-м Всероссийском с'езде советов.

Это был первый год, когда Советский Союз только что получил возможность (и то частичную) приступить к мирному строительству.

С тех пор прошло 6 лет; Советский Союз пришел к 10-ти летию своего существования.

10 лет — срок вполне достаточный для того, чтобы оглянувшись на пройденный путь, — вспомнить вышеприведенные слова тов. Ленина и ответить на вопросы: что же сделано? Есть ли достижения и каковы они? Верен ли путь? Куда он ведет? Каковы перспективы округа, каковы дальнейшие задачи? Где препятствия и как с ними бороться?

Златоустовский округ вместе со всем Советским Союзом должен дать ответ на все эти вопросы.

Доменная печь в Аше.

Читатель, который захочет получить ответы на эти вопросы, — должен проделать небольшую утомительную работу, — после легкого занимательного чтения первых частей сборника, освещающих эпизоды героической борьбы, — заняться изучением сухих табличек, столбиков цифр, отдельных групп, фактов.

Ознакомимся с некоторыми важнейшими цифрами по Златоустовскому округу.

Прежде всего в области промышленности.

Как уже достаточно выявлено в предыдущих частях сборника — основой, базой нашего округа является промышленность, в первую очередь и, больше всего, металлургическая; мы видели, что к началу революции эта основа разлагалась; расшатанные военной работой наши заводы не получали от прежних хозяев ничего для их восстановления и дальнейшего развития; южно-уральский пролетарий свою судьбу и судьбу южно-уральских заводов связал целиком с судьбой Октябрьской Революции.

Что путь был избран правильный, — об этом лучше всего говорит то состояние, в котором наша промышленность находится в настоящее время.

Не только восстановлены ранее работавшие заводы; начался приток значительных средств и сил на капитальное вложение промышленности; так, если в 1924—25 году на промышленность округа — союзного, областного, окружного и районного значения — было вложено капитальных затрат — 1800000 рублей, — то в 1925—26 году эта затрата выразилась уже в 5000000 рублей, — в 1926—27 году в 5850000 рублей, а в 1927—28 году достигнет — 7760000 рублей.

Эти миллионы рублей, отражая затраченный труд, — воплотились в новые цеха, станки, машины.

Восстановлен и пущен Юрюзанский завод, разрушенный и не работавший с 1907 года; расширена силовая станция на Златоустовском металлургическом заводе; на нем же закончена постройкой и оборудованием и пущена в действие новопрокатная фабрика; организовано производство чугунной эмалированной посуды на Кусинском заводе; построена силовая станция, железо-бетонная плотина и линия электро-передачи на Бакал в Саткинском заводе; произведено коренное переоборудование цементного завода и ведется его расширение при Катав-Ивановском заводе; построен и пущен в ход новый цех (американского типа) холодной прокатки в Миньярском заводе; к 10-ти летию Октября заработают новые домны в Кусе и в Златоусте.

Наряду с восстановлением и расширением заводов ведется работа по минерализации топлива (мартеновское производство почти целиком перешло на нефтяное топливо), по

механизации транспорта (тракторы, под'емники), по механизации добычных работ (пневматическое бурение на Бакале).

Проделана также значительная работа по переводу производства Златоустовских заводов (военных) на мирные рельсы (производство лопат, плугов, чугуна и т. д.).

Ставятся и развиваются новые производства (магнезит, инструментальная сталь, мрамор).

Это далеко не все, но и эти факты достаточно говорят о том, что обреченная на гибель и замирание капиталистами южно-уральская промышленность, — не только возродилась, но и развивается, имеет свои большие перспективы.

Особо необходимо отметить развитие жилищного строительства в нашем округе; жилищный вопрос — наш самый больной вопрос с давних времен. Здесь государственные затраты на жилищное строительство выражаются в следующих цифрах: в 24—25 году по округу затрачено — 293000 руб., в 25—26 году — 1000000 руб., в 26—27 году — 986000 рублей, намечено на 27—28 год — 1200000 руб.

С помощью государственного и промышленного кредита идет и частное рабочее жилищное строительство; так за строительный сезон текущего года по Миньярскому району (Миньяр, Аша, Сим), построено новых рабочих домов — 367, отремонтировано — 333.

Соответствующее движение можно отметить и в сельском хозяйстве. Если в результате империалистической и гражданской войн,—Златоустовский округ имел в 1922 году посевную площадь—33% довоенной, то в 1927 году эта посевная площадь достигает уже 85,3%.

Наряду с этим количественным ростом происходят и качественные сдвиги: переход на многопольные севообороты (с 340 гект. в 1924—25 г. до 1.300 гект. в 1926—27 г.), клеверо-сеяние (с 31 гект. в 1923 г. до 258 гект. в 1927 г.,—в то время, как до революции посева клевера в Златоустовском районе почти не было), растет сельско-хозяйственное машиноснабжение (как новость для Златоустовского района); с момента революции нужно отметить введение тракторной силовой тяги,—к данному времени имеется 12 тракторов, причем 4 из них приобретены в 1925 году, а остальные 8 в 1926 году; кроме того имеется в округе 4 сложных молотилки (ни тракторов, ни молотилок в дореволюционное время не было); растет ветеринарная амбулаторная помощь: по округу было оказано ветеринарной помощи в 22-23 году—3.783 гол., а в 25-26 году—25.017 гол.

Холодная прокатка в Миньяре.

Состояние „столбового пути к социализму“ для деревни,—сельско-хозяйственной кооперации—характеризуется следующей табличкой движения:

ГОДЫ	С/хоз. коммуны	С/хоз. кредитн. т-ва	С/хоз. артели	Прочие с/хоз. артели	Итого	Число членов
1920	2	—	1	—	3	121
1921	5	—	6	—	11	257
1922	5	2	6	—	13	702
1923	7	3	9	—	21	1251
1924	6	12	7	—	27	3299
1925	5	10	6	4	22	4647
1926	4	13	6	10	23	5749
1927	3	10	—	14	19	5783

Примечание: В довоенное время существовали только кредитные товарищества (количество их неизвестно); всех же остальных видов кооперации не имелось.

Таковы важнейшие цифры и факты по двум основным отраслям хозяйства округа—промышленности и сельскому хозяйству.

С ростом промышленности и сельского хозяйства в округе показывает рост и торговый оборот, при чем этот рост вполне совпадает с линией партии на усиление государственного и кооперативного сектора торговли за счет вытеснения частного капитала.

По данным окрвнуторга соотношение между оборотами частной, кооперативной и государственной торговли, за полтора года имеют следующий вид:

	В процентах:		
	Государств.	Кооперат.	Частн.
I полугодие 25-26 г. . . .	17,0	63,4	19,6
II „ 25-26 г. . . .	19,1	62,4	18,5
I „ 26-27 г. . . .	17,3	64,4	18,3

Потребкооперация — сеть ее изменилась следующим образом: на 1-е октября 1926 года рабочих кооперативов было—11 и лавок—124; сельских ЕПО было—19 и лавок—32;

на 1-е июля 1927 года сеть рабкоопов и лавок осталась почти без изменения, сельских же ЕПО сократилось до 14, а лавок до 31.

С октября по июль по рабкоопам пайщиков увеличилось с 29.226 до 33.738 членов или рост на 22,6%, по сельским ЕПО увеличение с 3.669 до 4.546 членов или на 23,9%. Процент кооперирования увеличился по рабкоопам к числу дворов с 82,5% до 85,8%, к числу взрослого населения с 37 до 38,9%; в сельских к числу дворов с 40,8 до 51,5% и к взрослому населению с 14,6 до 22,1%.

Паевые капиталы за это время возросли по рабочим кооперативам с 210.588 руб. до 346.614 руб. или на 64,6%, по сельским с 13.031 руб. до 20.073 руб. или на 54%. Средний пай одного члена сейчас в рабочих—10 р. 17 коп. и в сельских—4 р. 41 коп.

О изменениях, происшедших в финансах потребкооперации можно видеть из следующей таблицы:

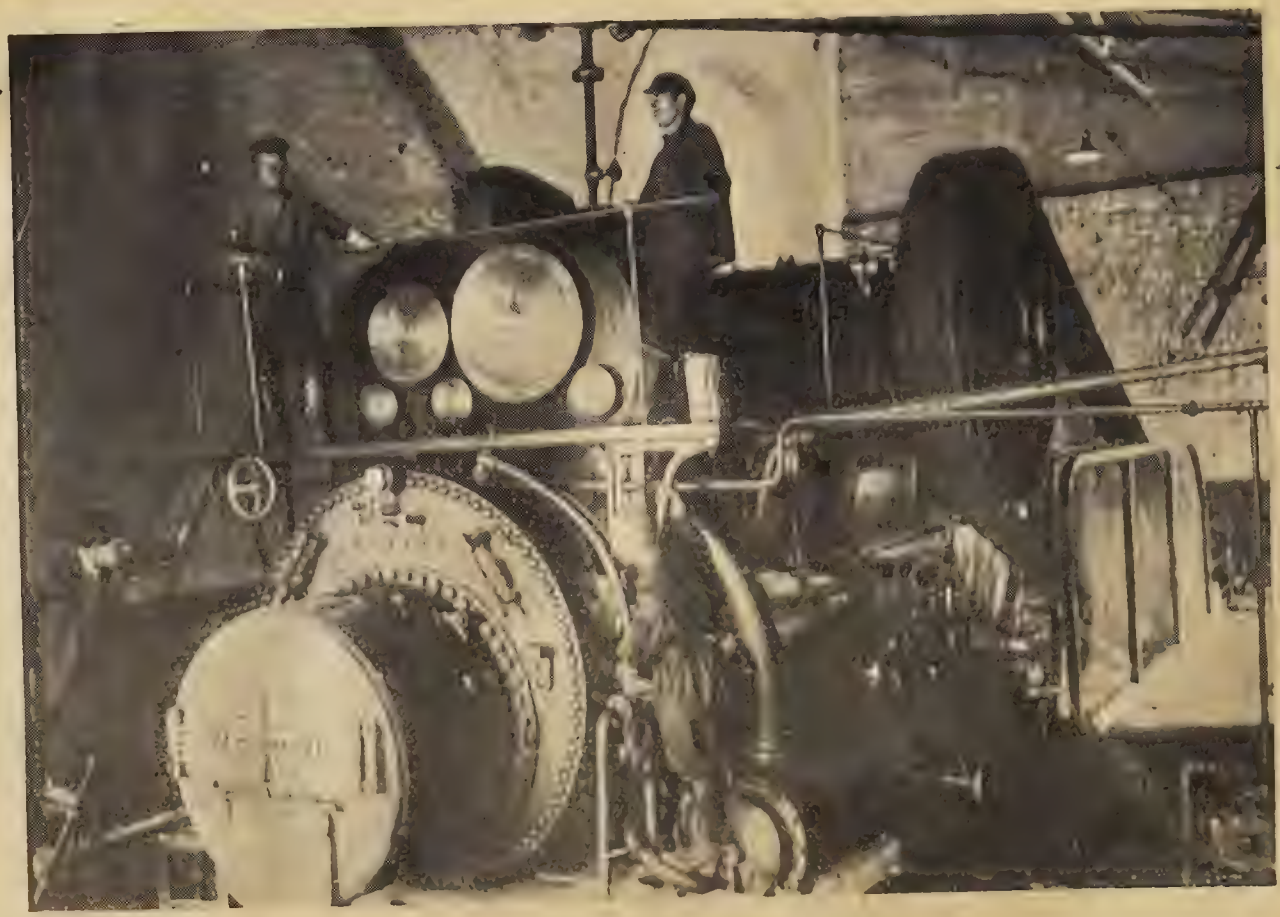
ТИП КООПЕРАЦИИ	В оборотных средствах на 1/X—1926 г.			В оборотных средствах на 1/VII—1927 г.		
	Собств.	Заемных	Итого	Собств.	Заемных	Итого
По рабкоопам .	679824	1631700	2311524	706689	1632905	2339594
В %% . . .	29,41	70.59	100	30,20	69,80	100
По сельск. кооп.	41027	111109	152136	62379	119363	181742
В %% . . .	21,97	73.03	100	34.32	65.68	100

Соотношение средств значительно улучшилось, как в рабочих кооперативах, так и в сельских.

Какие результаты имеются по округу от проведенной кампании по снижению розничных цен? Привлечение широких масс к участию в кампании и проведение ее окончательно обеспечило успешность выполнения директив партии.

По данным окрвнуторга с января по июль м-ц снижение розничных цен промышленных товаров составило: в рабочих кооперативах—8,5%, а в сельских—9%. Это снижение прошло в рабочих на—3,03% за счет снижения отпускных цен промышленности и на—4,96% за счет кооперативов; в сель-

Холодная прокатка в Минъяре.



Локомобиль холодной прокатки в Миньяре.

ских кооперативах снижено на—2,89% за счет промышленности и на—6,51% за счет кооперативов. В результате снижения разрыв между отпускными ценами и розничными на промтовары по округу снизился с 125,15% до 118,96%.

Есть конкретные результаты и в области удовлетворения культурно-социальных нужд населения.

Так по здравоохранению за период с Октябрьской Революции в Златоустовском округе открыты учреждения: больниц — 5 (Златоуст, Бакал, Ерал, Миасс, Кундравы), амбулаторий — 8 (Сатка, Бакал, Усть-Катав, Миньяр, Миасс, Кундравы, Медведево), зубкабинетов — 13 (Златоуст, Куса, Сатка, Бакал, Юрюзань, Катав, Усть-Катав, Сим, Миньяр, Аша, Миасс), скорпомощь — 1 (Златоуст), 1-й помощи — 4 (Златоуст, Сатка, Усть-Катав, Миасс), фельдшерских пунктов лесозаготовок — 8 (Златоуст, Куса, Сатка, Юрюзань, Катав, Миньяр, Аша), рентгеновских кабинетов — 1 (Златоуст), вендиспансеров — 2 (Златоуст, Миасс), тубдиспансер — 1 (Златоуст), ночных санаторий — 1 (Златоуст), баклабараторий — 1 (Златоуст), венпунктов — 2 (Сатка, Миньяр), дом санпроса—1 (Златоуст), консультаций — 9 (Златоуст, Куса, Сатка, Катав, Миньяр, Аша, Миасс, Кундравы), молочных кухонь — 1 (Златоуст), ясли — 5 (Златоуст, Сатка, Бакал, Катав, Аша), дом младенца — 1 (Златоуст), дом матери и ребенка — 1 (Златоуст).

Итого 68 здравучреждений.

Из более крупных работ: начата постройка в 25—26 г. и будет закончена к 1928 году Златоустовская больница окружного значения,— 6 больничных каменных корпусов, здания аптеки, лабаратории и конторы, кухни с хлебопекарней, прачечной с дезкамерой и баней, 5 жилых домов для персонала и служб; больница на 282 кровати; из общей сметной потребности на постройку в 1.800.000 руб. к настоящему времени уже затрачено 1.015.000 рублей; начата постройкой в 25—26 году и будет закончена в 1928 году Миньярская больница, на 47 коек; теперешняя больница к 10-й годовщине Октябрьской Революции из старых ветхих зданий переводится в законченные постройкой павилионы новой больницы; из сметной потребности — 350.000 руб. уже истрачено — 235,000 руб.; начата постройкой в текущем году и будет закончена в 28 году больница на Бакале, на 47 коек, при чем вчерне большинство павилионов и служб уже выстроены; приступлено к заготовке материалов для постройки больниц в Кусе — на 50 коек, в Юрюзани — на 25 коек, в Медведево — на 10 коек.

Для выполнения этого плана требуется сумма в 2.780.000 руб., израсходовано же сначала строительства к настоящему моменту — 1.346.000 руб.

Помимо того в летние сезоны, начиная с 1921 года, в ряде сельских местностей открываются летние детские ясли; текущим летом ясли были открыты в Айлино, Кундравы, Травники, Ерал, Илек, Тургояк.

Развернуты в Миасском районе Тургоякский дом отдыха для застрахованных округа и Чебаркульский санаторий союзного значения.

Количество врачей в округе по сравнению с 1913 годом возросло к 1927 году с 19 до 92 чел. Число больниц — с 13 до 18; количество коек — 311 до 614; количество населения на 1 врача уменьшилось с 10.226 чел. до 2.595 чел.

Таковы цифры, с которыми вступает Окружное Здравоохранение в 11-ю годовщину Соввласти.

В области народного образования прежде всего резко изменился самый характер работы; в старой школе заучивание наизусть написанного с малых лет приучало детей принимать все за несомненную истину без всякого критического отношения; детская активность и любознательность не находили себе приложения в старой школе; из школы дети выходили с познаниями, примерно такого рода: „за богом молитва, а за царем служба не пропадет“, „уроди мне, боже, хлеб — мое богатство“. Таких школ в округе вместе в церковными (поповскими) школами насчитывалось в дореволюционное время примерно то-же количество, что и теперь; охват детей обучением был безусловно ниже, но точных сведений о том времени не сохранилось.

В основу новой советской школы положено: изучение жизни и участио в ней, — ученики с малых лет изучают окружающую природу, окружающую их действительность, участвуют в этой действительности, — занимаются производительным трудом. Наши комплексные программы представляют из себя не отвлеченные науки и истины, а науки построенные на конкретной, живой действительности, общественных взаимоотношениях и т. д.

Методами исследования, экскурсий, лабораторными работами и т. п. наша школа дает Советскому Союзу развитого, разбирающегося в окружающей действительности, строителя социалистического общества, — грамотного в науках и в политической области.

В 1927—28 году Златоустовский округ охватит обучением до 80% школьного возраста, — в ряде пунктов округа вводится уже полное обязательное обучение.

Особенно широко, по сравнению с дореволюционным периодом развернулось в округе внешкольное образование; в прежнее время эта работа ограничивалась развертыванием кино, нардомов и библиотек, работа велась очень скудная (точных сведений нет), — но библиотеки, например, имелись по одной на волость.

К настоящему времени сеть внешкольного образования по округу в цифрах такова: изб-читален — 45, ликпунктов и школ малограмотных — 112, деревенских театров — (нар-дома) — 13, кино-стационарок в деревне — 2, кино-передвижек — 6, красных уголков (не считая профсоюзных — городских) — 40.

Работа по внешкольному образованию все больше принимает характер массовой самодеятельности; так всего по округу, за исключением профсоюзной сети, сеть кружков выражается цифрой — 162 (в том числе с.-х. кружков — 49, политических — 14, военно-спортивных и физкультуры — 12, драматических — 41 и т. д.); кружки начинают сплачивать вокруг себя и неорганизованных, так по Миасскому району за полугодие текущего 26—27 года посетило занятия кружков, не считая членов кружков — 15353 чел.; общая же посещаемость изб-читален характеризуется следующими цифрами: за полугодие 26—27 года посетило кружковую работу в Миасском, Медведевском и Миньярском районах — 107000 чел.

В совершенно новой отрасли народного образования — профтехобразовании — наиболее ценным достижением являются школы ФЗУ, каковых в настоящее время в округе имеется — 4; наряду с ними развернута система всевозможных профессионально-технических курсов, каковых в текущем году функционирует — 10 профтехкурсов.

Большая культурно-просветительная работа ведется профсоюзами; здесь цифры таковы: имеется по округу клубов — 20, кино-экранов — 15, красных уголков — 204, библиотек — 44, радио-установок — 16.

Вся культурно-просветительная работа профсоюзов по сути дела началась после Октябрьской Революции и строилась целиком на-ново.

При помощи профессиональных и общественных организаций округ радиофицируется; помимо указанных радио-установок при клубах поставлена трансляция, уже к данному времени (трансляция начата с августа 1927 года) имеется прицепщиков по трансляции — 130 чел.

* * *

Поставим вопрос так: что имеет больше значения для данного человеческого общества, примерно для СССР — количество паровозов, имеющихся в стране или умение их производить? Ответ ясный: сколько бы не было паровозов — все они, рано или поздно, выйдут в тираж погашения, износятся; только умение производить эти паровозы обеспечивает развитие данной страны.

Вот это-то умение использовать не только то, что имелось в нашем округе к моменту Октябрьской Революции, но и творить, создавать новое, развивать, развертывать произ-

водство, нужно отметить, как один из важнейших выводов всех вышеперечисленных цифр и фактов и как одно из важнейших наших достижений к 10-ти летию Октябрьской Революции.

Чем обеспечено было это достижение до сих пор?

Тов. Ленин в заключительном слове на Всероссийской конференции ВКП (б) в мае 1921 года говорил: „В буржуазном строе делом занимались хозяева, а не государственные органы, а у нас хозяйственное дело — наше общее дело". Умение участвовать в построении социализма в СССР стало действительно общим делом широчайших трудящихся масс.

В значительной мере эти достигнутые нами до сих пор успехи и залог дальнейших побед лежат в том широком массовом активе, какой в настоящее время имеется в СССР.

Каков актив в нашем округе?

Партийная организация Златоустовского округа с 454 членов и 1300 чел. „сочувствующих" выросла к сентябрю 27 года до 5079 чел. членов и кандидатов партии, имея в своих рядах свыше 900 чел. испытанного, прошедшего известный путь практической работы партийного актива.

Комсомольская окружная организация выросла к 1927 году до 7000 человек; профсоюзы округа насчитывают в своих рядах — 44850 челов. членов (свыше 95% охвата членством всей рабочей массы), — в том числе 7471 чел. профсоюзного актива; 10 городских и поселковых советов имеют в своем составе — 1054 депутата, из них: по партийности — 573 чел. беспартийных, по социальному составу — 697 чел. рабочих и батраков; сельсоветы имеют в своем составе — 1031 депутат, в том числе беспартийных — 742 чел.; широко развернулась женское общественное движение: в делегатских собраниях участвует — 2527 чел. работниц, крестьянок и служащих; в составе советов имеется — 286 депутатов-женщин; женщин — членов ККОВ — 36 чел.; нарзаседателей — женщин — 511 чел.; женщин — профактива — 1184 чел.; женщин — пайщиков в кооперации — 6300 человек: десятки тысяч рабочих и крестьян входят в состав различных добровольных общественных организаций (МОПР, Шефобщество, Друг детей, Осоавиахим и т. д.).

Весь этот организованный массовый актив живет напряженной общественной жизнью, чутко прислушиваясь к биению пульса Советского Союза и мировой пролетарской революции; всякое изменение в международном положении СССР через этот широкий актив находит быстрый отклик в трудящихся массах; лучшее подтверждение этому — последняя кампания обороны СССР, проведенная в Златоустовском округе в августе 1927 года; в результате этой кампании помимо широкой работы по сбору средств проделана большая массово-организационная работа: окружная организация Осо-

авиахим с 4749 чел. в апреле 27 года выросла к 1 сентября 27 года до 15.638 человек; вся эта масса в настоящее время втягивается в военную работу в той или иной форме.

Разве не ясно,—что такие результаты могли быть достигнуты только при наличии факта несомненного прочного вовлечения в строительство социализма, в повседневную практическую общественную работу широйчайших трудящихся масс?

И если „на путях к Октябрю“,—в дореволюционные годы и в первые годы гражданской войны, среди трудящихся Златоустовского округа встречались отдельные слои и даже целые районы, которые колебались в выборе путей движения, поддаваясь иногда эс-эровскому и меньшевистскому влиянию,—то в данное время картина значительно изменилась.

Октябрь и 10 лет советского строительства сделали свое великое дело перевоспитания масс.

К 10-й Октябрьской годовщине наш округ подходит,—имея свое вполне отчетливое коллективное лицо.

Это лицо,—лицо рабочего-хозяина страны, рабочего-строителя сознающего интересы пролетариата в целом,—лицо крестьянина-союзника пролетариата в его классовой борьбе.

В биении жизни самого, еще недавно отсталого, района округа,—можно увидеть, почувствовать это новое лицо трудящейся массы.

* * *

Мы в данной статье ничего не говорим о недостатках и трудностях нашей работы. И то и другое несомненно есть и будет.

И все же вышеперечисленные факты дают нам возможность ответить на поставленные вначале статьи вопросы: путь верен, достижения имеются и в ряде областей довольно значительные.

„Пусть псы и свиньи умирающей буржуазии и плетущейся за ней мелко-буржуазной демократии осыпают нас кучами проклятий, ругательств, насмешек за неудачи и ошибки в постройке нами нашего советского строя.

Мы ни на минуту не забываем того, что неудач и ошибок у нас действительно было много и делается много. Еще бы обойтись без неудач и ошибок в таком новом, для всей мировой истории, новом деле, как создание невиданного еще типа государственного устройства!

Мы будем неуклонно бороться за исправление наших неудач и ошибок...

Но мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье начать постройку советского государства, начать этим эпоху господства нового класса...“ (Н. Ленин „к 4-х летней годовщине Октябрьской Революции“).

И сейчас в 10-ю годовщину Октябрьской Революции, повторяя эти слова тов. Ленина, мы смело можем добавить к ним:

Мы вправе гордиться и мы гордимся, не смотря на наши неудачи и ошибки, которые были, есть и возможны, мы гордимся тем, что не только начали постройку нового невиданного государства, но и успешно ведем ее. [1])

---

[1]) Цифровые сведения печатаются по отчетным данным соответствующих учреждений.

VI.
ПРИЛОЖЕНИЯ.

Зверства белых.

Протокол

по расследованию дела арестованных, пострадавших и погибших от белогвардейских банд рабочих и служащих железнодорожников станции Вязовая С.-З. ж. д.

„Путем опроса и осмотра пострадавших товарищей, установили нижеследующие факты:

На станции Вязовая карательным отрядом белогвардейских банд, в количестве 250 человек, под командой подпоручика Демьяна Михайловича Мельникова, была оцеплена станция и поселок при станции, затем были произведены аресты с обысками.

Вышеупомянутый отряд карателей арестовал 48 рабочих железнодорожников.

Всех арестованных карательный отряд отправил во двор жителя поселка Вязовая Ивана Романовича Кашкарова.

Оттуда, принудительным порядком, по одному человеку препровождали в комнату, где за общим столом заседали палачи в форме баталиона смерти, в количестве 16 человек, а в углах комнаты за столами сидели в той-же форме офицеры и с ними сестры милосердия, производившие распивку спиртных напитков; во главе упомянутой компании находился Мельников, который держал в руках список, очевидно ранее заготовленный членами сыскного отделения Саввой Петровым Шиляевым и его помощниками: Романом Андреевым Домрычевым, Дмитрием Федоровичем Бычковым и Дмитрием Никандровым Пимениным.

При входе арестованных в комнату заседающих палачей, глава заседания Мельников опрашивал фамилии входящих арестованных лиц, сын же Домрычева, Владимир Романов, удостоверял личности арестованных, после чего возвращали обратно во двор, пропуская каждого сквозь строй до места телесного наказания.

Из числа арестованных товарищей подвергались телесному наказанию нижеследующие лица:

Матрена Шлемова 5 ударов нагаечных, Мария Шлемова 5 ударов нагаечных, Данила Шлемов 5 ударов нагаечных,

Иван Ефремов 30 ударов нагаечных, Александр Карабанов 20 ударов нагаечных и 20 шомпольных, Степан Козырев 10 ударов нагаечных, Степан Верин 20 ударов нагаечных и 20 шомпольных, Иван Кононович — 50 нагаечных, Василий Дорофеев 5 ударов нагаечных, Фома Короленко 5 ударов нагаечных, Терентий Мирков 30 ударов нагаечных, Александр Чернецов 35 ударов нагаечных, Андриан Котельников 10 ударов нагаечных, Андрей Еремин 30 ударов нагаечных, Семен Шитов 25 ударов нагаечных, Василиса Лазаренкова 5 ударов нагаечных, Иван Филимонов 20 ударов нагаечных, Иван Ликинский 125 ударов нагаечных, Николай Земляков 40 ударов нагаечных, Афонасий Шлемов 15 ударов нагаечных.

Во время телесного наказания упомянутых, палачи приговаривали: „Вот тебе товарищ Ленин... Вот тебе товарищ Троцкий... А вот тебе Крыленко, а вот тебе и революционный дух... Будете помнить отряд Анненкова и в вашей жизни останется память“...

По окончании наказания говорили: „Вставай и беги без оглядки домой“. Если же который во время наказания кричал, тому увеличивали наказание, или же поднимался и во время бега падал или спотыкался, дополнительно выставленные в строй палачи производили удары прикладами, кулаками и пинками.

Затем часть арестованных освободили, а остальных отправили пешком в Юрюзанский завод (10 верст) в контрразведочную команду, которая состояла из сербов.

По прибытии в Юрюзанский завод вышеперечисленных арестованных лиц водворили в арестный дом, разместив мужчин и женщин по разным камерам и произвели вторичное наказание нагайками.

1) Верину 10 ударов, 2) Козыреву 20 ударов, 3) Вассе Хардиной производили ежедневно по 40 ударов нагайками в течении 3-х дней. Затем те товарищи, которые были освобождены от первого ареста, на следующий день были вторично арестованы и препровождены 12 июня, так же, как и первые в Юрюзанский завод и помещены совместно в общей камере; аресту подверглись нижеследующие лица: Иван Антонов, Михаил Хухарин, Семен Лазаренков, Павел Марков, Григорий Болышев, Дмитрий Ликинский, Андриан Котельников.

В ночь с 12-го на 13-е июня были открыты двери арестного двора и под усиленным смешанным караулом сербов и русских, — вошел палач и по списку начал вызывать арестованных: С. Д. Козырева, С. П. Николаева, К. С. Гладышева, И. М. Антонова, В. Ф. Дорофеева, Е. П. Савельева, Д. М. Ликинского, А. А. Котельникова, С. Н. Лазаренкова и П. Т. Маркова.

Из арестного дома производили вывод на улицу по два человека, скручивая руки назад и связывая проволокой.

* * *

По занятии советскими войсками станции Вязовая и Юрюзанского завода и возвращении скрывающихся от белых банд братьев Гладышевых, 16 июля было исходатайствовано разрешение от представителей советских войск на право отрытия могилы погибших товарищей и перевозки трупов из района Юрюзанского завода до ст. Вязовая для похорон на кладбище на ст. Вязовая. По получении упомянутого разрешения и с горячим участием товарищей бр. Гладышевых Василия Петровича, Сазонова Капитона Васильевича, Жидкова Терентия Павлова, Маркова П. Е., Неганова было приступлено к отрытию могилы и осмотру трупов. Оказались повреждения у погибших товарищей, причиненные, очевидно, пытками палачей белогвардейских банд, нижеследующие:

1) У Андриана Алексеевича Котельникова разрублено правое плечо около шеи, переломлена ниже колена правая нога и пропорота штыком пятка, а также и туловище двумя сквозными ударами.

2) У Степана Дмитриевича Козырева, несколько штыковых сквозных ударов в туловище, снята шашкой правая сторона черепа с ухом и отрублены 4 пальца левой руки.

3) У Кузьмы Семеновича Гладышева вывернуты в коленях ноги с пальцами назад, один сквозной штыковой удар в грудную клетку и огнестрельная рана в виски на вылет.

4) У Степана Петровича Николаева исколоты штыками руки выше кистей и до локтей, снята шашкой задняя часть черепа (затылок), одна сквозная штыковая рана в туловище, две огнестрельные раны в ногу и правый бок.

5) У Дмитрия Михайловича Ликинского переломлена правая рука выше кисти, штыковой удар, сквозной, в левый бок и сняты шашкой правый висок и часть черепа.

6) У Василия Федоровича Дорофеева переломлены руки выше локтей с раздроблением костей, отрублены два пальца правой руки, разрублена шашкой сверху голова с рассечением черепа и несколько сквозных штыковых ударов в туловище.

7) У Ефима Петровича Савельева снята верхняя часть черепа, разрублена и несколько штыковых легких и сквозных ударов в туловище.

8) У Ивана Моисеевича Антонова исколоты штыковыми ударами ноги ниже колен, выдернуты руки, несколько сквозных штыковых ударов в туловище.

9) У Семена Никитича Лазаренкова избито лицо, отрублено лёвое ухо, отрезан член с мошной, срублено шашкой темя и часть лба.

10) У Павла Терентьевича Маркова раздроблена прикладами голова, отрублено левое ухо, выколоты глаза, выбиты зубы, переломлены руки и ноги и проколото штыковыми ударами туловище.

Вышеперечисленных мучеников — товарищей, подвергшихся пыткам и издевательствам палачей выяснить точно не представлялось возможным, в виду опухоли, разложения трупов и неимением врача.

Только лишь представлялось возможным выяснить поверхностно происхождение повреждений, очевидно упомянутые палачи производили издевательства при жизни погибших товарищей".

Южно-Уральские рабочие в революции, по документам белых.

ПЕРЕПИСКА БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ О МИНЬЯРСКОМ ОТРЯДЕ.

Разведывательная сводка.

Зав. Миньяр. (карта 8 в. в дм.) 28 июня 1919 года.

По сведениям агентуры в районе заводов Аша-Балашевский, Миньяр и Симский в горах находятся группы скрывающихся дизертиров и большевиков общей численностью до 400 чел. Цель их — поднять восстаиие на заводах, чтобы воспрепятствовать эвакуации заводов. По сведениям около 50 челов. находятся в логовище, что в 10 вер. от зав. Миньяр. Все скрывающиеся имеют оружие. Связь красноармейцев с рабочими заводов осуществлялась через оставленных на местах советских деятелей. На днях захвачен шпион, который дал показания по организации большевиков на названных заводах. Сегодня как будто бы предполагалось их выступление. К ликвидации организации и бродячих шаек большевиков в лесах приняты все меры.

Обер-офицер Штаба 1-й стрелковой Самарской дивизии, поручик Михайлов.

ДОКЛАД КОМАНДИРУ КОРПУСА.

Жители завода Симского, сочувствующие нам, указывают на существующую организацию рабочих, имеющих связь с главной организацией партии большевиков и называют фамилии организаторов. Такими вожаками бродячих по лесу банд большевиков, в районе завода Миньяр — Симский, являются: Петр Усачев и Трофим Осокин, первый — рабочий, а второй — комиссар Симского завода. Установить точную силу этих банд пока не удалось. Сегодня 4 разведчика Егерского батальона имели с ними столкновение. Отправившись по дороге на Кропачево, они, свернув с нее, тропой пошли в глубь леса. Пройдя версты две чащей, они подошли к логовищу, где заметили четырех лошадей. Увидевши их, большевик бросился бежать в горы, и через несколько минут разведчики

были обстреляны ружейным огнем и забросаны ручными гранатами. Один разведчик осколком разорвавшейся гранаты получил царапину лица. Вчера по этой же дороге шайка напала на дивизионный обоз, но была прогнана. Сегодня мною к логовищу послана рота Самарского полка с разведчиком Егерского баталиона. Родственники скрывающихся большевиков арестованы, но показаний никаких не дали, отвечая на все вопросы „не знаю". Например, Иван Куреньков даже не знает, мобилизованы его сыновья или добровольно служат в красной армии. По словам жителей, его три сына состоят в организации и скрываются в лесу. Отец Усачева проговорился в конце допроса, что его сын Петр поступил в красную армию добровольно. Прошу Вашего разрешения принять по отношению к семьям скрывающихся большевиков репрессивные меры, согласно приказа Верховного Правителя и Главнокомандующего от 14 мая с. г. за № 131.

Командующий дивизией, полковник
(подпись неразборчива).

Генкварверх, Наштаглавковосток, Комгруппы, Уфимской, Уральской, Волжской,

Наштарм Южной и Сибирской.

Сообщаю копию телеграммы № 115/р. Капитана Ефимова — дополнение № 01283, 01287 („сотый").

Захваченный агент Сверлов показал, что отряд сорок шесть человек под командой Гузакова 4 июля выступил со станции Буздяк, пробрался в наш тыл открыто под именем команды 1-го Гусарского Уральского полка, одетый в погоны. В Биянке четырнадцать человек под командой убитого матроса Гаранина открыто на подводах поехали через Леузы к ж. д. под именем солдат 8-го Кадрового Тюменского полка. Гузаков Петр Васильевич, выше среднего, худощавый, длинные русые волосы, с остальными должен был начать работу в районе Миньяр, Кропачево, Усть-Катав, при нем приемная радиостанция, от которой Сверлов должен был получить распоряжение о восстании. Связь поддерживается через доверенных лиц и крестьян подводчиков. Златоустовской организации известно, что Гузаков имеет полномочия поднять восстание. Около 20—25 июня должен был выступить к нам в тыл в район Челябинска вышесказанным путем или горными тропинками, или пробившись севернее Самаро-Златоустовской ж. д. трехтысячный отряд матросов под командой члена Ревкома Смирнова, а в направлении Белорецкое, Троицк — Челябинск.

две тысячи пятьсот отдела Златоустовской организации, имеет кличку „паря". По получении приказания по радио Гузакова снабжении динамитом организация должна уйти в горы. Через Килатовскую организацию найти Миасскую и Кусинскую. 5 июля нр. 115/р. (Миасс 6 июля)

Подлинный подписал: и. д. Генквармзап подполковник Кронковский.

Верно: Начразот Штагруппы Волжской,
подесаул Колесников.

Наштагруппы Уральской, Волжской, Уфимской, Начвоенадминистрат — Генералу Вишневскому.

Вне очереди только Волжской.

Командарм приказал немедленно принять самые крайние и суровые меры ликвидирования переправившихся через р. Уфу шайку 50 конных красных с целью, идя длиною Емашелга на Аша-Балашевскую или Златоуст поднять восстание воинских частей. Красные защитных погонах без кокард при 2 или 3 офицерах среди них один чине капитана другой поручика. Среди всадников латыши и мадьяры, имеется вьючный пулемет. Наружность начальника высокого роста худощавый большие черные усы. Офицеры в шапках сербского образца. 25 июня нр. 1731/р. Бердяуш.

Подписал Наштармзап полковник Обертюхин.

С подлинным верно: Дежурный офицер
Штаба Волжской Группы, прапорщик Котсев.

Верно: за старшего адъютанта Штаба 3-й
стр. Сибирской дивизии, прапорщик (подпись).

Командиру 11-го полка для сведения и принятия мер к задержанию.

И. д. Начальника штаба 3-й стр. Сибирской
дивизии подполковник (подпись неразборчива).

26 июня 1919 года
№ 783, д. Верхний Казаяк.

Сообщая для сведения копию телеграммы Генкварм-зап, прошу распоряжения принять меры к использованию населения; деньги, израсходованные на это дело, будут возвращены из сумм, кои потребованы из Штарма.

Копия телеграммы.

Среди жителей Тикеева, Нж., Ср., и Вр. Лемезы находится много желающих взяться за поручения по разведке ближайшего тыла красных, необходимо использовать эти предложения в самом широком масштабе, при недостатке денежных средств немедленно будут отпущены дополнительные суммы.

Ст. Бердяуш,
18 июля 1919 г. Нр. 1623.

Генквармзап, полковник Оберюхтин.

НР. 4170/б. Наштагруппы Волжской,
полковник Барышников.

Верно: Обер-офицер для поручений,
под'есаул Колесников.

Верно: за старшего ад'ютанта штаба 3-й стр.
Симбирской дивизии, прапорщик (подпись неразборчива).

Командиру 19-го полка для сведения.

И. д. Начальника штаба 3-й стр. Симбирской
дивизии, подполковник (подпись неразборчива).

26 июля 1919 года,
№ 784, д. Верхний Казаяк.

ПРИКАЗАНИЕ 1-й ОТДЕЛЬНОЙ САМАРСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ БРИГАДЕ № 96.

Зав. Миньяр, СЕКРЕТНО.

10 января 1919 года.

При расположении бригады в районе Аша-Балашевской ночью 8 января в штаб бригады были доставлены два трупа в военной форме, по констатированию врача, убитые каким-то тяжелым орудием. По признакам определено, что один из них офицер, а другой — солдат, какой части еще не выяснено. Такой случай имел место и в новом нашем расположении в районе завода Миньяр, где был убит неизвестно кем солдат

польского легиона. Усматривая в этом ни что иное, как факт террористического акта со стороны местных большевиков и халатность со стороны воинских чинов, павших от руки каких-то негодяев, позволяющих безнаказанно продолжать свое гнусное ремесло, — начальник бригады приказал всем начальникам внушить своим подчиненным, что мы переживаем войну гражданскую — войну особенную, в которой, кроме явного противника на фронте, приходится считаться с противником в тылу. А потому нужно быть всегда осторожным и не быть слишком доверчивым к лицам, кои возбуждают подозрение. Таких лиц, которые совершают свое гнусное дело из-за угла, часто можно определить по лицу, по его социальному положению, стоит только внимательно всмотреться. Внушить также подчиненным, что излишние разговоры в присутствии посторонних о наших войсках, о группировке их сил, являются тяжким преступлением, так как выдают наши военные тайны.

Во избежание подобных случаев начальник бригады приказал командирам частей на внутреннее охранение обратить особенное внимание, возложив это, главным образом, на полковых комендантов команды.

Непосредственным ответственным лицом по внутреннему охранению в районе расквартирования своей части ставлю коменданта, а там, где их не положено, командира части. В будущем начальник бригады приказал:

1) По приходе части в новый район обязательно от местных жителей, вполне заслуживающих доверия, секретно узнавать о степени неблагонадежного отношения жителей к нашим войскам.

2) О существующих тайных организациях, о готовящихся восстаниях; и каких-нибудь выступлениях и об отдельных явных большевиках.

3) С целью ознакомления с жителями обязательно устраивать обходы: при совместном расположении — с частями бригады в районе своей части, а при одиночном расположении — в пунктах наиболее опасных и более всего возбуждающих подозрение.

4) За подозрительными лицами и помещениями устанавливать надзор, прибегая в этом, а равно и в предыдущих случаях, к агентурной слежке.

5) Иметь, усиливая ночью, дозоры, которых проверять в правильности и бдительности служб.

6) О всем замеченном, заслуживающем внимания, немедлено сообщать коменданту Штаба бригады. Ему елжнаправнять всех задержанных и арестованных.

7) О всяких восстаниях и преступных деяниях доносить в Штаб бригады, а в случаях, нетерпящих отлагательства, беспощадно подавлять их своею властью.

Приказание это необходимо принять к точному и неуклонному исполнению.

Вр. и. д. Начальника Штаба,
капитан Шимановский.

ПОКАЗАНИЕ ШПИОНА РОМАНОВА, ЖИТЕЛЯ п. БЕЛЫЙ КЛЮЧ, ЗАХВАЧЕННОГО КОННОЙ РАЗВЕДКОЙ 44-го ПОЛКА.

Перед фронтом дивизии от Бедеева на север до Седяш находятся части 32-й дивизии, недавно переформированной из 28-й дивизии в районе Бугульмы. Задачи дивизии взять Красную Горку, Никольское и вести дальнейшее наступление на Аша-Балашевскую.

По словам Романова, от Бедеева до Хасабаева находятся части 1-го Тверского полка, дальше части 1-го Брянского полка, отряд Гандина, бывшего комиссара завода Аша-Балашевского, работавшего там электротехником. Отряд состоит из отборных надежнейших людей и имеет задачей, переправившись через р. Уфу на участке Аремный—Поповка, пройти по дороге через Дуванский—Никольское и дальше в Аша-Балашевский завод. Гандин носит золотые погоны со звездочками подпоручика и все его солдаты носят защитные погоны. По словам Романова, на заводе имеется уже боевая организация рабочих, руководимая Весниным и Чернышевым (оба рабочие Аша-Балашевского завода). Вместе с пойманным шпионом Романовым красными отправлены еще 4 агента с документами, на которых стоит штамп командира 14-го Уфимского стрелкового полка с полковой печатью. На удостоверениях подписи: командир полка подполковник Мусатов и полковой ад'ютант Васильев. Все 4 агента жители Аша-Балашевского района:

1) Николаев Иван, низкого роста, глаза черные, одет в гимнастерку с погонами.

2) Васильев Николай, высокий, рыжий, тоже в гимнастерке с погонами.

3) Ерофеев, высокий, черноватый, без усов и бороды, в гимнастерке с погонами.

4) Бурляков, приметы точно не указал.

Все четверо в сербских шапках, имеют сербские деньги. Цель их всех, в том числе и Романова, к 25 июня пройти к Веснину и Чернышеву, предупредить их о походе Гандина и встретить последнего в районе Никольского около 28 июня.

В распоряжении Аша-Балашевской организации имеется 5 пулеметов, 300 винтовок и несколько ящиков патронов, — все это зарыто в земле. Место Романов знает.

Романов в прошлом году служил в красной армии, затем (по его словам), будто бы перебежал на сторону белых, служил в городе Кургане в 4-м Кадровом полку, во 2-й роте. Затем будто бы уехал в отпуск в Белый Ключ, где живут его родители, оттуда ушел к красным, где был комиссаром 1-го Тверского полка. Во время отступления был оставлен в Белом Ключе будто политкомом 28-й дивизии Вихаревым для связи с Аша-Балашевским заводом. Последнее время служил в конном отряде Гандина.

При отступлении Вихарев выдал ему удостоверение, что он оставлен по болезни. Переправляясь на нашу сторону, он получил от Гандина 1000 рублей сибирскими деньгами, которые будто бы оставил в Белом Ключе у матери и тестя. Недели 2—3 тому назад был в Аша-Балашевском заводе, вел переговоры от имени Вихарева и Гандина с организаторами завода. В заводе боевая дружина примерно насчитывает до 100 челов. рабочих.

По его словам, севернее Аремного, будто бы находятся части 30-й дивизии, которой приказано загнать белых в горы. В районе Белого Ключа у лесника укрывается 20 красноармейцев, которые имеют спрятанными у того же лесника 5 винтовок.

Романов завтра обещал, 17 июня, выдать этих красноармейцев, есника, 5 винтовок и тех четырех агентов, которые с ним лдолжны следовать на Аша-Балашевский завод. Эти 4 агента будто бы должны уже притти в Каменный Лог. Сведения о неприятельской армии дал в штабе 44-го полка, копия показаний и донесений командира 44-го полка прилагается.

Предположение—с рассветом выехать с Романовым, дабы подтвердить его показания, а затем ехать с ним на Аша-Балашевский завод для ареста Веснина и Чернышева и захвата пулеметов и винтовок.

Копия с копии верна: *Заведующий разведкой Штадива Самарской, поручик (подпись).*

Самоликвидация и покаянное слово Златоустовских эс-эров.

В июне 1922 года группа златоустовских эс-эров выступила с заявлением о необходимости созыва Всероссийского легального с'езда старых членов партии С.-Р. „по вопросу о ликвидации партии".

Вслед за этим началась организационная работа группы С.-Р. по самоликвидации партии.

В Златоусте было организовано Уральское Областное Бюро, которое помимо Златоуста проделало соответствующую работу в Пермской, Челябинской, Тюменской, Екатеринбургской и Уфимской губерниях.

К декабрю 1922 года оформилось в Москве Центральное Бюро по созыву Всероссийского с'езда партии С.-Р. и 17 марта 1927 года этот с'езд состоялся в Москве.

Мы печатаем заявление группы златоустовских эс-эров, с которым они выступили в июне 1922 года.

Голос партийных низов о ликвидации партии С.-Р.

Нам доставлен любопытный документ, характеризующий настроение партийных низов П. С.-Р. на Урале, куда успели долететь из Дома Союзов декларации сидящего на скамье подсудимых ЦК П. С.-Р.

Подписавшие заявление являются бывшими членами златоустовской организации П. С.-Р., ее активными работниками. Заявление это выработано и принято на собрании, на котором присутствовали все подписавшие его члены П. С.-Р. в числе 17 человек, под председательством Ярославцева.

— „Мы, группа бывших старых активных членов одной из самых мощных организаций партии социалистов-революционеров на Урале—златоустовской, ознакомившись с декларацией представителя группы Ц. К. социалиста-революционера Тимофеева, зачитанной на суде Верховного Трибунала, сочли необходимым открыто заявить, как бывшие старые активные работники П. С.-Р., что мы также повинны в преступлениях партии периода 1917 и 1918 годов, какие ныне вменяются в вину нашим бывшим руководителям, членам Ц. К. и готовы вместе с ними разделить логически вытекающую отсюда ответственность.

В конце 1918 года златоустовская организация, учтя всю преступность борьбы с Советской властью, сделала через своих представителей в Уфе ультимативное заявление Ц.К.

о необходимости выхода из состояния вооруженной борьбы с Советской властью. Но последний, вопреки заявлению низов, на свою ответственность продолжал прикрывать преступность этой борьбы.

Принимая во внимание вышеуказанные разногласия не только между отдельными членами, но и целыми организациями, с одной стороны и Ц. К.—с другой для выявления истинного общественного мнения эс-эров, мы считаем настоятельно необходимым созыв Всероссийского легального с'езда старых членов П. С.-Р. по вопросу о ликвидации партии, ибо по нашему глубокому убеждению, большинство последних стоит за необходимость самого тесного сотрудничества с Советской властью и коммунистической партией в деле восстановления хозяйства республики и установления единого фронта против наступающего мирового капитала. Проанализировав сделанные Тимофеевым заявления, отстаивающие необходимость борьбы за форму власти, установленную в феврале, мы вынуждены констатировать коалицию партии эс-эров с чуждыми классу пролетариата и интервенчески настроенными элементами, которые для трудящихся, кроме огромного количества могил революционеров Поволжья, Урала и Сибири, ничего не дали, а потому мы считаем единственной формой власти, власть рабочих и крестьян в лице Советов. Борьбу же за лозунги, выброшенные Тимофеевым, мы считаем не только недопустимой, но и преступной *).

Кузнецов, Филатов, Ярославцев, Умарцев, Кашин, Рябов, Стахеев, Мохов, Аликин Бердников, Перевалов, Стариков, Лебедев Ильин, Попов, Пронизин, Бердников.

26 июня 1922 г.".

(„Правда", 28 июня 1922 года).

*) Декларация эс-эра Тимофеева, судимого вместе с другими членами Ц. К. партии эс-эров в 1922 г., оглашенная им на суде, являлась продолжением борьбы против Советской власти.

Покаянное слово Златоустовских меньшевиков.

ОБРАЩЕНИЕ БЫВШИХ МЕНЬШЕВИКОВ.

Декларация группы бывш. членов Златоустовской организации Р. С. Д. Р. П. (меньшевиков).

— „Мы, группа членов Златоустовской организации Р. С. Д. Р. П. (меньшевиков) решили выйти из таковой по следующим обстоятельствам: мы, рядовые члены, считаясь с заслугами и работой нашей партии в дореволюционное время, увидели, что наш ЦК и лидеры нашей меньшевистской партии повели с первых же дней революцин линию соглашения с буржуазией местной и заграничной.

Наши вожди Чхеидзе и Церетелли, вели нас на поводу с помощью наших местных лидеров, которые при первой же возможности улизнули неизвестно куда, а другие, оставшиеся здесь, перешли в члены ВКП (б), не считая нужным предложить своим товарищам, рядовым членам, сделать то же самое; очевидно, что признать свои ошибки они считали неприличным.

Считаем всю работу нашего ЦК и наших лидеров предательской и преступной по отношению к нам, рядовым членам, и—главное—ко всему рабочему классу. Когда господа Абрамовичи и др. на конгрессе 2 и $2^1/_2$ интернационалов говорят от имени членов социал-демократической партии, ничего общего на самом деле с таковыми не имея и не получив полномочий от рабочих, именем которых говорят, тем самым провоцируют и оскорбляют нас, рабочих и всю демократию.

А потому на явно контр-революционный путь, на который вы, ЦК меньшевиков и наши лидеры встали, находясь в союзе с заграничной буржуазией против рабочего класса, мы, рядовые члены Златоустовской организации меньшевиков, не встанем и с презрением отвертываясь от вас, заявляем на ваш выкрик клеймящий нас трусами, предателями и ренегатами, что мы таковыми не являемся. Присвойте эти титулы себе в дополнение к тем, чем вас наградила отечественная и заграничная буржуазия, а мы будем устраивать открытые конференции и на них призывать наших товарищей, где и будем судить вас, ЦК и лидеров нашей партии, которые бросили нас в контр-революционный лагерь против нашего желания, что и побудило нас порвать с нашей партией.

Наша группа во время Колчака также с низов протестовала против колчаковского насилия и какой бы то ни было совместной работы с ними, тов. Майский, протестуя против белого террора и вообще насилия, был зверски убит приближенными Колчака, а может быть и при участии и покровительстве нашего ЦК.

Конечно, считая виновниками установления власти Колчака наш ЦК и лидеров меньшевиков, которые, обнимаясь с чехославаками и сербами, устраивали разные „директории" и вообще обнимались с контр-революцией и нас тянули в эту грязную работу, мы после этого только с презрением можем смотреть на наш ЦК и лидеров за их работу.

Протестуя против всех подпольных организаций устраиваемых нашим ЦК, которые тормозят работу Советской власти, мы заявляем, что в таковых организациях и др. контрреволюционных выступлениях не участвовали и не участвуем и клеймим позором наш ЦК за таковую работу, которая приносит вред рабочему классу.

Многие может быть товарищи будут упрекать нас за то, что мы поздно хватились и разглядели обман нашего ЦК и лидеров, но мы скажем: „лучше поздно, чем никогда". Да, мы признаем себя невольными виновниками, тормозом работы Советской власти, благодаря обману нашего ЦК и лидеров, но разглядев обман и открыв глаза, мы будем работать с удвоенной энергией на платформе III-го Интернационала под руководством ВКП (б), наверстывая упущенное время, ибо работы впереди много и наш революционный долг перед рабочим классом—выполнить такую до конца.

Мы, инициативная группа, вызываем своих единомышленников (как имевших билет на руках, так и не имевших, но работавших и сочувствующих партии) последовать нашему примеру и присоединиться к нашему заявлению. Заявления подавать в редакцию „Пролетарской Мысли" в г. Златоусте. Срок подачи заявлений желательно месячный со дня публикации в газетах, дабы возможно было созвать оффициальный с'езд по ликвидации партии меньшевиков в крупном областном масштабе в г. Златоусте".

Леонид Андреев, Ф. Ерин, А. Галкин, П. Рябов, Круглов.

(„Пролетарская Мысль", 14 ноября 1923 года).

Выписка из протокола заседания Миасской организации бывших членов РСДРП (меньшевиков) от 26-го апреля 1924 года.

Присутствовали: уполномоченный Окрбюро Скворцов, бывшие члены партии меньшевиков: Казымов Ив. Ив., Гредасов П. Ф., Трубеев В. А., Лосев Ал. Евгр.. Аганин В. В., Рыков П. Н., Мальвинский М. М. Председателем избран Казымов Ив. Ив., Секретарь Рыков П. Н.

Слушали: О ликвидации Миасской организации РСДРП (меньшевиков).

Постановили: Миасская организация бывших членов РСДРП (меньшевиков) присоединяется и принимает декларацию группы членов Златоустовской организации меньшевиков, напечатанной в „Пролетарской Мысли“ от 14 ноября 1923 года в № 501.

Заявляем: что ЦК партии меньшевиков, в самый важный и критический момент после февральской революции, в полном сознании ответственности за свои поступки, использовал доверие рядовых членов партии и круто изменив направление, перешел на сторону российской и международной буржуазии, в полной уверенности, что рядовые члены пойдут за ними.

Констатируя это гнусное предательство, мы заявляем, что рядовые члены партии меньшевиков далеко не разделяли и не разделяют мнений лидеров партии меньшевиков, ставящих единственной целью „власть для власти“, а не для благополучия рабочих и крестьян.

Имея перед собою яркие примеры политического направления Российской Коммунистической Партии (большевиков) в течение 6½ лет и как сопоставление рабоче-крестьянской власти в Союзе Социалистических Республик с „рабочим правительством“ Макдональда в Англии и „буржуазных свободных демократических“ республик: Франция, Америка и др. мы призываем всех бывших членов РСДРП (меньшевиков) еще раз пересмотреть действия ЦК (меньшевиков) и руководясь здравым смыслом присоединиться не к протесту на действия ЦК меньшевиков, а к совместной работе на платформе РКП (б), действительной выразительнице воли рабочих и крестьян, единственной партии без компромиссов и заигрываний с буржуазией, твердо стоящей на страже революционных завоеваний Октября и продолжающей систематически углублять эти завоевания, не смотря ни на какие угрозы международного капитала. В ком есть еще революционный дух, в ком есть еще капля здравого смысла, все должны подать свой голос за скорейший созыв областного, а затем Всероссийского с'ездов по ликвидации партии меньшевиков.

Все, у кого бьется в груди революционное сердце, кого гнетет неправда и продажность ЦК партии меньшевиков, все

должны, откинув малодушие и двуличность, открыто и честно заявлять всему миру, на сколько мы презираем и клеймим позором предательство руководителей партии меньшевиков, которые, как мифический Иуда целованием с буржуазией предают дело всего рабочего класса.

Председатель Казымов, Уполн. Окрбюро Скворцов, члены: Аганин В., Трубеев, Мальвинский, А. Лосев, Н. Гредасов. Секретарь Ник. Рыков.

(„Пролетарская Мысль"—7 мая 1924 года).

Декрет Совета Народных Комиссаров

о конфискации и об'явлении собственностью Российской Республики всего имущества Акционерного Симского Общества горных заводов.

В виду отказа Акционерного Симского Общества горных заводов подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством Совет Народных Комиссаров постановил: конфисковать все имущество Акционерного Симского Общества горных заводов, в чем-бы это имущество не состояло, и об'явить его собственностью Российской Республики.

Весь служебный и технический персонал обязан оставаться на местах и исполнять свои обязанности.

За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы революционному суду.

Порядок управления делами О-ва в Петрограде и условия передачи отдельных заводов, предприятий и отраслей во временное ведение местных Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, фабрично-заводских комитетов и подобных учреждений будут определены особыми постановлениями Народного Комиссара Оорговли и Промышленности.

Председатель Совета Народных
Комиссаров **В. Ульянов (Ленин).**

Народные Комиссары: **А. Шляпников, В. Менжинский, А. Луначарский.**

Управляющий Делами Совета **Бонч-Бруевич.**

Секретарь Совета **И. Горбунов.**

9 декабря 1917 года. Декрет № 69.

Распубликован в № 30-м газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 12 декабря 1917 года.

Отдельные даты событий 1917—18 и 19 годов *).

1917 год.

Марта 3-го. В Кусе и Миньяре получена телеграмма об отречении от престола Николая II.

Марта 4-го. Первое общее собрание граждан Миньярского завода по поводу разоружения полиции. Разоружение полиции в Миньяре.

Приказ по гарнизону города Златоуста о признании 128 запасным пехотным полком Временного Правительства.

Марта 5-го. Общегражданское собрание Кусинского завода. Избрана комиссия по организации Совдепа.

Марта 6-го. Выборы в Кусинский Совдеп по цехам завода.

Марта 10-го. Демонстрация миньярских рабочих в связи с отправкой полицейского надзирателя Воробьева в Уфу.

Апреля 24-го. Постановление Совдепа станции Златоуст, о слиянии с Совдепом города Златоуста.

Июня 27-го. Организационное собрание социалистического союза молодежи в Миньяре.

Августа 4-го. В Миньяре состоялось собрание профсоюза служащих на с'езд в Екатеринбург.

Августа 21-го. Однодневная забастовка протекла в Миньяре и Усть-Катаве по поводу Московского совещания Временного Правительства.

Сентября 8-го. Выборы в Волостное Земство в Миньярском зав.

ОКТЯБРЬ. Организация Красной гвардии в Миньяре.

Ноября 6-го. Доклад на собрании рабочих Миньярского завода т. Сулимова Д. Е. со Всероссийского С'езда Советов об установлении власти.

Ноября 7-го. Организация Ревкома в Катаве и переход власти к большевикам. Организация Красной гвардии в Катаве.

Декабря 9-го. Национализация Миньярского завода и организация делового совета. Декрет Совнаркома о национализации заводов Симского горного округа.

Декабря 15-го. Приступила в Миньяре к работам Заводская Тройка в составе Заикина Я. Г., Зеленцова С. М. и Коржакова А. С.

Декабря 26-го. Первое выступление против Дутова. Отправка из Миньяра на Дутовский фронт первого отряда Красной гвардии.

---

*) Даты 1917 г. и января 1918 г. указаны по старому стилю; с февраля 1918 г. по новому стилю.

1918 год.

Января 2-го. Проводы из Миньяра 2-го отряда Красной гвардии в количестве 38 человек на разоружение эшелонов казаков. Приезд раненых и привоз убитых красногвардейцев в Миньяр.

Января 30-го. С'езд Советов в Уфе. Доклады Подвойского, Голощекова и Кадомцева о военном положении.

Февраля 17-го. Бой на ст. Сим с казаками (разоружение эшелонов) убито 8 казаков и 1 офицер. Эшелоны разоружены.

ФЕВРАЛЬ. Отправка с Бакала отряда в 20 человек на фронт. Организация боевой дружины в Юрюзани. Создан Совет Рабочих Депутатов в Кусе с преобладанием в нем большевиков. Разоружение в Златоусте эс-эровской дружины. Создание в Златоусте большевистского Ревкома.

Марта 21-го. Отправка из Миньяра отряда в количестве 653 человек в Месягутово на подавление кулацкого восстания.

МАРТ. Отправка отряда в количестве 60 чел. против Дутова в Верхне-Уральск; под командой М. Кадомцева

Апреля 1-го. Приступил к работам Уездный Совет Народных Комиссаров в Златоусте.

АПРЕЛЬ. Национализация завода „Магнезит". Переход кооперации Аши со старого устава на новый. По старому уставу право голоса зависило от количества паев. Новый устав эти правила уравнял.

Мая 14-го. Оставление Миасса красными.

Мая 17-го. Занятие Миасса чехами.

Мая 18-го. Бой под Миассом.

Мая 27-го. Разоружение чехо-словацких эшелонов на ст. Златоуст. Бой на станции у железно-дорожной выемки у моста и в городе в Сатаевке.

МАЙ. В Миньяре состоялось собрание по вопросу о мобилизации в Красную гвардию, в связи с наступлением чехословаков на Златоуст.

Мая 31-го. Отправка из Миньяра в Златоуст отряда в 300 человек.

Июня 1-го. Разогнан Кусинский Совет Рабочих Депутатов.

Июня 14-го. Восстание в Кусе.

Июня 17—18—19—20. Борьба за власть в Кусе. Военные стычки. Обстрел завода из орудий. Сгорела больница.

Июня с 15 по 20. Восстание в Сатке.

Июня 21-го. Занятие Кусы Красной гвардией.

Июня 26-го. Отступление Красной гвардии из Кусы. Бой красных с белогвардейцами-фронтовиками у дер. Веселовки. Белые разбиты.

Июня 27-го. Занятие Кусы чехо-словаками. Восстание в Златоусте.

ИЮНЬ. Взят белыми Аша-Балашевский завод.

Июля 5-го. Разоружение штаба Красной гвардии повстанцами в Сатке.

Июля 6-го. Отступление красных из Миньяра. Занятие Миньяра белыми.

Сентября 2-го. Приезд в Миньяр карательного отряда башкир.

Ноября 16-го. Открытие в Златоусте Агентурно-Политического пункта чехо-словацкого корпуса. Цель открытия пункта, как указано в помещенном по этому поводу в газете об'явлении — борьба с германофильским большевизмом,— „уничтожение в корне большевизма".

1919 год.

Января 24-го. Арест Коковихина, А. Брагина, Саблина и Фатсева (Миньяр).

Марта 17-го. Расстреляны товарищи: Коржаков, Фатсев, Шлеков, Булатов (Миньяр).

Июня 7-го. Взятие Юрюзани красными.

Июня 24-го. Мобилизация в Миньяре красных партизан.

Июля 1-го. Взятие красными зав. Сим. Встреча партизан с 232 полком Красной Армии близ Миньяра.

Июля 2-го. Бой под Миньяром с белыми.

Июля с 2-го по 3-е. Взятие Миньяра Красной Армией в 1 час ночи.

Июля 12-го. Взятие Кусы Красной Армией.

Июля 13-го. Взятие Красной Армией г. Златоуста.

Июля 14-го. Выборы первого Исполкома на ст. Златоуст по занятии города Красной Армией.

Декабря 24-го. Открылся 1-й Златоустовский Уездный Съезд Советов.

СПИСОК

первых активистов Красной гвардии, погибших в борьбе за Власть Советов.

1. Андрюшкевич.
2. Аристов В. М.
3. Байбус.
4. Балахнин.
5. Барматов.
6. Белоусов.
7. Бисеров Е. И.
8. Бисярин И.
9. Бойков Мих.
10. Борцов К.
11. Бочкарев П. П.
12. Брюханов К. А.
13. Буянов Т. М.
14. Буянов К. Ф.
15. Буянов Ф. М.
16. Варганов И. Г.
17. Вершинин Т. И.
18. Векшин П. П.
19. Винокуров А. Д.
20. Волков И. Н.
21. Волков С. К.
22. Володин.
23. Гарин Н. С.
24. Галяткин Ф. К.
25. Гепп В. Т.
26. Горцев Викт.
27. Горелов Н. С.
28. Сажин.
29. Дудин Г. А.
30. Дюкарев Ник.
31. Елфимов Т. Е.
32. Елфимов И. Е.
33. Есарев.
34. Жалмин П. И.
35. Жилов С. Н.
36. Жуков.
37. Зарубин Иван.
38. Зайцев Я. Г.
39. Заикин Г. М.
40. Заводчиков.
41. Зинин.
42. Иванов.
43. Ипатов И. И.
44. Карлин П. Х.
45. Климанов И. К.
46. Киселев И. В.
47. Киселев П. Я.
48. Кляпинин А. А.
49. Кляпинин С. А.
50. Араловцы.
51. Бояршинов Е.
52. Колупаев С. М.
53. Копынев Флор.
54. Скворцов „Потап".
55. Котельщиков Пав.
56. Крицкий Ст.
57. Кулемин И. И.
58. Курчатов Н. А.
59. Лысов Д. А.
60. Максимов.
61. Маринин.
62. Малясов Д. М.
63. Мельников А. С.
64. Мурзин Д. И.
65. Нагорнов И. Г.
66. Нихоношин З. Г.
67. Новиков Г. П.
68. Овчинников Ив.
69. Печенкин П. С.
70. Подгорный Мих.
71. Пономарев А. Ю.
72. Пономарев Н. А.
73. Полушкин В. А.
74. Рудин.
75. Савельев П. М.
76. Савицкий Н. Ф.
77. Свиридов Н. П.
78. Семейкин И. С.

79. Силкин И. И.
80. Скорынин Петр.
81. Слепов А. Ф.
82. Сморкалов.
83. Стукин И Ф.
84. Спицин Н. Ф.
85. Сомков Д. Г.
86. Тезиков И. В.
87. Токарев Федор.
88. Токарев В. М.
89. Фатеев Ф. Ф.
90. Хомутов А. С.
91. Хохлов П. А.
92. Цепилов И. И.
93. Циркулинский В. М.
94. Чертов В. С.
95. Шаляев Павел.
96. Шаров Степан.
97. Шведов Павел.
98. Шубин И. А.
99. Щербаков Вас.
100. Щипицин Георгий
101. Напалков.
102. Дубровин Я.
103. Заикин Д. П. и многие другие.

В список вошла только небольшая часть погибших на фронтах и замученных в застенках Колчака первых бойцов гражданской войны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие.
Экономика Южного Урала 1
Путь к Октябрю—**С. Шапурин** 20
Златоустовская бойня 34
Две забастовки—**В. Заикин** 38
Зачатки рабочего движения в Катав-Ивановских заводах—**В. Галанов** 43
Восстание в Симу—**И. Кручинин и И. Салов** . 51
Годы борьбы—**С. Шапурин** 58
Миньярцы—**Ф. Вдовин** 73
Миньярцы—**И. Смирнов** 88
На пасеке—**И. Смирнов** 96
За Советский Урал—**К. Туманов** 100
Октябрь в Златоусте—**В. Беляков** 114
Привет назаровцам—**С. Каменев** 119
Кровавый год в Юрюзанском заводе—**К. И.** . 123
Муратовка—**П. Алякин** 126
Взятие Златоуста красными—**Уваров** 128
Пятеро повешенных 132
А. С. Коржаков 135
Вася Грачев—**Ф. Вдовин** 136
Ковшов Виталий—**Ф. Вдовин** 138
Миша Козлов 140
Пример храбрости 141
На стройке социализма 142
Зверства белых 155
Южно-Уральские рабочие в революции, по документам белых 159

Самоликвидация и покаянное слово Златоустовских эс-эров 166
Покаянное слово Златоустовских меньшевиков 168
Декрет Совета Народных Комиссаров 172
Отдельные даты событий 173
Список первых активистов Красной гвардии, погибших в борьбе за Власть Советов . 176

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б)

Замеченные опечатки и недосмотры.

Стр.	Абзац сверху:	НАПЕЧАТАНО:	Н А Д О:
1	5	(От слов):... Не случайно (до слов):... и передельным Усть-Катавским...	...Не случайно... и передельным Усть-Катавским[2]).
1	[2]) Примечание:		В. Шведов и К. Петров. „Из прошлого Юж.-Ур. заводов".
18	6	2-я строка: 1912 года	... 1912 года,
18	6	3-я строка: (батрачество)	... батрачество,
50	Подпись:	В. Галанов	В. Галанов *).
50	Примечание:		*) „Былое Урала", кн. 4-я.
51	Заголовок	Восстание в симу	Восстание в Симу.
70	4	3-я строка: 8 часов отвоевала	... 8 часов отвоевали.
72	Последний	Так **четыре** года	Так **через** годы
74	5	3-я строка: вокресная	воскресная
74	5	9-я строка: выделявшее	выделявшей
75	4	4-я строка: вносследствии	впоследствии
76	3	3-я строка: условиям	условиях
76	3	3-я строка: методам	методами
81	5	1-я строка: находилиеь	находились
85	5	3-я строка: симским	симском
99	Подпись	(Из статьи И. И. Смирнова	(Из статьи И. Н. Смирнова)

27741

Цена 70 коп.